

https://vk.com/best_hot_romance

СЛОМЛЕННЫЕ

ИДЕАЛЬНОЕ НЕСОВЕРШЕНСТВО #6

души

НЕВА ОЛТЕДЖ

Ася

Мне стыдно вернуться к семье. Я не смогу вновь стать одной из них.

Не после того, что пережила. Сестры, которую они знают, любят и помнят... уже нет. Больше нет.

Но затем появился он. Тот, кто приютил меня.

Исцелил душу. Освободил от демонов. Избавил от страхов. От шрамов.

Шаг за шагом, по крупицам восстанавливал меня.

Павел

Я не сближаюсь с людьми, мне никто не нужен. Но повстречав её...

В этой сломленной девушке я нахожу все, что хочу. Все, что желаю.

Я эгоистично хочу забрать ее, оставить при себе.

Но она больше не нуждается во мне. Я должен ее отпустить, позволить ей расправить крылья... позволить ей летать.

Она не принадлежит мне. Да и я не вправе любить ее. Обладать ею.

Смогу ли я приучить свою израненную душу выживать без нее?

Перевод: Luizas12

Редактура: Nikolle

Русификация обложки: Хексаны

Переведено для группы:

vk.com/best_hot_romance

Примечание автора:

Дорогой читатель.

На сегодняшний день «Сломленные души» является самой трудной для меня книгой. Из-за щекотливой темы она отличается от предыдущих книг серии. В «Сломленных душах» основное внимание уделяется персонажам, и хотя в ней присутствует подсюжет о мафии, он вторичен по отношению к истории героев. Кроме того, если вы читали предыдущие книги серии, то знаете, что я люблю добавлять немного юмора в каждую историю. В этой книге такого элемента не будет. В ней затрагивается очень тяжелая тема, и включение юмора было бы неуместным.

Пожалуйста, прочтите предупреждение. Если вы считаете, что эта тема может вызвать у вас тревогу или неприятные впечатления, пожалуйста, пропустите эту историю. Не переживайте, если вы решите не читать эту книгу, то не пропустите никаких важных для остальной части серии разоблачений и сможете вернуться в мир «Идеальное несовершенство» в следующей книге.

Я хотела бы выразить благодарность Рути, которая внимательно прочитала «Сломленные души» и дала советы по улучшению, чтобы борьба Аси и ее путь были представлены реалистично и тактично.

Если вы решите прочитать «Сломленные души», я от всего сердца надеюсь, что история Аси и Павла вам понравится. Возможно, это часть мафиозной серии, но прежде всего это история о любви, о преодолении обид, о силе семьи и стойкости человеческого духа.

Предупреждение

В книге содержатся темы:

- сексуальное насилие (включая изнасилование, но не между главными героями);
- посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР);
- упоминание о попытке самоубийства;
- упоминание о сексуальном рабстве;
- упоминание об употреблении наркотиков;
- откровенные сцены насилия и пыток, а также кровь.

Если вы пережили сексуальное или физическое насилие, некоторые моменты в истории могут вызвать негативные воспоминания, а впоследствии привести к стрессу или депрессии.

Наша героиня справляется со своей ситуацией, полагаясь на силу и поддержку нашего героя. И хотя мы верим, что любовь может исцелить, пожалуйста, имейте в виду, что эта история является художественным произведением. Я рекомендую вам обратиться за помощью в соответствующую организацию или к надежному медицинскому специалисту. Вы не должны молча страдать.

Пошел снег.

Под спиной промерзлая земля царапала лопатки, пока я смотрю поверх плеча мужчины в темное небо над головой. Все кажется каким-то размытым. Я не могу разглядеть снежинки, но чувствую, как они падают мне на лицо. Хрупкие. Нежные. Они напоминают мне ноты одного из произведений Эрика Сати, и я напеваю про себя мелодию, пока обжигающая боль раздражает меня изнутри.

Разве должно быть так больно? Я знаю, что в первый раз всегда больно, но никогда не думала, что боль будет так долго длиться.

Мужчина стонет, и его тяжесть внезапно исчезает. Я веду рукой вдоль живота, по разорванному платью и прижимаю ладонь между ног. Влага. Слишком много. Даже слишком. Приблизив руку к лицу, я смотрю на покрытые кровью пальцы, в то время как мелодия все еще играет в глубине моего сознания.

— Ну что ж, ты оказалась очень даже ничего, дорогуша, — говорит мужчина. — Я изначально положил глаз на твою сестру. Может, вы и похожи, но в ней есть что-то такое, что источает роскошь. Клиенты, правда, предпочитают более утонченных особ, но ты вполне подойдешь.

Паника, какой я еще никогда не испытывала, выводит меня из оцепенения. Я перекатываюсь на бок, лицом к земле. В жилах бурлит энергия, и я вскакиваю на ноги. А потом бегу.

Между ног нестерпимо ноет. С каждым шагом меня пронзает острая боль. Меня трясет, но я не знаю от чего: от холода, от боли или от шока. Может быть, от ужаса того, что мужчина сделал и сказал. Рискнув оглянуться через плечо, слабо хнычу, когда вижу, что насильник преследует и меня догоняет.

Вдалеке показался свет фар, и я изменила курс и побежала в том направлении. Тихая медленная мелодия, звучащая в голове, сменяется боевым маршем, словно призывая меня бежать быстрее. Земля неровная, бежать трудно. Я постоянно спотыкаюсь о корни деревьев и низкорослые кусты, которые трудно разглядеть в темноте. Я вижу нечетко — потеряла очки, но ориентируюсь на свет, пробивающийся сквозь ветки, как на единственный спасательный круг, и продолжаю бежать. Низ живота потягивает и жжет между ног, но, стиснув зубы, я стараюсь не сбавлять темп. Воздух на морозе вырывается коротким паром, а снежинки ложатся на кожу рук. До дороги осталось несколько десятков метров. Я слышу машины. Осталось добраться до дороги, и кто-нибудь остановится и поможет мне.

Я уже почти добежала, когда босой ногой зацепилась за что-то и споткнулась, упав лицом на холодную твердую землю. Нет! Я вскакиваю, намереваясь продолжить бег к спасительному свету, когда сзади меня обхватывает рука.

— Попалась! — Сукин сын смеется.

Я вскрикиваю, но он закрывает мне рот другой рукой, заглушая звук.

— Похоже, им придется тебя перевоспитывать, дорогая, — говорит насильник возле моего уха. — Возможно, я навещу тебя снова, когда ты станешь более послушной. Босс

разрешает мне раз в месяц бесплатно трахать мои находки.

— Пожалуйста, — хнычу я в его ладонь, брыкаясь ногами.

— Умница. — Он снова злобно смеется. — Вот видишь, ты уже учишься.

Я пытаюсь ударить его локтем и почти вырываюсь из его хватки, когда чувствую укол иглы в шею.

Мужчина отталкивает меня.

— Успокойся. Всего несколько секунд, и все станет лучше.

Зрение затуманивается, и меня поглощает темнота.

Музыка затихает.

Два месяца спустя

Неоновый свет освещает толпу тесно танцующих под музыку. Даже в моем кабинете в воздухе витает запах алкоголя и различных ароматов. Я подхожу к стеклянной стене от пола до потолка и, скрестив руки на груди, наблюдаю за толпой на танцполе внизу. Еще не наступила полночь, но в клубе уже полно народу и практически нечем дышать.

Я замечаю суматоху в дальнем углу танцпола. Владимир, один из вышибал клуба, схватив мужчину за грудки, тащит его к лестнице, ведущей на верхний этаж. Начни парень затевать драку, охрана бы его вышвырнула. Видимо, это что-то более серьезное, если его ведут ко мне. Спустя пять минут дверь за мной открывается.

— Морозов. — Владимир заталкивает мужчину в кабинет. — Мы поймали наркоторговца перед туалетом.

Я подхожу к лежащему на полу мужчине и наступаю каблуком на его руку.

— Ты распространяешь наркотики в моем клубе?

Мужчина хнычет и пытается свободной рукой убрать мою ногу, но я вдавливаю каблук сильнее.

— Говори.

— Это просто таблетки, их дал мне друг, — пытается оправдаться он и поднимает на меня взгляд. — Он сказал, что это что-то новенькое, взял на своей работе.

Не веря, я качаю головой.

— На своей работе? Чем он занимается?

— Не знаю. Он никогда не говорил. — Парень снова пытается освободить свою руку, но у него ничего не получается. — Простите меня. Этого больше не повторится.

Я прошу Владимира передать мне небольшой пластиковый пакет, который тот держит в руках, и рассматриваю его. Внутри дюжина белых таблеток.

— Ты их пробовал?

— Нет... Я... я не употребляю наркотики, — говорит мужчина и хнычет, когда я сильнее давлю на его руку.

— Значит, ты принес их сюда для продажи. Очень умно. — Я бросаю полиэтиленовый пакет обратно Владимиру. — Отнеси их доку. Нужно проверить, что в этой дряни.

— Что делать с дилером? — Владимир кивает в сторону лежащего на полу человека.

Судя по ужасу в глазах и трясущейся руке, его не трудно будет сломать.

Я мог бы приказать отвести его в кладовую и допросить. Но у нас в Чикагской Братве свои правила, и в мои обязанности не входит извлечение информации.

— Думаю, он будет не прочь немного поболтать с Михаилом. Убери его с глаз моих, — говорю я и отхожу к стеклянной стене, открывающей вид на танцпол.

За спиной слышны крики и шумная перепалка, пока Владимир тащит дилера к выходу. Шум прекращается, когда за ними закрывается дверь. Я обвожу взглядом танцующих людей и останавливаюсь на кабинке в дальнем левом углу. В центре сидит Юрий, командир солдат братвы, рядом с ним светловолосая женщина. По другую сторону от него, смеясь над чем-то,

расположились братья Костя и Иван, которые занимаются финансами в нашей организации. Похоже, у ребят выдался свободный вечер.

В кармане звонит телефон. Я достаю его и вижу на экране имя Юрия.

— Что-то случилось? — спрашиваю, принимая звонок.

— Нет, — отвечает он, глядя на меня из кабинки. — Спускайся, выпей с нами.

— Я на работе.

— Паша, ты всегда на работе. — Он качает головой.

Он прав. Я всегда нахожусь в одном из клубов «Братвы», если только не сплю или не занимаюсь спортом. Проводить время в своей пустой квартире после того, как я съехал из особняка Петрова, а его жена родила ребенка, всегда тяжело. Но в последние несколько лет стало еще тяжелее. По идее, то, что я последние семь лет руководил двумя ночными клубами, проводя почти все свое время в окружении людей, должно было бы заставить меня искать уединения. Но это не так. На самом деле это напоминает мне о том, что мне не к кому возвращаться домой.

— Давай, хотя бы по одной рюмке, — снова уговаривает Юрий.

В трубке раздается задорный смех Кости. Похоже, он опять валяет дурака. Он всегда хитрит.

— Давай как-нибудь в другой раз, Юрий.

Я завершаю разговор, но не отхожу от стеклянной стены, наблюдая за веселящимися приятелями. Наверное, мне стоило бы присоединиться к ним. Иногда хочется расслабиться и поболтать о всякой ерунде, но никогда не получается. Проблема в том, что в тех редких случаях, когда я с ними кутил, в итоге чувствовал себя еще более одиноким.

Братва — самая близкая семья в моей жизни. Каждый из них ради меня готов получить пулю. Как и я за них. И все-таки спустя десять лет жизни в Братве, я не могу сблизиться со своими товарищами. Думаю, с моим прошлым это вполне ожидаемо. Когда тебя бросают люди, которые должны были стать твоей тихой гаванью, трудно с кем-то сблизиться, потому что в какой-то момент они тоже уйдут.

Рано или поздно все уходит.

Я долго стою, смотрю, как веселятся ребята, потом отворачиваюсь и возвращаюсь к работе.

Зайдя в офис, я останавливаюсь посреди комнаты. Долли, отвечающая за девочек, сидит за столом, сосредоточившись на небольшом блокноте в кожаном переплете.

— Сегодня ты будешь развлекать мистера Миллера, — объявляет она, записывая что-то в свою бухгалтерскую книгу. — Он предпочитает не спешить. Начни с массажа и далее по наитию.

— Да, Долли. — Я киваю.

— И никаких минетов. Мистеру Миллеру это не нравится. — Она закрывает блокнот и обходит стол, цокая каблуками по линолеуму. Я склоняю голову и смотрю в пол, чтобы она не видела моих глаз. Ее розовые блестящие туфли на каблуках попадают в поле моего зрения, когда она останавливается напротив меня.

— Он очень важный клиент, поэтому постарайся удовлетворить все его желания. Если ты ему понравишься, он может снова тебя запросить. У него очень мягкий характер. Он не

часто бьет девушек, что, как ты уже знаешь, редкость. И не забудь про презерватив. Ты знаешь правила.

Я снова киваю и поднимаю руку ладонью вверх. Долли кладет мне на ладонь белую таблетку.

— А что с остальным? — спрашиваю я. — Мне нужно больше. Пожалуйста.

— Вечно вы, девчонки, поете одну и ту же песню, — рывкает она. — Остальное получишь, когда закончишь с клиентом. Ты же знаешь.

— Прошу еще одну, — умоляю я.

— Я сказала, после работы! — кричит она и бьет меня по щеке. — Возвращайся в свою комнату и будь готова через час. Ты и так неделю не работаешь. Мы теряем деньги.

— Да, Долли, — говорю я тоненьким голоском и поворачиваюсь к двери.

— О, и не забудь снять очки. Мистеру Миллеру они не нравятся.

— Конечно.

Выйдя из кабинета Долли, я сворачиваю налево и спешу по коридору, минуя двери в другие комнаты. Сейчас я здесь одна из пяти девушек. Раньше нас было шестеро, но два дня назад одна из девочек исчезла. Поскольку стараюсь держаться особняком, я ее не знала, только видела мельком. Помню, что у нее были длинные светлые волосы, которые она заплетала в косу. Никто не знает, что произошло, но я слышала, как другие девушки сплетничали о ее встрече с клиентом, который известен своей жестокостью.

Дойдя до последней двери в конце коридора, захожу в комнату. Быстро оглядевшись, чтобы убедиться, что моей соседки нет, я бросаюсь к ванной комнатке. Закрываю дверь и поворачиваюсь к унитазу.

Разжав ладонь, я смотрю на белую таблетку на ней. Такая маленькая. Безобидная на вид. Кто бы мог подумать, что такая крохотная пилюля может держать человека в рабстве, в тюрьме без решетки? Так просто положить ее в рот и... забыться.

Схема всегда одна и та же. Одна таблетка перед встречей с клиентом. Еще три — после. Первая таблетка — для того, чтобы я была под кайфом и, следовательно, более послушной. Она не уменьшает боль, но делает меня безразличной. Кроме того, она вызывает сильное привыкание. Если я приму таблетку, то гарантированно вернусь за тремя последующими, чтобы удовлетворить тягу, вызванную первой. Цикл повторится. И снова, и снова. Поддерживая разум в тумане, постоянно находясь под кайфом, каждый раз требуя большего, не в состоянии думать ни о чем другом.

Я стала наркоманкой. Как и все остальные девушки здесь.

Бросаю таблетку в таз и смываю. Она делает два круга, после чего растворяется в канализации, а я продолжаю стоять, глядя вниз.

Вот уже шесть дней, как я перестала принимать наркотики. Это произошло случайно. На прошлой неделе я подхватила кишечный грипп, и в течение трех дней меня рвало без остановки. Я не могла удержать в организме ничего, включая таблетки, которые Долли продолжала запихивать мне в глотку. К тому времени, когда мне стало лучше, я впервые за два месяца избавилась от дурмана, вызванного наркотиками.

Тот день был самым тяжелым. Несмотря на то что мне было жутко холодно, — Боже, я ни разу в жизни не чувствовала такого холода — я потела. Все тело болело. Голова, ноги, руки. Создавалось впечатление, что каждую косточку в моем теле раздробили. А потом пошла дрожь. Я пыталась ее сдержать, боясь, что у меня сломаются зубы, но не могла. Долли думала, что лихорадка, наконец-то, пошла на спад, но она ошибалась. Это оказалась ломка.

Желание проглотить таблетки, которые она мне дала, было слишком сильным, и только чистое упрямство не позволило мне поддаться.

Потом стало легче. Меня все еще периодически бил озноб, но уже не так, как в тот первый день без наркотиков, а кости и голова болели значительно меньше. Я сделала вид, что проглотила таблетки, и стала вести себя так же, как и раньше, постоянно умоляя о добавке, а таблетки тайком выбрасывала. Удивительно, но мой обман сработал. Теперь вопрос в том, как долго я смогу притворяться, пока кто-нибудь не заметит.

Я снимаю очки и кладу их рядом с раковиной. Они даже не соответствуют рецепту, просто Долли купила мне их, чтобы я перестала спотыкаться и шуриться. Свои я потеряла во время последней ночи в Нью-Йорке.

Я отстраняюсь от воспоминаний, снимаю одежду и захожу в душевую кабинку. Включив горячую воду, встаю под струю и закрываю глаза. На полочке справа от меня лежит мочалка. Взяв ее, я тру кожу до покраснения, но это не помогает. Я все еще чувствую себя грязной.

Не понимаю, почему я не боролась. Да, наркотики затуманивали мой разум, но я всегда осознавала, что происходит. И все же я просто... сдалась. Позволила им продавать меня ночь за ночью богатым мужчинам, готовым платить огромные деньги за то, чтобы трахнуть красивую, отполированную куклу. Поскольку именно ими мы и являемся. Нас обрабатывают воском, делают маникюр и прически, следят за тем, чтобы на нас была дорогая одежда. Всегда с макияжем, который очень красиво размазывается, когда девушка плачет после секса. Многим мужчинам нравится видеть, как мы ломаемся.

Я ни разу не плакала. Наверное, что-то сломалось во мне в ту первую ночь. Миллион частичек моей сломленной души смешались со снегом и кровью. Мне было уже все равно.

Водитель приехал за мной через час, и во время поездки я безучастно смотрела в окно на людей, спешащих по незнакомым тротуарам. Поначалу, когда меня похитили, я думала, что меня держат где-то на окраине Нью-Йорка, но теперь знаю, что оказалась в Чикаго. Наблюдая за тем, как «нормальная жизнь» проходит мимо меня, впервые за два месяца я испытала искушение схватиться за ручку и попытаться сбежать. Меня тошнит от мысли, что я так долго не задумывалась о побеге. Но сейчас я о нем думаю. Хочу снова почувствовать себя чистой. Возможно, этого никогда не случится, но хочу попробовать.

Я слышала, что делают с девушками, которые пытаются сбежать. Пока мы послушны, нам дают таблетки, потому что высокооплачиваемым клиентам не нравятся девушки со следами уколов на теле. Но как только девушка создает проблемы, переходят на шприц. И все кончено. Неужели именно это произошло с исчезнувшей девушкой?

Откинувшись на спинку сиденья, я закрываю глаза и выдыхаю. Я продолжу притворяться, что все еще послушная шлюшка, готовая терпеть все, и подожду удобного случая. У меня будет только один шанс, так что мне никак нельзя его упустить.

* * *

Они всегда в костюмах.

Я рассматриваю мужчину, сидящего на краю кровати в шикарном номере, куда меня проводил водитель. Мужчине около пятидесяти лет. Редящие волосы. Безупречный серый костюм, дорогие часы на запястье. На тумбочке два телефона. Наверное, банкир. Снова.

В номере все как подобает такому клиенту как он. Тяжелые роскошные шторы насыщенного красного цвета — цвета крови, кровать с балдахином и черными шелковыми простынями, скрывающими пятна крови. В углу торшер и деревянный передвижной бар,

заставленный всевозможными алкогольными напитками. Разумеется, только лучшие марки. Я уже бывала в этом номере, но помню, что ванная комната не менее шикарна, с большой ванной и душевой кабиной. Под раковиной стоит аптечка. Водитель тогда воспользовался ею, поскольку клиент, с которым я была в тот вечер, нанес мне неприятный порез на губе.

Мистер Миллер приглашает меня подойти. Я преодолеваю расстояние между нами и встаю между его ног, стараясь отстраниться от того, что последует дальше. С таблетками это было гораздо проще.

— Красивая, — говорит он и кладет ладонь мне на бедро, чуть ниже подола моего короткого белого платья. Похоже, это любимый цвет всех клиентов. — Сколько тебе лет?

— Восемнадцать, мистер Миллер.

— Такая юная. — Он проводит рукой вверх, задирая мое платье. — Зови меня Джонни.

— Хорошо, Джонни, — бормочу я.

— Долли сказала, что тебя зовут Дейзи. Маленькая и милая. Подходит. По телу пробегает дрожь, когда слышу имя, которое мне дали, потому что мое собственное показалось слишком необычным. Я презираю это имя. От одного его звучания мне хочется блевать.

Мистер Миллер снимает мое платье через голову и бросает его на пол. Оно падает белой кучкой возле моих ног. Не знаю почему, но то, что клиенты снимают с меня платье, всегда поражало меня сильнее, чем то же самое с трусиками. Каждый раз, когда это происходит, мне кажется, что с меня сдирают последний слой защиты. Я вздрагиваю.

— Ты находишь меня привлекательным, малышка Дейзи? — Он охватывает руками мою талию.

— Конечно, нахожу, Джонни, — автоматически отвечаю я. Это было вбито в меня кулаками в первый же день обучения.

— Хм... — Он сжимает мою талию, затем стягивает кружевные стринги, тоже белые, с моих ног. — Обычно мне нравится, когда все происходит медленно. Но ты слишком сладкая. Не думаю, что смогу ждать.

Как только он снял с меня трусики, то сразу же повалил меня на кровать. Я лежу, не шевелясь, и смотрю, как он избавляется от пиджака. Затем Джонни берется за галстук, и я дрожу всем телом, когда он ослабляет узел. Один из моих предыдущих клиентов обмотал галстук вокруг моей шеи, когда трахал меня сзади, и тянул за него каждый раз, когда входил в меня, перекрывая мне воздух. Я закрываю глаза от облегчения, когда мистер Миллер бросает галстук на пол. Он начинает расстегивать рубашку, но только первые две пуговицы, и переходит к брюкам. Дыхание у меня учащается. По крайней мере, он снял галстук. С рубашкой я справлюсь.

— Раскрой ножки пошире, милая пчелка, — говорит он, надевая презерватив. Парень, который руководит организацией, очень строго следит за предохранением, но он больше заботится о безопасности клиентов, чем о безопасности девушек.

Мистер Миллер ползет по кровати, возвышаясь надо мной. Вена на его шее пульсирует. Он смотрит на меня широко распахнутыми глазами, затем опускает голову и лижет мою обнаженную грудь. Я стискиваю зубы, стараясь не двигаться. Когда я отшатываюсь, это ничем хорошим не заканчивается. Надеюсь, что зазвучит музыка, и мне будет легче отвлечься. Но она не приходит. Последний раз я слышала музыку в ту снежную ночь. Иногда, лежа в постели и пытаясь заснуть, барабаню пальцами по спинке кровати, как будто это поможет вызвать мелодию. Но я не слышу ее, как раньше.

Мистер Миллер хватается мясистыми руками за мои бедра, разводя ноги шире. В следующее мгновение он резко вонзается в меня членом.

Больно... Всегда больно, но без наркотиков, притупляющих мысли, это в тысячу раз хуже. Я откидываю голову и смотрю в потолок, когда клиент снова входит в меня. В такие моменты пытаюсь отключиться, мысленно отстраниться от него и погрузиться в счастливые воспоминания, надеясь отвлечься от очередного изнасилования.

Слава Богу, в памяти всплывает одно воспоминание.

Летние каникулы перед школой. Я сижу в саду, читаю, а моя сестра-близнец гоняется по лужайке за своей мальтийской болонкой. Бедное животное. Сестра даже нацепила ему на голову желтый шелковый бант. Когда Сиенна заявила, что хочет собаку, я была уверена, что Артуро откажет. Наш брат не любит держать животных в доме. Я не представляю, как ей удалось убедить его разрешить ей завести собаку.

— Ася! — кричит Сиенна. — Иди сюда!

Я машу ей рукой и продолжаю читать. Тайна убийства вот-вот раскроется, и мне не терпится узнать, кто же виновник. Уверена, что это...

Брызги холодной воды попадают мне на грудь. Я вскрикиваю и вскакиваю со стула, глядя на сестру. Она держит в руке поливочный шланг и хохочет, как сумасшедшая.

— Тебе конец! — Я смеюсь и бросаюсь к ней. Когда добегаю до нее, она еще корчится от смеха. Я хватаю шланг, тяну за горловину ее топа и пускаю струю воды по ее спине.

Сиенна вскрикивает, затем выхватывает шланг, пытаясь направить его на меня, но в итоге он просто брызгает ей в лицо. Моя рука покраснела. Я смотрю на шланг, который держу в руке. Из него на землю вокруг моих ног льется красная жидкость. Кровь.

Я открываю глаза и смотрю на белый потолок над собой, а в ноздри проникает запах пота. Мда... Фокус со счастливыми воспоминаниями никогда не срабатывает хорошо.

Мистер Миллер продолжает вколачиваться в меня, обдувая мое лицо своим прерывистым дыханием, и его пот капает на меня. Он громко хрипит, и этот звук напоминает мне рычание яростного животного. Внезапно он останавливается и выходит из меня. Его тяжесть исчезает. Подняв голову от подушки, вижу, как он опускается на колени у изножья кровати, схватившись за грудь. Он тяжело дышит. Его лицо покраснело, он смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

— Таблетки, — задыхается он. — В... пиджаке.

Я несколько мгновений смотрю на него, потом встаю с кровати и бегу к его пиджаку, который он оставил на спинке стула. Нахожу в левом кармане оранжевую бутылочку. Мистер Миллер опускается на четвереньки, пытаясь отдышаться.

— Дай мне... — хрипит он, поднимая руку в мою сторону

Я опускаю взгляд на пузырек в руке и снова вглядываясь в перекошенное лицо и покрасневшие глаза клиента. Медленно отступаю назад. Мистер Миллер смотрит на меня огромными глазами. Я отступаю еще на несколько шагов, пока не чувствую за спиной стену.

И оттуда наблюдаю.

Все длится меньше двух минут. Хрипы. Неглубокие, затрудненные вдохи. И, наконец, удушливый звук. Мистер Миллер заваливается набок на кровать, его голова повернута в мою сторону, глаза на выкате. Похоже, он пытается что-то сказать, но слова путаются. Я не могу разобрать, что он говорит, но вижу это по его лицу. Он умоляет. Я остаюсь на месте, сжимая в ладони бутылочку с лекарством, и смотрю, как на моих глазах умирает человек. С каждым его вздохом я чувствую, как во мне умирают остатки души. Пока не остается ничего, кроме

черной дыры.

Слева от меня с грохотом открывается дверь, и в номер врывается водитель. Он подбегает к неподвижно лежащему на кровати мистеру Миллера и прижимает пальцы к его шее.

— Твою мать! — выкрикивает водитель и поворачивается ко мне. — Что ты наделала, сука?

Я не обращаю на него внимания. Я почему-то не могу оторвать взгляд от тела на кровати. Глаза у мужчины все еще открыты, и хотя не могу их разглядеть, кажется, что они смотрят прямо на меня. Пощечина обрушивается на мое лицо.

— Очнись, сука! Нам нужно уезжать, — кричит водитель.

Когда я не двигаюсь, он хватает меня за руку и начинает трясти. Мгновение спустя я чувствую укол иглы в руку.

Нет!

Укол пробудил во мне все остатки самосохранения. Бутылочка с таблетками выпадает из моей руки. Я отдергиваю руку и выбегаю в коридор.

Уже глубокая ночь, и в коридоре безлюдно. Две широкие желтые полосы, тянущиеся по всей длине ковра, помогают мне сориентироваться, и я следую за ними, пробегая по нескольким коридорам в поисках выхода. Зрение затуманивается, и у меня начинается головокружение. Каждый шаг дается тяжелее предыдущего, и кажется, что к ногам прикованы гири. Я поворачиваю за угол и продолжаю бежать, пока не вижу в конце дверь. Над ней висит табличка с зеленой подсветкой. Я не могу разобрать буквы, но это может быть только одно. Выход.

Как только добегаю до двери, хватаюсь за ручку и выскакиваю наружу. Это пожарная лестница. В глазах двоится, голова кружится с каждой секундой все сильнее, но с третьей попытки мне удается ухватиться за перила. Цепляясь за холодное железо, я спускаюсь по ступенькам, чудом не падая. Как только босыми ногами ступаю на землю, бегу налево, в темный переулок. Справа от меня раздается автомобильный сигнал, и я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть слепящие огни, бьющие в лицо, а затем меня поглощает темнота.

— Черт!

Открываю дверь машины и подбегаю к капоту автомобиля. На дороге, в метре от бампера, лежит совершенно голая женщина. Я ее точно не сбивал. Я успел остановить машину, но, похоже, с ней что-то не так. Ее трясет, как будто у нее высокая температура.

Я поднимаю ее на руки. В ноздри врывается запах прогорклого мужского одеколona. Кожа девушки необычайно холодная, и она так дрожит, что, если бы не прижимал ее к груди, она бы выскользнула из моих рук. Я несу ее к своей машине. С девушкой на руках, мне каким-то образом удалось дотянуться до ручки и открыть заднюю дверь. Осторожно опустив ее на сиденье, я снимаю пиджак и накидываю его на обнаженное тело незнакомки. Она тут же сворачивается в позу эмбриона, а дрожь по-прежнему сотрясает ее стройную фигурку. Как только снова сажусь за руль, нажимаю быстрый набор на телефоне и завожу машину.

— Док! — рявкаю я, как только он отвечает на звонок. — У меня в машине девушка, у которой, похоже, приступ. Мне стоит что-нибудь сделать или сразу ехать в больницу? Или лучше привезти ее к тебе? Я в пяти минутах езды.

— Симптомы?

— Ее очень сильно трясет, и подергиваются руки. — Я бросаю взгляд через плечо. —

Не похоже, что она в сознании.

— Пена у рта? Рвота?

Я снова оглядываю девушку.

— Нет. В данный момент нет.

— Вези ее ко мне, — говорит он. — Если ее вырвет, нужно остановиться и убедиться, что она не захлебнулась. Возможно, это эпилептический припадок или передозировка.

— Хорошо. — Я бросаю телефон на пассажирское сиденье.

К счастью, дорога свободная, и я доезжаю до здания, где у доктора на первом этаже, чуть ниже его квартиры, расположена небольшая клиника. Поскольку он в основном выезжает на дом к Братве, то пользуется клиникой только тогда, когда кому-то нужно сделать УЗИ или рентген.

Я паркуюсь у входа и поднимаю девушку с заднего сиденья. Ее руки и ноги все еще неконтролируемо дергаются, но рвоты нет. Держа ее на руках, все еще укутанную в пиджак, я бегу к стеклянной открытой двери, которую придерживает врач.

— Положи ее на каталку, — говорит он и бросается к медицинскому шкафу. — Почему она голая?

— Без понятия. Она выбежала из здания, дезориентированная, и упала посреди улицы. Я чуть не сбил ее на своей машине.

Док подходит со шприцем, наклоняется над девушкой и оттягивает ей веко.

— Передозировка. Отойди.

Я отхожу на пару шагов и наблюдаю, как он делает ей какой-то укол, затем подключает к руке капельницу с физраствором.

— Я возьму образец крови, чтобы мы знали, что она приняла. Но результаты будут не раньше завтрашнего дня. Предполагаю, что это был один из распространенных препаратов, поэтому подключил противодействующее. Оно нейтрализует наркотик. — Док берет одеяло и накрывает им девушку. — Если она не наркоманка, то через пару часов будет в порядке. Отвези ее в приют и оставь там, чтобы о ней позаботились.

Я смотрю на девушку. Длинные темно-русые пряди ниспадают на ее лицо, скрывая его от посторонних глаз. Она все еще дрожит под одеялом, но уже без судорог. Дыхание тоже стало полегче. Что с ней случилось?

— Я заберу ее к себе на ночь, — заявляю, не отрывая взгляда от девушки. — Когда утром ей станет лучше, отвезу ее домой.

— Ты серьезно?

— Да. — Я поднимаю глаза и вижу, что Док смотрит на меня.

— Ты не можешь забрать к себе наркоманку.

— Я не подброшу ее в приют, словно бездомное животное, док. — Одна рука девушки свисает вниз. Я беру ее и укладываю под одеяло. — Это только на одну ночь.

Док вздыхает и качает головой.

— Если она наркоманка, а я уверен, что так оно и есть, то у нее будет ломка. С тем лекарством, которое я ей дал, ломка, скорее всего, начнется сразу же. В зависимости от того, что она принимала и как долго, ломка продлится от нескольких дней до двух недель.

— Если не брать во внимание то, что она голая, волосы у нее чистые, а ногти ухоженные. Скорее всего, кто-то накачал ее наркотиками, когда пытался совершить

сексуальное насилие, или она сбежала от жестокого партнера.

Док наблюдает за мной, затем кивает.

— Хорошо. Я посмотрю, есть ли у меня нужные лекарства. Я также проведу первичный осмотр. Подожди снаружи.

Я кидаю взгляд на девушку, которая, кажется, спит, и иду к выходу. Начался снегопад. Я прислоняюсь спиной к стене и смотрю на улицу перед собой, думая, что же, черт возьми, случилось с этой девушкой.

Через пятнадцать минут док выходит и встает рядом со мной.

— Ну что? — спрашиваю я.

Он сначала ничего не говорит, глядя в ночь.

— Док?

— Они не «пытались» ее изнасиловать, — говорит он наконец. — Они ее изнасиловали, Павел.

Я резко поворачиваю голову в его сторону.

— Объясни.

— Кто-то жестоко ее изнасиловал. Определенно есть следы насильственной травмы. Судя по всему, это было не единожды. У нее имеются старые рубцы. Я взял пробы на венерические заболевания и сделал тест на беременность. — Он вздыхает и снимает очки. — Я сделал все, что мог, но ей понадобятся обезболивающие. Я проверю, есть ли у меня что-нибудь, не вызывающее привыкания, что не вступит в противодействие с препаратами, которые дал ей для снятия передозировки. У нее также по телу синяки, но, похоже, им несколько дней. На предплечье только один след от иглы, и он свежий. Вероятно, ей вкололи то, что вызвало передозировку.

— Пришли мне результаты анализов, как только их получишь, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

— Ты все-таки решил забрать ее к себе?

— Да. — Я возвращаюсь в дом.

— Павел, — кликает меня док. — Я не знаю, в каком психическом состоянии она будет, когда очнется. Не спрашивай, что случилось, просто отвези ее к семье. И скажи им, что ей понадобится психологическая помощь.

— Хорошо. — Я киваю.

* * *

Я сажусь в кресло и смотрю на спящую девушку, свернувшуюся калачиком посреди моей кровати. Сначала подумал, не переложить ли ее в одну из гостевых спален, но передумал. Лучше находиться рядом, если ее состояние ухудшится.

Кажется, ей лучше. Дыхание нормальное, а дрожь совсем прекратилась. Я склоняю голову, разглядывая ее фигурку под толстым одеялом. Она все еще голая под одеялом. Я не хотел рисковать, пытаюсь засунуть ее руки и ноги в свою пижаму. А вдруг она проснется и подумает, что я пытаюсь причинить ей боль?

Я хватаюсь за подлокотники кресла и глубоко вдыхаю. Какой больной ублюдок мог так издеваться над девушкой? Особенно над такой миниатюрной. Я закрываю глаза и пытаюсь побороть желание броситься к машине, вернуться туда, где я ее нашел, и искать того ублюдка, который ее обидел. Но не могу оставить ее одну. Что, если у нее снова случится приступ? Но я отыщу того, кто посмел избить и изнасиловать ее, и подвергну такими же пытками, какими мучил ее этот больной ублюдок. И я заставлю его заплатить. Я крепче

цепляюсь в подлокотники, и раздаётся тихий скрип дерева. Спящая девушка шевелится на кровати, и я отпускаю кресло, не желая ее будить.

Не знаю, что на меня нашло, и почему решил привезти ее к себе. Я мог бы легко оставить ее в больнице и попросить прислать мне счет за услуги. Ничего не понимаю, но я не мог заставить себя оставить ее где-то. Прошло много лет с тех пор, как я чувствовал какую-то связь с человеком, даже с самым близким. Но вид этой девушки, такой хрупкой и ранимой, всколыхнул что-то в глубине моей души. Желание оградить ее от всего, что может попытаться причинить ей боль, возникло само собой, но вместе с этим появилось и стремление к убийству. Странно, что спустя столько лет во мне снова поднялась жажда насилия.

Девушка переворачивается на другой бок, и одна ее нога выскальзывает из-под одеяла. Я встаю и укладываю ее обратно под одеяло.

Пока что она, похоже, крепко спит, и я решаю быстро принять душ. В гардеробной на другой стороне комнаты я с помощью фонарика на телефоне нахожу черные пижамные штаны и трусы-боксеры. Я уже подхожу к двери ванной, когда меня осеняет мысль, и возвращаюсь к шкафу, чтобы взять еще и футболку. Дома я обычно хожу в одних пижамных штанах, но девушка может испугаться, если увидит все татуировки на моем теле. Скорее всего, она ужаснется, когда проснется в незнакомом месте, и не стоит тревожить ее больше, чем нужно.

Я включаю холодную воду в душе, надеюсь, что это поможет мне избавиться от настойчивого желания кого-нибудь убить. Не очень-то помогает. Прижав ладони к кафельной стене, я подставляю лицо под холодные брызги. Пока ледяная вода стекает по телу, я пытаюсь разобраться в себе, вызывая воспоминания об одном из последних боев. Самого жестокого, поскольку мне нужно как-то справиться с желанием кого-нибудь убить. Мой противник пронес на ринг нож и успел дважды ударить меня в бок, прежде чем я одолел его. Я постарался донести до него все, что думаю о его поступке, сломав ему спину и вогнав его же нож по самую рукоять в основание черепа. Мне не доставляет удовольствия насилие, но когда выхожу на ринг, я неизбежно становлюсь тем самым зверем, с которым сражаюсь. Нет ничего более важного, кроме выживания. Повторное воспроизведение этой сцены помогает мне насытить жажду убийства. По крайней мере, в какой-то степени.

Я провожу в ванной не больше пяти минут и предполагаю, что девушка еще крепко спит. Но она ворочается в кровати, ее сотрясает дрожь. Я подбегаю и прижимаю ладонь к ее лбу — он горячий. Она что-то бормочет, я не могу разобрать, потому что ее зубы слишком сильно стучат. Наклоняю голову, пытаюсь уловить, что она говорит.

— Холодно... — хнычет она тоненьким голоском. — Так очень холодно.

Я хватаю одеяло, сложенное у изножья кровати, набрасываю его на нее, затем беру с тумбочки телефон.

— Док, — говорю я, как только он берет трубку, — у девушки жар, ее трясет, как осиновый лист, и говорит, что ей холодно.

— У нее ломка, — объясняет он. — Это нормальная реакция.

— Что мне делать?

— Ничего. Ей нужно пройти через это. Через пару часов ей станет лучше. Но ломка может повториться в ближайшие несколько дней. Не забудь сказать об этом семье завтра.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Вероятно, завтра ей будет плохо, но ей нужно побольше пить жидкости. Дай ей воды,

как только она проснется, — говорит он. — Иеще, Павел, я, наверное, не должен тебе это говорить, но будет лучше, если ты не станешь к ней прикасаться или вторгаться в ее личное пространство. Если она утром будет психовать, позвони мне, и я позову Варю. Она может посидеть с девушкой, пока ее не заберут родственники.

— Спасибо.

Я убираю телефон и снова наблюдаю за девушкой. Она все еще дрожит, но не думаю, что стоит накрывать ее дополнительным одеялом. Ей будет слишком жарко. Снова раздается бормотание, но она лежит ко мне спиной, поэтому ее трудно расслышать. Я ставлю колени на кровать и наклоняюсь ближе, пытаюсь понять. Она плачет. Плачет очень тихо, прерывисто, и этот звук чертовски берedit душу.

Доктор сказал, что я не должен к ней прикасаться, но она сейчас в бреду и, вероятно, не понимает, что происходит вокруг. Я больше не могу бездействовать. Я кладу ладонь ей на спину, поверх одеяла, и легонько поглаживаю. Она не отшатывается, и я перебираюсь на кровать позади нее, стараясь не прикасаться к ней всем телом, и продолжаю гладить ее по спине. Спустя некоторое время плач прекращается. Я убираю руку, собираюсь встать, как вдруг девушка поворачивается и зарывается лицом мне в грудь. Я лежу, не смея пошевелиться, не решаясь дотронуться до нее, но и не в силах отодвинуться. Ее горячее дыхание обдаёт мою грудь, когда она лежит, сжав руки в кулаки и зажав их между нашими телами. И все еще дрожит.

До меня доносится едва слышный шепот:

— Еще.

Я смотрю на нее сверху вниз, не понимая, что она имеет в виду.

— Пожалуйста.

То, каким шепотом она это произносит, опустошает меня. Словно крик о помощи от утопающего. Медленно кладу ладонь туда, где, как мне кажется, находится ее спина. Не могу сказать точно, так как она укрыта одеялом. Я провожу рукой по ее спине, вверх, затем вниз. Девушка вздыхает, прижимается ближе и зарывается носом в мою шею.

Наверное, уже рассвело, но не уверен, потому что задернул тяжелые шторы на окнах. Надо бы поспать. Сегодня днем у меня встреча с паханом, после которой я буду торчать в клубе по меньшей мере до трех часов ночи. Вместо того чтобы сделать так, как посоветовал доктор, — уйти в другую комнату — я остаюсь на месте, с девушкой, имени которой даже не знаю, и глажу ее по спине, пока ее дыхание не выравнивается и она снова не засыпает.

Дверь напротив огромная, из самого темного дерева, которое я когда-либо видела. С того момента, как я проснулась, прошел, наверное, час. Но не могу сказать наверняка. На стене висят часы, они тихо тикают, но не разглядеть ни циферблата, ни стрелок. Судя по свету, проникающему между портьерами, сейчас, наверное, полдень.

Мне очень хочется в туалет, но я боюсь встать с кровати. Последнее, что помню, — это как выбежала из комнаты мистера Миллера, ориентируясь по желтым линиям коридора, и нашла дверь с табличкой «Выход». Я не имею ни малейшего представления о том, где нахожусь. Не знаю, как сюда попала. И понятия не имею, что со мной сделают. Меня трясет. Боль между ног все еще ощущается, но уже не так сильно, а голова болит так, что кажется, будто она сейчас лопнет. В остальном я чувствую себя хорошо. По крайней мере, физически. А психически? Психически я тоже чувствую себя хорошо. На самом деле даже очень хорошо.

Но ничего хорошего быть не может.

Дверь открывается, кто-то входит, потом резко останавливается. Мужчина — это я могу различить даже с такого расстояния. Он высокий и очень мускулистый, одет в черную футболку и мешковатые черные брюки. Волосы у него либо темно-русые, либо светло-русые. Вот и все, что я могу разглядеть. Оставалась неделя до запланированной операции на втором глазу, но тут... все случилось. Врач сказал, что рассчитывает исправить мою близорукость практически полностью.

Мужчина стоит на месте, и мне интересно, как долго он собирается просто на меня смотреть.

— Доброе утро, — наконец произносит он, и приятные мурашки пробегают по моему телу. Я никогда в жизни не встречала человека с таким глубоким голосом. — Как ты себя чувствуешь?

Я щурю глаза, пытаюсь разглядеть его получше, но по-прежнему вижу лишь размытую фигуру.

Мужчина делает неуверенный шаг вперед.

— Ты можешь сказать мне свое имя?

Я могу, но сейчас мне не хочется говорить. Не знаю, почему. Просто не хочется. Еще шаг. Он уже посреди комнаты.

— Твоя семья, наверное, за тебя беспокоится. Можешь дать мне их номер, чтобы я им позвонил? Чтобы они могли приехать и забрать тебя домой?

Да, мои брат и сестра, наверное, сходят с ума. Меня не было дома два месяца. Артуро наверняка места себе не находит, не зная, где я и что со мной. Он был для меня и сестры и отцом, и матерью с тех пор, как нам исполнилось пять лет. А Сиенна, о боже, не могу даже и думать об этом. Я должна позвонить им и сообщить, что со мной все в порядке.

Тошнота подкатывает к горлу. Я не хочу звонить Артуро, потому что мне придется рассказать ему, что случилось. Что я сделала. Я не хочу, чтобы моя семья знала, что их сестра — проститутка и наркоманка. Они наверняка скажут мне, что все будет хорошо. Меня бьет дрожь. Ничего не будет хорошо.

Ничего и никогда не будет хорошо.

— Что случилось? — спрашивает мужчина и делает еще шаг ко мне.

Наверное, они думают, что я мертва. Ну и хорошо. Так даже лучше. Я не стою их беспокойства. Я никогда не смогу посмотреть им в глаза. Той сестры, которую они знали, больше нет. Ее не стало. А вместо нее — это мерзкая, грязная особа, которая позволяла мужчинам ее насиловать и продавать ее тело, а сама ничего не делала, чтобы это остановить. Ничего! У меня стучат зубы, и я не могу дышать.

— Пожалуйста, скажи мне, что случилось.

Голос у него такой успокаивающий. Мне следовало до смерти испугаться присутствия незнакомого мужчины, с учетом того, что мне пришлось пережить. Но я не боюсь. Я пережила столько всего ужасного, что он ничем не может мне навредить. Я больше боюсь, что Артуро и Сиенна узнают об этом, чем того, что меня снова изнасилуют. Я пытаюсь дышать глубже, но не могу. Мне удается лишь делать короткие вдохи.

В поле зрения попадает рука, и я вздрагиваю, ожидая, что он ударит меня. Вместо этого мужчина берет упавшее с моих плеч одеяло и оборачивает его вокруг меня. Его ладонь ложится на мою спину и медленно движется вверх-вниз. То же самое он проделал прошлой ночью. Я помню, как проснулась и замерзла от холода, когда чья-то рука начала успокаивающе гладить мне спину. Это дало мне ощущение безопасности, которое, как мне казалось, я утратила навсегда. Но прошлой ночью я чувствовала себя в безопасности.

Сосредоточиваюсь на одеяле вокруг себя, потому что не могу сейчас смотреть на него, но, наконец-то, вздыхаю полной грудью. Закрываю глаза, и где-то в глубине сознания играет слабая мелодия. Она тихая, едва различимая, но все же сердце мое учащенно бьется. Я думала, что утратила свою музыку. По мере того как мужчина поглаживает меня по спине, музыка становится все громче. «Лунная соната» Бетховена. Проникновенная. Успокаивающая. Как и его голос.

— Я принесу тебе воды, — говорит мужчина и убирает руку с моей спины, удаляясь.

Я кричу.

Я замираю. Неужели я случайно коснулся ее кожи или сделал что-то, что ее спровоцировало?

Осторожно, чтобы не коснуться ее, отхожу от кровати, но девушка неожиданно запрыгивает на меня. Обхватывает руками мою шею, крепко сжимая ее в тисках, а ногами обнимает мою талию. Я стою рядом с кроватью, ошеломленный, а незнакомка прижимается ко мне, как детеныш коалы. Она утыкается лицом мне в шею и что-то напевает. Что теперь? Мне стоит попытаться положить ее обратно на кровать? Или просто подождать, пока она сама решит лечь?

Пару мгновений жду, не отпустит ли она меня, но бедняжка упорно за меня цепляется. Похоже, мне пока придется остаться с ней в таком положении. Одной рукой осторожно обхватываю ее за спину и наклоняюсь, чтобы взять с тумбочки обезболивающее, которое мне дал доктор. Я убираю лекарство в карман пижамных штанов и кладу руку ей под бедро. Поскольку она еще голая, стягиваю с кровати одеяло и прикрываю ее тело, заправляя концы под подбородок.

— Пойдем, нальем тебе воды, — говорю я и выхожу из спальни.

Я несу девушку на кухню. Она не отпускает меня, пока достаю из холодильника бутылку воды и иду к буфету, чтобы взять стакан. Я делаю это одной рукой, так как другой все еще держу ее, боясь, что она может соскользнуть и упасть.

— Хочешь спуститься и попить воды? — спрашиваю я.

Она крепче стискивает руки на моей шее. Я смотрю на стакан, который поставил на стойку, потом на бутылку, стоящую рядом. Ладно. Я ни хрена не знаю, что делать.

— Слушай, *mishka*, доктор сказал, что тебе нужно больше пить жидкости. Пожалуйста, не заставляй меня.

Хватка на моей шее сжимается, затем ослабевает, и я осторожно опускаю девушку на пол. Она стоит передо мной, вцепившись руками в одеяло. Голова опущена, волосы рассыпались по обе стороны лица, скрывая его от глаз.

— Вот. — Я передаю ей стакан с водой и достаю из кармана лекарство.

Как только ставлю таблетки на стол, девушка резко отступает назад.

— Это обезболивающее. Смотри. — Я беру из бутылочки две таблетки, бросаю их в рот и протягиваю одну ей.

Она смотрит на таблетку на моей ладони, снова делает шаг назад и натывается на кухонный остров.

— Хорошо. — Я ставлю таблетки и бутылку на столешницу и протягиваю ей стакан с водой. — Всего лишь вода. Выпей, пожалуйста.

Когда она выпивает воду и возвращает мне стакан, я киваю и беру его.

— Хорошо. Хочешь принять душ?

Девушка не отвечает.

На кухне не так много света. Днем я обычно не закрываю все шторы, потому что в это время сплю. Наклонив голову набок, пытаюсь оценить выражение ее лица. Кажется, она смущена. Я знаю, что она умеет говорить, поэтому не понимаю ее молчания.

— Ты хочешь принять душ? — пытаюсь я снова.

Она прикусывает нижнюю губу, на ее лице отражается что-то похожее на разочарование, но все равно ничего не отвечает. Даже не кивнула. Что же мне с ней делать? На ее правом плече и руке грязь, в волосах тоже. Вероятно, при падении на улице.

— Ладно, я отведу тебя в душ. Кивни, *mishka*.

С губ девушки срывается выдох, и она кивает. Я поворачиваюсь к своей спальне, но тут же чувствую, как меня дергают за футболку, и бросаю взгляд через плечо. Девушка стоит прямо за мной, одной рукой придерживая одеяло, а другой сжимая подол моей футболки.

Она идет за мной через гостиную в спальню, держась за мою футболку на протяжении всего пути. Когда мы доходим до ванной комнаты, я киваю в сторону шкафчика справа.

— Там ты найдешь полотенца и основные туалетные принадлежности.

Девушка идет за мной следом, все еще цепляясь за футболку. Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но меня останавливает тихое хныканье. Оглянувшись через плечо, я вижу девушку с плотно сжатыми губами и широко распахнутыми глазами, изучающими мое лицо.

— Хочешь, я останусь?

Она молчит. Да я и не ждал от нее ответа. Но ее глаза, глядящие на меня сквозь спутанные темные пряди, говорят достаточно. Не думая, протягиваю руку, чтобы убрать волосы с ее лица, но резко отдергиваю руку, когда понимаю, что делаю.

— Хорошо. Я подожду здесь. — Я стою лицом к двери. — Дай мне знать, когда закончишь.

Сначала ничего не происходит, но спустя несколько мгновений она отпускает мою футболку. Я слышу, как она писает и спускает воду в туалете. Вскоре включается душ.

Я смотрю на дверь перед собой и размышляю. Я не специалист в области психологии, но знаю, что ее поведение не совсем типично для подобной ситуации. Оно совершенно противоположно тому, что я ожидал от женщины, пережившей сексуальное насилие. Я предполагал, что она не захочет подходить к незнакомому мужчине ближе, чем на десять футов. Такого не ожидал и не знаю, как себя вести.

До меня доносится звук учащенного дыхания, как будто у нее приступ паники.

— Все в порядке? — спрашиваю через плечо, не глядя в сторону душа.

Раздается сопение и тяжелое дыхание. Сдавшись, я решаю заглянуть в кабинку и вижу, что девушка сидит, укутавшись в одеяло. Она судорожно трет мочалкой между бедер, кожа сильно покраснела.

— Черт! — Я быстро захожу в душ и встаю перед ней. — Хватит. Ты чистая. — Я беру ее за руку и отцепляю ее пальцы от мочалки. Неохотно она отпускает ее, одновременно ослабляя хватку на одеяле. Мокрое одеяло спадает с ее плеч. — Все в порядке.

Обжигающе горячие брызги падают на нас сверху, но бедняжка дрожит. Я подхватываю ее на руки и осторожно выхожу из ванны, усаживаю ее на тумбу. Полотенце, которым пользовался ранее, висит на стене рядом со мной. Я беру его и обматываю вокруг плеч девушки.

— Mishka, посмотри на меня, — говорю я и, взяв ее подбородок между пальцами, приподнимаю ее голову.

— Мне надо снять футболку, а то я тебя опять намочу. — Моя одежда совсем промокла, но не думаю, что это хорошая идея — оставить ее здесь одну, пока пойду переодеваться. — Ничего страшного?

Она смотрит на меня покрасневшими глазами, которые мечутся туда-сюда, как будто хочет что-то сказать, но ее губы остаются сомкнутыми. Затем они размыкаются, и она выпускает тихий вздох, за которым следует звук стучащих зубов. Резкий светодиодный свет над раковиной светит прямо на нее. Я оглядываю ее миниатюрное тело, завернутое в полотенце, и темно-каштановые волосы, свисающие вокруг ее лица. До сих пор я не имел возможности хорошенько ее рассмотреть, и меня поразило, как молодо она выглядит.

— Господи, малышка. Сколько тебе лет? — шепчу я.

И, конечно, ответа нет.

Я хватаю в горсть футболку сзади и стягиваю ее через голову, бросая на пол.

— Не бойся. Это просто татуировки.

Девушка переводит взгляд на мой торс, рассматривая множество гротескных сцен, украшающих кожу. Прищуривается и подается вперед, изучая черные изображения. Затем поднимает взгляд вверх, пока не оказывается лицом к лицу со мной, глядя на меня карими глазами.

— Не скажешь мне что-нибудь? — спрашиваю я. — Свое имя?

Ничего.

— Меня зовут Павел. Но чаще называют Пашей. Это русское сокращение от полного имени.

Ее глаза удивленно распахиваются, но с ее губ не срывается ни слова.

— Хорошо. Давай отнесем тебя в постель и согреем.

Как только произнес эти слова, она снова цепляется за меня, обхватывая руками и

ногами, как и раньше. Я поднимаю полотенце, упавшее рядом с раковиной, накидываю его ей на плечи и несую ее к своей кровати.

— Мне нужно переодеться, — говорю я, накрывая девушку одеялом. — Я принесу тебе что-нибудь из одежды. Футболка подойдет?

Не знаю, зачем продолжаю спрашивать, если она никогда не отвечает. Уложив ее в постель, пересекаю комнату и захожу в гардеробную. Переодеваюсь в сухие пижамные штаны, надеваю другую футболку, потом роюсь в шкафу, пытаюсь найти футболку поменьше. Знаю, что у меня где-то была одна, которую Костя подарил мне пару лет назад, она оказалась на несколько размеров меньше. Ему сделали ее на заказ с надписью «Стильные предпочитают анал». Идиот.

Раздается шаркающий звук, и я оглядываюсь через плечо: в дверях стоит укутанная в одеяло девушка. Она делает шаг вглубь гардеробной и смотрит на полку, где храню футболки. Их не так много, может быть, всего десять. Я надеваю их только, когда занимаюсь спортом. Весь остальной гардероб состоит из нижнего белья, пижам, парадных рубашек и костюмов. У меня нет ни джинсов, ни толстовок, ни другой повседневной одежды. Я поклялся себе много лет назад, что никогда больше не буду носить джинсы.

Ее взгляд падает на нижнюю полку, где я храню обувь, затем переходит на правую, где по всей длине помещения тянется вешалка. На ней висит не менее тридцати костюмов и вдвое больше рубашек. Как только она их видит, то застывает, делает два шага назад и бросается прочь.

Я хватаю с полки первую попавшуюся футболку и выхожу из гардеробной. Девушка свернулась калачиком на кровати спиной ко мне.

— Я оставлю ее тут для тебя, — говорю я и кладу сложенную футболку у изножья кровати. Незнакомка не реагирует.

Надо бы принести ей что-нибудь поесть, но это может подождать. Ей больше нужен сон. Я присаживаюсь на край кровати, глядя на хрупкую фигурку. Она натянула край одеяла до самого лба. Я протягиваю руку к ее спине, поверх одеяла, и поглаживаю. Девушка издаёт небольшой вздох и слегка расслабляется под моей ладонью. Она лежит на другой стороне кровати, поэтому я ложусь на безопасном расстоянии от нее и продолжаю успокаивающее поглаживать ее спину.

* * *

Под боком у меня прижимается что-то теплое. Я открываю глаза и вижу, что девушка уютно устроилась на мне, перекинув руку через грудь и прижавшись лицом к плечу. Похоже, мы оба заснули. Часы на стене показывают четыре часа дня. Черт.

Как можно осторожнее я высвобождаюсь от спящей девушки и направляюсь в ванную, чтобы собраться на работу. Спустя пятнадцать минут, когда я выхожу, она еще спит. Я подумываю разбудить ее, чтобы сообщить, что мне пора уходить, но решаю ее не тревожить.

На кухне и в холодильнике почти ничего нет, потому что я обычно заказываю еду или ем на работе. Я нахожу несколько яиц, буханку хлеба и джем и кладу все это на стол для моей гостьи. Затем быстро пишу записку, что ушел на работу и она должна поесть, и оставляю на тумбочке рядом с кроватью. Одеяло сползло с девушки, и я снова ее накрываю, но вместо того чтобы сразу уйти, наблюдаю за ней несколько долгих мгновений.

Холодно. Так холодно. Я плотно укутываюсь одеялом и сажусь в постели. Вокруг ни души. Где же Павел? Может быть, он в другой комнате? Я прислушиваюсь к звукам, к любым звукам, но вокруг тишина. Рядом с кроватью горит торшер, освещая листок бумаги на тумбочке. Я беру его и подношу ближе к лицу. У меня всю жизнь близорукость, мне приходится очень близко держать записку от глаз, чтобы четко разобрать написанное.

В записке говорится, что он вернется поздно вечером. Я кладу бумажку обратно на тумбочку. Он оставил меня одну в своей квартире. Я вздрагиваю и плотнее закутываюсь в одеяло. Сколько сейчас времени? Сколько мне придется ждать его возвращения? Я откидываюсь на спинку кровати и, зажавшись в углу между изголовьем и стеной, закрываю глаза.

Что, черт возьми, со мной происходит? Когда проснулась сегодня утром, чувствовала себя совершенно нормально, пока он не упомянул о моей семье. Одна мысль о том, что они узнают, что со мной случилось, вывела меня из равновесия. Словно меня внезапно бросили в пропасть. Тьма оказалась слишком знакомой. Та самая пустота, в которой я провела последние два месяца, полностью отрешившись от всего, что происходило вокруг меня. Или со мной. Казалось, что она поглотит меня целиком. Словно невидимый токсичный газ, ядовитый шепот которого обволакивал мой разум, желая чтобы я его впустила. *«Нечистая, — шептало оно. — Грязная. Никто и никогда больше не захочет к тебе прикасаться»*. Но тут Паша погладил меня по спине. Я не показалась ему отталкивающей. Голоса прекратились, и черная дыра закрылась.

У меня появилась странная уверенность, что этот голос не вернется, пока Павел рядом. Но сейчас его здесь нет.

«Когда брат узнает, что произошло, ему будет противно, — шепчет мне голос в голове. — Он больше не будет любить тебя. Никто не может любить такое жалкое создание. Ты позволила незнакомцам трахать себя и даже не сопротивлялась. Отвратительная».

Я медленно вдыхаю и выдыхаю, пытаюсь отгородиться от голоса. Не получается.

«Ты сама во всем виновата. Сама навлекла это на себя. Ты решила пойти с тем парнем».

Я запускаю пятерню в волосы и крепко тяну их, словно от этого голос исчезнет из моей головы. Но он продолжает.

«Ты думала, что он хороший. Он оказался насильником, который изнасиловал тебя и бросил в сеть проституток, а ты считала его милым! Ты не способна здраво рассуждать».

Я беру записку, которую оставил Паша, и сосредотачиваюсь на первых строчках.

«Когда проснешься, можешь осмотреть квартиру. Я оставил немного еды на столе на кухне. Поешь».

Это инструкция. Не вопрос. Я не должна принимать самостоятельное решение. Я должна лишь следовать его указаниям. Вдох облегчения срывается с моих губ. Сжимая в руке записку, спускаюсь с кровати и, взяв оставленную им футболку, выхожу из комнаты.

У Паши очень роскошная квартира. Все — от современной темной мебели до мягких толстых ковров и тяжелых портьер — выглядит дорого. Везде чистота и порядок, никаких мелких безделушек на полках. Я нашла еще две спальни, значительно меньшие, чем та, где я спала. Похоже, что они не используются.

Гостиная — самое большое помещение в квартире, на стене висит телевизор, перед ним — диван и два кресла. Я встаю посреди комнаты и оглядываюсь. Одна книжная полка.

Несколько современных картин на стенах. Все красиво, но выглядит как декорация для журнала по дизайну интерьера или шоу-рума. Странно находиться в таком месте.

У нас дома все полки и стены увешаны нашими с Сиенной фотографиями, а также единственной фотографией Артуро, когда нам удалось уговорить его сфотографироваться с нами. Повсюду разбросаны журналы мод Сиенны и мои ноты. Подушки на диване обычно лежат в беспорядке. Повсюду валяются игрушки для собак. Различные средства для волос и бальзамы для тела часто оказываются в таких странных местах, как кухонный стол или полка с телевизором. Когда думаю о доме, сердце сжимается. Мой дом кажется чужим, как будто принадлежит кому-то другому.

Я крепче стискиваю в руке записку и иду на кухню. Черные блестящие столешницы, стеклянная плита, которой, похоже, никогда не пользовались. В черном холодильнике, судя по размерам, может храниться достаточно продуктов, чтобы хватило на неделю для десяти человек, но когда открываю его, в нем только несколько бутылок воды, пакет молока, три помидора и нераспечатанная упаковка сыра.

Столешница тянется по всей длине стены, но единственное, что на ней стоит, — это кофеварка. Ни баночек для специй, ни держателей для чашек. Ничего. Только кофеварка. На столе Павел оставил для меня несколько блюд для завтрака. Приготовить яичницу или просто намазать джем на хлеб? Во мне разливается неприятное покалывание. Либо яйца, либо джем; вряд ли я смогу съесть и то, и другое. Но когда думаю о выборе, беспокойство усиливается.

Да что черт возьми со мной такое, что я не могу принять такое ничтожное решение? То же самое произошло утром, когда Паша спросил меня, не хочу ли я принять душ. Я была грязной. Мне нужен был душ. Но когда он спросил, я не смогла принять решение. Я ухватилась за край стола и смотрела на то, что для меня приготовили. Яйца или джем? Это же простой выбор, черт возьми! Почему я не могу выбрать?!

Спустя двадцать минут раздумий я все-таки жарю яичницу, закусываю куском хлеба с джемом и все это время чувствую себя полной дурой.

По крайней мере, у меня прошел озноб.

К тому времени как закончила с едой, на улице уже стемнело, и я не знаю, что делать. В записке говорилось, что нужно осмотреть квартиру и поесть. Но что делать после этого — неизвестно. Я могу лечь спать или что-нибудь почитать. В гостиной на книжной полке полно книг. Я не могу смотреть телевизор без очков, если не встану прямо перед ним. Почитать? Или лечь спать? Мне снова нужно принять решение, но я не могу!

Схватившись за голову, дергаю себя за волосы, и с губ срывается разочарованный крик.

«Я ушел на работу и вернусь не раньше трех часов ночи. Если ты думаешь убежать, пожалуйста, не делай этого. Подожди, пока я вернусь».

Он просил подождать его. Просто. Прямо. Беспрекословно. Чувство тревоги понемногу угасает. Я стою в двух шагах от входной двери. И жду. Тот, кто увидит меня сейчас, может подумать, что передо ним дрессированная собака. А мне плевать. Единственное, что меня волнует в данный момент, — это то, что я больше не чувствую этой всепоглощающей тревоги. Со своей испорченной психикой разберусь как-нибудь в другой раз. Я сажусь на пол, обхватываю ноги руками и смотрю на входную дверь.

Телефон звонит, когда паркую машину в конце длинного ряда автомобилей, стоящих перед домом Петрова. Последним в очереди стоит большой красный мотоцикл. Видимо, случилось что-то серьезное, раз Роман обзвонил все командование, включая Сергея. Я беру телефон с пассажирского сиденья и отвечаю на звонок.

— Док?

— Я получил результаты анализов девушки. По венерическим заболеваниям она чиста. По беременности тоже все отрицательно. Анализ крови показал, что у нее небольшая анемия, но это все.

— А что насчет наркотиков?

— Ну, тут начинается самое интересное. Вещество, обнаруженное в ее организме, не известно. Похоже, это что-то новенькое, то, что еще не вошло в обиход.

— Интересно.

— Подожди, это еще не все. Пришел тест на таблетки, которые Владимир подбросил мне на днях. Это тот же самый препарат.

— Уверен?

— Да.

— Ты сказал Роману?

— Сказал. Только что с ним разговаривал.

Я напрягся.

— Значит... ты рассказал ему о девушке?

— Конечно. А что? Не должен был?

— Нет, просто спросил, — говорю я и сжимаю руль до белых костяшек пальцев. Мне не нравится то, что он рассказал Роману о девушке, и это бессмысленно. Я никогда не чувствовал необходимости скрывать что-либо от пахана.

— Как она? — продолжает док. — Ее семья за ней приехала?

— Она все еще у меня.

— Что? Почему ты не позвонил ее родителям или другим знакомым?

— Она не хочет говорить. Вообще-то, она не сказала ни слова.

— Черт. Наверное, она напугана до ужаса. Надо было попросить Варю побыть с ней, пока ее семья не сможет приехать. Тебе, наверное, лучше держаться подальше, пока она там.

— Э-э, насчет этого. — Я потираю шею. — Она меня не боится. Она вообще прилипла ко мне, как банный лист, с того момента, как с утра проснулась. Не выпускает меня из поля зрения. Она даже настояла, чтобы я остался в ванной, пока она принимает душ.

— Хм. Это не моя специальность, но знаю, что жертвы нападения могут реагировать по-разному. Она вздрагивает, когда ты приближаешься?

— Когда попытался выйти из комнаты, чтобы принести ей стакан воды, она закричала и бросилась ко мне в объятия. Голая. Можешь посоветовать, что мне делать? Как вести себя, пока я не свяжусь с ее семьей?

— Даже не знаю, что сказать. Я не психолог. Но я сделаю парочку звонков и сообщу тебе, что узнаю.

— Спасибо, док.

Я кладу телефон в пиджак и гляжу на часы. Мне не следовало оставлять ее одну, но все это для меня в новинку. Я никогда ни о ком не беспокоился. Никогда ни о ком не заботился. И никто никогда не заботился обо мне, так что понятия не имею, что делать.

* * *

Как я и предполагал, собрались почти все из руководящего состава Братвы.

Рядом со столом Романа стоит начальник службы безопасности Дмитрий, а Михаил сидит в кресле у окна. Михаил курирует транспортные операции с наркотиками «Братвы», а также занимается извлечением информации. Другими словами — пытками, когда это необходимо. Сергей, сводный брат пахана, прислонившись к стене рядом с дверью, вертит в руках лезвие ножа. Он ведет переговоры с нашими поставщиками и покупателями. И иногда их убивает.

— Руслана, дочь Федора, найдена мертвой, — говорит Максим, второй по званию, и кладет перед Романом желтую папку. — Тело нашли в мусорном контейнере на окраине. На него наткнулся какой-то бомж.

— Причина смерти? — спрашивает Роман.

— Предположительно передозировка.

— Руслана была хорошим ребенком. Второкурсница колледжа. Не похоже на нее, чтобы она связалась с наркотиками. — Роман кивает в сторону папки. — Когда она пропала?

— В прошлом месяце. Ее отец сказал, что она пошла в магазин и не вернулась.

— Он подал заявление о пропаже?

— Да. Но из этого ничего путного не вышло. Она словно в воду канула. Но это не самое странное. — Максим достает из папки лист бумаги и передает его Роману. — Вот заключение судмедэксперта. Она была под кайфом от героина, но нашли и следы неопознанного вещества. Я потянул за ниточки и попросил сверить результаты с таблетками, изъятыми у дилера в «Урале». То же самое.

После беглого осмотра содержимого Роман спрашивает.

— Думаешь, героин — это прикрытие?

— Скорее всего. — Он кивает.

— Наркотики — это не мороженое. Нельзя просто так взять и сделать на кухне новый сорт. — Роман барабанит пальцами по столу и смотрит на Михаила, который сидит справа от меня. — Ты что-нибудь узнал от дилера, которого поймал Паша?

— Он просто повторил то, что сказал Паше, — отвечает Михаил. — Таблетки ему дал друг в обмен на списание долга. Он не знал, как его друг получил наркотики и что это такое. У нас ничего нет, только имя этого друга. Но, похоже, его приятель исчез. — Люди Юрия следят за его домом. Как только он появится, они его доставят.

Несколько лет назад я наблюдал, как Михаил работал над одним парнем. Он превратил пытку в искусство. Если Михаил больше ничего не смог вытянуть из дилера, значит, ничего и не осталось.

Роман откладывает папку в сторону и подается вперед, опираясь локтями на стол.

— Итак, переходим ко второму вопросу. Какого черта вы все подбираете на улице женщин без сознания и забираете их к себе домой?

Все поворачивают головы в сторону Сергея, который сидит справа от меня.

— Ой, не смотрите на меня! — смеется Сергей. — Я свою давно подобрал, и с меня хватит.

— Думаешь, мы забыли, к какому грандиозному срачу это привело? — огрызается Роман. — По всей Мексике до сих пор ходят слухи о том, что произошло с комплексом Сандовала. Многие не верят в ту чушь, которую несет правительство, что виновато землетрясение, и считают, что это был удар метеорита.

— Ну, поскольку Паша ни черта не смыслит во взрывчатке, я бы сказал, что у нас все в

порядке, — ухмыляется Сергей. — Может, поделишься чем-нибудь о девушке, которая, как мне сказал Роман, у тебя дома?

Внимание всех сразу переключается на меня.

— Я понятия не имею, кто она такая. Она не говорит. Но когда ее нашел, она была накачана той же дрянью, что продавалась в «Урале».

— Мне нужна информация об этом новом препарате, — говорит Роман. — Я хочу знать, кто его производит и с какой целью. И я хочу, чтобы с ними разобрались. Дочь Федора была хорошей девочкой. Все, кто хоть как-то причастен к ее смерти, заплатят за это. Кровью.

Он кивает головой в сторону двери — значит, встреча окончена. Костя и Михаил выходят из кабинета первыми, за ними — остальные.

Я успеваю пройти через фойе к входной двери, как слышу женский крик. Оборачиваюсь и вижу, что Костя забился в угол, защищая руками голову. Ольга и Валентина зажали его в угол, плача и ударяя его кухонными тряпками. Похоже, они до сих пор не смирились с тем, что он бросил их обеих. Бедняге пришлось съехать из особняка в тот же день, когда он сказал им, что все кончено, чтобы избежать телесных повреждений. Я оставляю Костю на произвол судьбы и выхожу на улицу.

Когда сажусь в машину, звонит телефон. Это док.

— Ты где?

— Только что вышел из дома пахана, еду в «Урал». А что?

— Я только что разговаривал с подругой-психологом. Она часто работает с жертвами нападений. Я объяснил ей ситуацию и рассказал о поведении девушки.

— И что? — Я переключаю телефон на громкую связь и ставлю заднюю передачу. — Она хоть что-то поняла?

— Она не удивилась и предположила, что у девочки возникла к тебе привязанность, — говорит он. — По-видимому, некоторые жертвы нападений стараются держаться подальше от мужчин. Особенно незнакомых, но иногда даже членов семьи. Другие же формируют сильную привязанность к тому, кто их спас. Они цепляются за своего защитника, даже если это мужчина.

— Я не понимаю.

— Травма сексуального насилия — это опыт, наполненный жестокостью. Она изменяет чувство безопасности человека, его взгляд на мир и отношения с другими людьми. Похоже, что эта девушка начала ассоциировать чувство безопасности с тобой. Остальной мир представляется ей небезопасным. Ты, как ее спаситель, стал для нее «безопасным местом».

— Я ее не спасал. Она сама себя спасла. Выбежала из того здания.

— С точки зрения реальности — да. Но в ее глазах именно ты ее спас. Мы не знаем, как долго ее держали в плену и подвергали сексуальному насилию. Ты отвез ее к себе домой, и она впервые за несколько дней почувствовала себя в безопасности. Недель. А может быть, и за несколько месяцев.

— Господи, черт возьми.

— Езжай домой. Поговори с ней. Ей нужна профессиональная помощь и ее семья, — произносит он серьезным голосом. — И ее нельзя оставлять одну.

Как только связь прерывается, я звоню Ивану и отправляю его в «Урал». От Романа до меня час езды, и все это время я обдумываю слова врача. Надо было остаться с девушкой. А если она проснулась и испугалась, что меня нет? Никто в здравом уме не оставил бы девушку в таком состоянии одну в незнакомом месте. Я не подумал.

Я ударяю рукой по рулю и сильнее нажимаю на педаль газа.

* * *

Когда открываю переднюю дверь, в доме царит кромешная тьма. Может быть, она еще спит? Я включаю свет и замираю на месте. Девушка сидит на полу в нескольких шагах от двери, обхватив руками ноги. Ее тело неконтролируемо трясется.

— Черт... — Я приседаю рядом с ней, намереваясь подхватить ее на руки, но как только тянусь к ней, она прыгает в мои объятия. Снова обхватывает меня, как медвежонок коалы, и зарывается лицом мне в шею.

Придерживая ее под бедра, я несу девушку в свою спальню. Я намерен осторожно опустить ее на кровать, но не успеваю, как она сжимает меня руками и ногами.

— Прости, что оставил тебя одну, — шепчу я и сажусь на край кровати.

Рядом со мной лежит свернутое одеяло, я достаю его и оборачиваю вокруг плеч девушки. Она не шевелится, только прижимается ко мне, все еще дрожа.

— Ты в безопасности. — Я кладу руку ей на затылок, а другой рукой поглаживаю ее по спине, как надеюсь, успокаивающим движением. — Ты в безопасности.

С ее губ срывается вздох, и она расслабляется в моих объятиях. Я продолжаю успокаивающие поглаживания не менее получаса, после чего она поднимает голову с моего плеча. Я тянусь к лампе, стоящей на тумбочке, и поворачиваю выключатель, чтобы немного приглушить свет. Девушка несколько раз моргает, видимо, привыкая к внезапной яркости, а затем смотрит мне в глаза.

— Ну как, лучше?

Она ничего не отвечает, просто несколько секунд смотрит мне в лицо. Боже, она так чертовски юна. Она разжимает руки на моей шее и проводит ладонями по моим плечам и вниз по груди, останавливаясь на лацканах пиджака. Ее взгляд опускается на руки, и ее тело внезапно застывает. Я прослеживаю за ее взгляд и вижу, что она сосредоточилась на галстук. Малышка снова начинает дрожать, и с ее губ срывается хныканье.

— Что случилось?

Дыхание у девушки учащается и становится более поверхностным, а в глазах застыл ужас.

— Посмотри на меня. — Я обхватываю ладонями ее лицо и приподнимаю голову, пока наши взгляды не встречаются. В ее темно-карих глазах плещется паника. — Хорошо. Теперь дыши.

Она пытается, но дыхание сбивается. Пытается еще раз. Ее нижняя губа дрожит, и я слышу тихий шепот, но не могу разобрать, что она говорит.

— Я не услышал тебя, детка. Можешь повторить?

Она закрывает глаза и наклоняется вперед. Она совсем тихо повторяет рядом с моим ухом:

— Они всегда... носили костюмы.

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что она имеет в виду. В тот момент, когда до меня доходит, по спине пробегает холодный озноб. Она сказала «они». Во множественном числе. Я подумал, что она, возможно, состояла в жестоких отношениях с каким-нибудь психом, который накачал ее наркотиками.

Я отпускаю ее лицо и быстро снимаю пиджак, бросив его посреди комнаты, чтобы она его не увидела. Затем начинаю развязывать галстук. Девушка не отрывает взгляда от моих рук, когда дергаю за узел, и дрожь в ее теле усиливается.

— Посмотри на меня. — Мне удается выговорить эти слова спокойно, чтобы не напугать девушку. Это нелегко, потому что гнев, бушующий во мне, грозит вот-вот вырваться на волю. — Смотри мне в глаза. Умница. Я выбрасываю его, хорошо? — Я кидаю галстук на пол.

Как только галстук исчезает из виду, она немного расслабляется, но ее все еще трясет.

— Рубашку тоже? — спрашиваю я и, не дожидаясь ответа, начинаю расстегивать пуговицы.

Девушка прикусывает нижнюю губу и кивает.

— Хорошо, детка. — Я расстегиваю последнюю пуговицу и снимаю рубашку. — Лучше?

Я всматриваюсь в ее покрасневшие глаза, и, боже, она кажется такой потерянной. Не поднимая глаз, бедняжка медленно кладет руку на мою голую грудь. Кончиком пальца проводит по ключице, где начинаются татуировки, затем медленно опускается вниз. Прикосновение едва уловимо, она очерчивает фигуры, нанесенные на коже.

— Боюсь, что я не смогу их удалить, *mishka*.

Она поднимает на меня взгляд, уголки ее губ слегка изгибаются вверх.

— Это улыбка?

Она пожимает плечами.

Пусть это мимолетная улыбка, но все же улыбка. Она полностью преображает ее лицо, давая мне возможность увидеть ту женщину, которой она была до всего, что с ней произошло.

— Как тебя зовут, детка?

Меня снедало желание узнать ее имя, мельчайшие подробности о ней.

— Ася, — говорит она тоненьким голоском. Необычное имя.

— Ася, — пробую я. Оно ей подходит. — Очень красивое имя. А твоя фамилия?

— Девиль, — шепчет она.

Я поднимаю брови.

— Ты итальянка?

Она кивает.

Фамилия кажется знакомой, но я не могу ее вспомнить.

— Ты из Чикаго?

— Из Нью-Йорка.

Как только она это произносит, приходит озарение.

— Ты родственница Артуро Девиля?

— Он мой брат. — Она прикусывает губу. — Ты знаешь Артуро?

Подчиненного босса нью-йоркской семьи «Коза Ностра». Черт. Я не знаком с Артуро Девиллем, но Роман всегда следит за тем, чтобы у Братвы были сведения о каждом человеке, так или иначе связанном с нами.

— Я из русской Братвы, *mishka*. Жена твоего дона — сестра жены одного из наших силовиков, — говорю я. — Надо срочно позвонить твоему брату и сообщить, что ты здесь.

Ася замирает на месте.

— Пожалуйста... не надо.

— Почему? — спрашиваю я, чувствуя, как меня охватывает тошнота. — Он как-то связан с тем, что с тобой случилось?

Она качает головой, затем обхватывает меня за шею и прижимается к моей груди.

— Наверное, он думает, что я умерла. Я хочу, чтобы так оно и было.

— Но он же твой брат. Он, наверное, сходит с ума от беспокойства. — Я провожу рукой по ее темно-каштановым прядям. — Ты должна сказать ему, что с тобой все в порядке.

— Ни хрена я не в порядке! — огрызается она, затем слезает с моих колен и буравит меня взглядом. — Эти люди месяцами накачивали меня наркотиками и продавали. А я им позволяла! Я ничего не сделала! Ну что за гнусное существо, которое позволяет им совершать их мерзости, не сопротивляясь?

Она плачет и при этом кричит. И я ей позволяю. Гнев — это хорошо. Любое проявление реакции — хорошо. Поэтому я ничего не делаю. И не пытаюсь ее успокоить. Я сажусь на край кровати и молча за ней наблюдаю.

— Знаешь, что вчера вечером, когда ты нашел меня, я впервые попыталась убежать? — продолжает она. — Ты хочешь, чтобы я рассказала об этом своему брату? Он воспитал меня не для того, чтобы я стала чертовой шлюхой! Я лучше никогда больше не увижу его, чем он узнает, что позволила им сделать из меня!

Она делает глубокий вдох и хватается мою рубашку с пола возле своих ног. Наступив на ее край, она обеими руками тянет за материал, пока рубашка не рвется. Затем начинает ее кромсать. Я смотрю на нее с изумлением. Я думал, что она кроткая и нежная, но, наблюдая за ее великолепной яростью, понимаю, как сильно ошибался. В ней пылает огонь и свирепствует дух жизни. Те, кто причинил ей боль, кто сломил ее дух, — они не смогли его полностью уничтожить. И я найду всех до единого и заставлю их заплатить.

— Я ненавижу их! Я так сильно их ненавижу! — рычит она и поднимает на меня глаза. — А ты? Какого черта ты сидишь? Как ты можешь вот так запросто наблюдать за моим психическим расстройством и ничего не делать? Да что с тобой такое? — Она толкает меня руками в грудь. — Разве ты не должен попытаться меня успокоить?

— Нет.

— Нет? Ты будешь наблюдать, как я разваливаюсь на кусочки? — Она пихает меня снова. Потом еще раз.

— Ты не разваливаешься, Ася. — Я провожу большим пальцем по ее подбородку. — Ты берешь себя в руки.

— Беру себя в руки? — Ее глаза широко раскрываются, и она взрывается истерическим смехом. — Когда я проснулась, то не могла решить, что мне съесть: яйца или джем! Я не могла принять элементарного решения. Я двадцать минут смотрела на то, что ты оставил на столе, и мне пришлось съесть и то, и другое, потому что не могла выбрать!

Последние слова теряются в приступе плача. Ее плечи поникают, и она смотрит на свои босые ноги. Подставив указательный палец под ее подбородок, я приподнимаю ее голову, пока наши глаза не встречаются.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я.

Она моргает, и две слезинки скатываются по ее щекам.

— Хочешь, чтобы они умерли?

Она резко выдыхает, но молчит. Я переформулирую свой вопрос в утверждение.

— Ты желаешь им смерти.

Плотно сжав губы, она кивает.

— Они умрут, — обещаю я. — Чего еще ты хочешь?

Нет ответа.

— Ты не хочешь, чтобы твоя семья видела тебя такой.

Еще кивок.

— Я никогда не буду такой, как раньше, — шепчет она.

— Нет. Не будешь. — Я легонько щипаю ее за подбородок. — И это нормально. Они будут любить тебя точно так же. То, что с тобой произошло, изменило тебя, Ася. Это изменило бы любого. Безвозвратно. Ты должна принять себя такой, какой ты стала. Ты все еще ты. Да, изменилась, но ты не должна отдаляться от людей, которые тебе дороги.

Она шмыгает носом и снова забирается ко мне на колени. Снова ее ноги и руки обхватывают меня, и она зарывается лицом в мою шею. С ее губ срывается едва слышное бормотание, и я склоняю голову набок, чтобы лучше ее слышать. После того как она закончила, я долго смотрю на дальнюю стену спальни, думая о том, что она только что у меня попросила.

Если Роман узнает, ничем хорошим это не кончится. Мы поддерживали хорошие отношения с «Коза Нострой», но если я оставлю ее у себя, это может привести к войне. А если брат Аси узнает, он, скорее всего, меня убьет.

Я вдыхаю и киваю.

— Хорошо, misha. Ты можешь остаться.

Ася

— А джем подойдет? — спрашивает Паша и ставит банку на стол.

Я крепче сжимаю подол его футболки, когда он поворачивается ко мне лицом.

— У меня здесь больше ничего нет, но позже сбегаю в магазин и куплю еще еды. Я редко ем дома. Мы закажем и для тебя одежду.

Я наклоняю голову и вижу, что он не сводит с меня глаз.

— Спасибо.

На мне еще одна его футболка, под которой ничего нет. Даже трусиков. И лифчика. Странное ощущение.

Утром у меня снова поднялась температура. Паша укутал меня в одеяло и прижал к груди. Мы пролежали в его постели, казалось, несколько часов, пока я наконец не перестала дрожать. Он отнес меня в ванную и остался там, пока я делала свои дела и принимала душ. После того как почистила зубы, он завернул меня в пушистое полотенце и повел обратно в кровать, где я ждала, не отрывая глаз от двери в ванную, пока он принимал душ.

— Хочешь кофе?

Я смотрю на кофеварку, чувствуя себя самой убогой на свете.

— Не знаю.

Паша нежно прижимает ладонь к моей спине, успокаивающе поглаживает вверх-вниз. Я делаю глубокий вдох и поднимаю глаза: он смотрит на меня. В его глазах нет нетерпеливости. Нет упрёка. И никакой жалости.

— Ты пила раньше кофе?

— Нет, — шепчу я.

— Может, чай? У меня вроде где-то был ромашковый. — Он открывает шкаф, достает металлический контейнер и ставит его передо мной.

Я просто смотрю на него.

Он приподнимает пальцем мой подбородок.

— Ты любила пить чай, Ася?

— Да.

— Будем считать, что и сейчас любишь. — Он улыбается, и это так красиво. — А что ты любила есть на завтрак раньше?

— Хлопья с изюмом, — говорю я. — Иногда добавляла немного шоколада.

— Тогда я куплю эти хлопья и все остальное. А как насчет другой еды? Какие у тебя любимые блюда? У тебя была на что-нибудь аллергия?

Я шмыгаю носом, пытаюсь подавить желание заплакать. Он задает вопросы таким образом, чтобы мне было легче отвечать. Он не просит меня выбирать, что повисило бы мою тревожность, а спрашивает о фактах.

— Я никогда не любила брокколи и зеленый горошек. Все остальное меня устраивало. Никакой аллергии на продукты.

— Ты предпочитала заказывать еду на вынос или готовить сама?

— Мне нравилось готовить.

Он кивает.

— Составь мне список продуктов, и я завтра пойду в продуктовый магазин. Сегодня мы закажем еду, а завтра ты сможешь приготовить для себя что-нибудь.

Я прикусываю нижнюю губу. Для этого придется выбрать одно из многих.

— Как насчет лазаньи на завтра? Я с удовольствием ее попробую. Тебе нравилось готовить лазанью?

Тяжесть, давящая мне на грудь, исчезает. Я киваю.

— Хорошо. Я пойду возьму свой телефон, чтобы ты могла составить для меня список, но сначала давай позавтракаем. Хорошо?

— Хорошо.

Я хожу за ним по кухне, пока он ставит кипятиться чайник и достает хлеб. Павел методично намазывает на хлеб джем, следя за тем, чтобы тот равномерно распределился по всему ломтю.

На его костяшках пальцев множество мелких шрамов. На кистях рук сплошь татуировки, и они как бы не вписываются в шикарную, почти безупречную обстановку. Пользуясь случаем, я лучше осматриваю его лицо, сильную челюсть и острые скулы, замечая несколько шрамов на лбу и еще несколько на подбородке. Наконец, я вглядываюсь в его глаза. Но не могу определить их цвет, так как он возвышается надо мной, как башня.

Паша прекращает свое занятие и взирает на меня сверху вниз. Почему у него такие грустные глаза? Я отпускаю его футболку и кладу ладонь на его предплечье. Мышцы под моими пальцами напрягаются, и я жду, что Паша отстранится, но он не двигается.

Я крепче прижимаюсь к нему и прислоняюсь к его боку, чтобы быть ближе к теплу его большого тела. До меня доносятся слабые звуки музыки. Наверное, кто-то из соседей включил телевизор слишком громко, и я, не задумываясь, напеваю в такт мелодии.

ПАВЕЛ

Ася свернулась калачиком под одеялом. Я укрыл ее еще одним, поскольку она не переставала дрожать. Она уже спит, а я все еще бодрствую, прислушиваясь к ее дыханию.

Утром она была в порядке, но после обеда ей стало плохо, и мы едва успели добежать до туалета. Я держал ее за волосы, пока она опустошала содержимое желудка в унитаз, потом помог ей почистить зубы и отнес ее в кровать. У нее снова поднялась температура, но уже не так сильно, как в первый раз. У меня нет градусника, поэтому я каждые пять минут прикладывал тыльную сторону ладони к ее лбу, но казалось, что температура повышена лишь незначительно. Температура спала час назад, и Ася наконец перестала ворочаться в постели.

Я беру телефон с тумбочки и набираю сообщение Косте, спрашивая о ситуации в клубах. Через минуту приходит ответ — куча русских ругательств и пожеланий медленной и мучительной смерти. Видимо, он не в восторге от того, что ему приходится меня подменять.

Сегодня я позвонил пахану и попросил несколько дней отпуска, предложил, чтобы Иван взял все на себя. Роман рассмеялся и сказал, что отдаст клубы Косте, потому что ему пора заняться реальной работой, а не только бегать за женщинами и жечь резину на постоянной основе.

Костя с двадцати лет стал работать рядом с братом, помогая ему с финансами Братвы, но всегда был проблемным ребенком. Роман правда к нему равнодушен, поскольку Костя самый младший в окружении. Наверное, мы все так думаем. Костя для всех как младший брат, и он беззащитно использует это в своих интересах, постоянно выходя сухим из воды из-за своего возраста. Надеюсь, пока он меня замещает, у него не возникнет никаких безумных идей. Если он решит превратить мои клубы в стриптиз-клубы, я его придушу.

Ася шевелится, и я быстро щупаю ее лоб. Слава богу, температуры нет. Когда отдергиваю пальцы, она хватает мою руку и кладет ее себе на грудь. Похоже, я снова буду спать с ней в одной постели. Я растягиваюсь рядом с ней и наблюдаю за ее лицом. Вроде бы понимаю, почему она не разрешает мне звонить ее брату, но, с другой стороны, недоумеваю. Не проще ли ей было бы вернуться домой, к своей семье? У меня нет большого опыта в семейных отношениях, но уверен, что ее брат и сестра справились бы с задачей гораздо лучше, чем я.

Я выключаю лампу, закрываю глаза. Но сон не идет. Как Ася оказалась в Чикаго? Кто те люди, которые забрали и оставили ее у себя? Может, есть какая-то связь с дочерью Федора? У меня столько вопросов и ни одного ответа.

Склонив голову набок, я наблюдаю за спящей Асей. Она все еще сжимает мою руку в своей. Утром мне нужно первым делом купить продукты. Не могу же я допустить, чтобы она три дня подряд питалась хлебом и мармеладом. Нужно купить для нее и туалетные принадлежности. И одежду. Но мне нравится, когда она ходит в моих футболках.

На ее лицо упала каштановая прядь волос, я осторожно ее убираю. Почему позволил ей остаться?

ПАВЕЛ

В ванной комнате я стою перед зеркалом. Серые джинсы и черная футболка лежат сложенными на тумбе рядом с раковиной. Они вызывают у меня отвращение. Уже не помню, сколько времени прошло с тех пор, как я носил джинсы, наверное, больше десяти лет.

Проблема не в них самих, а в воспоминаниях о том, как я рылся в ворохе выброшенной одежды, в основном джинсов, пытаюсь найти что-нибудь подходящее. Вещи всегда попадались рваные и грязные, а денег на стирку перед тем, как надеть их, у меня не было. Люди избегали меня, когда я ехал в метро, и от этого мне было особенно стыдно.

Как только начал зарабатывать серьезные деньги на подпольных боях, я сменил весь свой подержанный гардероб на брюки и рубашки. Со временем перешел на костюмы. А дальше на более дорогую одежду, добавил дорогие часы и другие аксессуары. Все это сделано для того, чтобы забыть о том, кем я был первые двадцать лет своей жизни. Отбросом. Тем, от кого люди быстро отворачивались, игнорируя присутствие. Самое смешное, что, несмотря на то, что прошло уже почти пятнадцать лет, я до сих пор ощущаю вонь — то ли от одежды, то ли от полусгнившей еды, которую выгребал из мусорных баков в переулках за ресторанами, — которая всегда меня окружала.

Я смотрю на свое лицо в зеркале, отмечая небольшие шрамы, разбросанные по вискам, переносице и подбородку. Сейчас они поблекли, их практически не видно, но все еще могу вспомнить драки, в которых получил каждый шрам. Я даже не знаю, сколько раз мне ломали нос. Семь? Наверное, больше.

Мне едва исполнилось восемнадцать, когда я начал драться за деньги. Сначала это был способ заработать на еду, но со временем бои превратилось в нечто иное. Люди, которые приходили посмотреть, скандировали мое имя... они питали ту глубокую тоску, которую всегда чувствовал в своей душе. Желание принадлежать. Кому-то. Где угодно. Волнение толпы, которая болела за меня, заставляло меня чувствовать себя не таким одиноким.

Не знаю точно, почему я согласился, когда Юрий подошел ко мне после одного из моих боев и предложил место в Братве. Может, я хотел почувствовать себя ближе к своему наследию. В детстве в приемных семьях не было ни одного русского ребенка. К тому времени, когда вышел из системы, я почти забыл свой родной язык. Годы работы в Братве помогли мне его восстановить, и теперь у меня нет проблем с языком. Но он уже не тот. Он больше не кажется мне родным языком, впрочем как и английский.

Я провожу указательным пальцем по более заметному шраму на левой стороне челюсти. Как бы ни старался скрыть прошлое, какие-то напоминания, видимые или нет, всегда останутся.

Может, поэтому я позволил Асе остаться? Может, я узнал родственную душу, пытающуюся избавиться от прошлого, и захотел помочь. В конце концов, знаю, каково это, когда не к кому обратиться. Но боюсь, что это лишь часть причины. Моя истинная мотивация гораздо, гораздо более эгоистична. Я всю жизнь был один и уже привык. Так я живу. Но когда на моем пути появилась Ася, понял, насколько я был одинок и как мне

приятно, что она здесь, в моем доме. Мне нравится уют, который приносит ее присутствие. Я так жажду этого, что согласился скрыть от семьи, что она жива.

Наконец беру в руки джинсы. Это одни из пяти пар, которые я заказал вчера онлайн после того, как понял, какой эффект произвели костюмы на Асю. Я не могу весь день ходить в пижаме и уж точно не могу надеть ее в магазин.

Глубоко вздохнув, я натянул джинсы.

АСЯ

На столе в идеальном порядке стояло не менее пятнадцати пакетов. Паша накупил слишком много продуктов.

Он дважды возвращался к машине, когда час назад приехал из магазина. Поставив последний пакет в конец длинной очереди, он попросил меня убрать принесенные продукты и приготовить обед. Затем взял ноутбук и, сказав, что ему нужно поработать, скрылся в своей спальне.

Я достаю продукты из первого пакета, оставляя на кухонном острове то, что нужно для лазаньи, и убирая остальное. Мне следовало быть более конкретной в своем списке продуктов. Я предполагала, что он купит макароны или томатный соус той марки, которая попадется ему на глаза первой, но вместо этого он, видимо, купил все имеющиеся в магазине виды. В первых нескольких пакетах лапша для лазаньи четырех разных марок, три томатных соуса, шесть видов разных макарон и не менее десяти сортов сыра.

Из следующих трех пакетов я достаю коробки с хлопьями и пересчитываю их. Здесь двенадцать разных видов: овсяные, соевые, пшеничные, некоторые с сухофруктами или изюмом, одни с медом, другие с шоколадом, еще пара с миндалем.

Я оглядываюсь через плечо на дверь спальни. Я надеялась, что Паша останется на кухне или в гостиной, но он так и не вернулся. Однако даже когда его нет в одной комнате со мной, знание того, что он здесь, заставляет отступить страшный голос в моей голове.

Закончив убирать продукты, рассматриваю последние несколько пакетов на столе. Это большие фирменные сумки бутика с широкими ленточными ручками. Паша сказал, что купит мне что-нибудь из одежды. Я ожидала увидеть спортивные штаны и несколько футболок, но передо мной лежат пакеты, доверху набитые одеждой. Мне их распаковывать? О продуктах он упомянул только тогда, когда попросил меня убрать купленные вещи. Я иду к кухонному острову, чтобы приготовить лазанью.

Готовить обед, будучи в чужой футболке и голой под ней, как-то непривычно. Особенно на кухне, которая принадлежит незнакомому мужчине. Странно, но в то же время освобождающе. Я сосредотачиваюсь на задаче, которая стоит передо мной, а в голове играет тихая мелодия.

ПАВЕЛ

— Нет, Сергей, ты не можешь привезти покупателей в «Урал», — говорю я в трубку и вздыхаю.

— Почему, черт возьми, нельзя? Ты смотрел, сколько градусов на улице? Там же мороз, блин. У меня яйца отвалятся, если я приеду на неотопливаемый склад и буду слушать этот бред больше десяти минут.

— Когда ты в последний раз проводил встречу в моем клубе, уборщики два часа пытались смыть кровь и мозги с VIP-кабинки.

— Паша, да это было много лет назад! — рывкает он. — А ты в прошлом месяце поменял обивку на темную кожу. Отмыть кровь с нее — проще простого.

— Я сказал «нет».

— Мудила, — бормочет Сергей и бросает трубку.

Я качаю головой и переключаюсь на заказ спиртного, который просматривал на ноутбуке. Поскольку в клуб я не поеду, пришлось заняться самыми насущными делами и проинструктировать Костю по остальным. Может, он и умеет считать, но логистика не его конек. Я смотрю на время в углу экрана — уже полдень. Надо бы еще раз проверить Асю.

Последние три часа я сидел за столом в своей спальне, но каждые пятнадцать минут поглядывал на Асю, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Она была погружена в приготовление обеда, и ее расслабленная поза говорила о том, что она наслаждается процессом. В последний раз, когда ее проверял, слышал, как она напевает какую-то сложную мелодию. Я ожидал, что и в этот раз она будет напевать на кухне, но ее нигде не видно.

— Ася? — зову я, торопливо пересекая гостиную, но ответа нет.

Прохожу мимо обеденного стола, на котором расставлены тарелки и салатники на двоих. Между ними стоит большой поднос с лазаньей, порезанной на квадраты. Огибаю кухонный остров и останавливаюсь. Ася сидит на полу, прижавшись спиной к шкафу, обхватив ноги руками. Она смотрит на окно на дальней стене с паникой в глазах.

— Ася? — Я приседаю рядом с ней и кладу руку ей на шею. — Что случилось?

— Идет... снег, — шепчет она, не отрывая глаз от окна.

— Ты не любишь снег? — спрашиваю я.

— Уже нет, — едва слышно отвечает она.

— Ася, детка, посмотри на меня. — Я провожу большим пальцем по ее щеке. — Пожалуйста.

Она делает глубокий вдох, потом поворачивает голову. У нее такой затравленный взгляд, от которого у меня щемит в груди.

— Я закрою жалюзи, — предлагаю я. — Хорошо?

— Хорошо.

Быстро закрыв жалюзи на кухне, я направляюсь в гостиную, задергиваю тяжелые шторы на окнах и спешу обратно. Ася не шелохнулась, но теперь смотрит в пол.

— Прости меня, — бормочет она и поднимает на меня слезящиеся глаза.

Я приседаю перед ней и беру ее лицо в ладони.

— Тебе не за что извиняться.

— Я такая слабачка, — говорит она и плотно сжимает губы.

Я наклоняюсь вперед, и мое лицо оказывается в нескольких дюймах от ее лица.

— Ты так отреагировала из-за воспоминаний. Твой разум реагирует на разные вещи, но это не значит, что ты слабая. Понимаешь?

Она вздыхает и закрывает глаза. У меня в душе что-то обрывается, когда вижу ее такой побежденной. Я стискиваю зубы. Сейчас нужно сохранять спокойствие ради Аси, но рано

или поздно я уничтожу тех сукиных детей, которые сделали это с ней.

— Mishka. Посмотри на меня.

Она открывает глаза.

— Ты не слабая, — настаиваю я. — И ты будешь бороться и станешь лучше. Я обещаю.

Она смотрит на меня несколько мгновений, затем наклоняется вперед так, что ее рот оказывается совсем рядом с моим ухом, выскользнув при этом из моей хватки.

— Я убила человека, — шепчет она. — Той ночью когда сбежала. Я убила клиента.

Я прикусываю язык, сдерживая ярость.

— Хорошо, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

— Я не жалею об этом. Я должна. Но я не жалею. — Она обнимает меня за шею и прижимается щекой к моей щеке. — Это делает меня плохим человеком?

— Нет. Ты защищалась от насильника, который поступил с тобой самым ужасным образом. Фактически, ты оказала ему услугу.

— Услугу?

— Да. Потому что если бы ты его не убила, это сделал бы я. И поверь, смерть от моей руки даже близко не сравнится с его легкой смертью. — Я слегка сжимаю ее шею. — Пойдем, покажешь мне, что ты приготовила. Это первый раз, когда кто-то готовит для меня.

Ася откидывается назад, снова оказываясь лицом ко мне, и кладет руку мне на щеку.

— Спасибо. За все.

АСЯ

Я надеваю пижаму, которую купил для меня Паша, и смотрю на себя в зеркало в ванной. Верхняя часть пижамы не так уж плоха, может, на размер или два великовата. А вот штаны — совсем другое дело. Пришлось не единожды подворачивать пояс и манжеты на ногах, чтобы убедиться, что они будут держаться и я не споткнусь при ходьбе. Я проверила этикетку и увидела, что это средний размер. Обычно я ношу маленькие размеры.

Остальная одежда, которую он купил, лежала сложенной на длинной тумбе рядом с раковиной. Все они тоже среднего размера. То ли Паша никогда не покупал женскую одежду, то ли не умеет так хорошо угадывать размеры. Я заметила две пустые полки в шкафу в другом конце ванной комнаты и положила одежду туда. Не хочу вторгаться в его пространство больше, чем уже вторглась. Мне до сих пор не верится, что он разрешил мне остаться.

Когда выхожу из ванной, Паша появляется из гардеробной в темно-серых пижамных штанах и черной футболке.

— Я оставлю дверь открытой, — говорит он. — Если что, я буду в комнате напротив.

Я вся напрягаюсь от его слов. Обхватив себя руками, киваю и направляюсь к кровати.

— Ася? Все в порядке?

— Да. — Я забираюсь в кровать и поворачиваюсь лицом к стене, натягивая одеяло до самого подбородка.

На мгновение в комнате воцаряется тишина, но потом слышу звук приближающихся босых ног.

— Что случилось?

Я сжимаю одеяло в руке.

— Ты можешь снова спать здесь?

— Здесь? В этой постели?

— Пожалуйста.

Паша молчит. Я зажимаю глаза, ненавидя себя за то, что попросила. Наверное, он считает меня слабачкой. Как будто узурпировать его жизнь и его жилище недостаточно, я прошу его продолжать спать со мной в одной постели. Открываю рот, чтобы сказать ему, что передумала, когда за моей спиной проседает матрас.

Я засовываю руки под подушку в надежде, что это остановит меня от желания повернуться к нему и прижаться к его груди. Эта необъяснимая тяга к нему смущает меня, но в то же время заставляет чувствовать к себе отвращение. Мною пользовались самым унижительным образом, поэтому к Паше и любому другому мужчине я должна испытывать отвращение, страх и неприязнь. Вместо этого он меня привлекает. Но за все время, что я здесь, он ни разу не прикоснулся ко мне с намеком на секс.

«Это потому что ты грязная, — шепчет голос в моем сознании. — Испорченный товар, к которому ни один мужчина не захочет прикоснуться. Сколько мужиков тебя трахнуло? Слишком много, чтобы сосчитать?»

Я утыкаюсь лицом в подушку. Я хочу, чтобы это прекратилось!

«Ты знаешь, кто ты? Шлюха. Грязная, мерзкая шлюха».

Паша обхватывает меня за талию и притягивает к своей груди спиной.

— Поговори со мной, — произносит он мне в волосы.

От его близости по моему телу проходит дрожь, и это не плохая дрожь.

— Почему ты не позвонил моему брату и не избавился от меня? — спрашиваю я.

— Потому что понимаю необходимость самому разбираться со своим дерьмом. И потому что знаю, каково это, когда люди от тебя избавляются. — Рука на моей талии напрягается. — Я бы никогда ни с кем так не поступил.

— Ты нянчишься со мной. Разве тебе не нужно идти на работу?

— Меня кое-кто подменил. Но завтра мне нужно будет пойти на встречу с паханом. Я ненадолго.

Я напрягаюсь... поднимается паника. Это совершенно неестественно, то, как я привязалась к нему, но не могу избавиться от чувства ужаса, которое возникает при мысли, что его нет рядом.

— Хорошо, — шепчу я.

— Может быть, ты еще раз подумаешь о том, чтобы поговорить с психиатром?

Я сжимаю губы и качаю головой. Паша с самого утра пытался убедить меня поговорить с врачом-психотерапевтом. Он сказал, что у нее есть опыт работы с такими случаями, как у меня. Но я не могу этого сделать. При одной мысли о том, чтобы поговорить об этом с кем-то, кроме Паши, мне становится плохо.

— Ладно, mishka. Давай подождем еще несколько дней.

— Это что-то значит? Mishka?

— Медвежонок.

Он называет меня медвежонок. Какое необычное ласковое прозвище. Я оборачиваюсь к нему.

— Это потому что мне нравится к тебе прижиматься?

— Ага. — Он поднимает руку, как будто собирается коснуться моего лица, но отдергивает. — Давай спать.

Я киваю и отворачиваюсь к стене, делая вид, что пытаюсь заснуть. Я не могу прийти в себя от того, что он сказал «да», когда спросила могу ли остаться, вместо того чтобы отправить меня обратно к моей семье. Такое предложение звучало настолько возмутительно, что я не сомневалась, что он откажется. Но Паша не отказал. И мне до сих пор трудно поверить, что он согласился никому не рассказывать, кто я такая.

Я почувствовала легкое прикосновение к затылку. Не уверена, что это было, но похоже на поцелуй.

ПАВЕЛ

— Девушка все еще у тебя? — спрашивает Роман, как только вхожу в его кабинет.

— Да. — Я киваю и сажусь рядом с Максимом.

— Хорошо. Надо спросить, как она достала наркотики. Юрий до сих пор не может найти того, кто поставлял таблетки, так что твоя девочка — наша единственная зацепка.

Я встречаю взгляд своего пахана и качаю головой.

— Нет.

— Нет? — Он расширяет глаза.

— Если она сама мне что-то расскажет, я сообщу тебе. Но не буду заставлять ее говорить, если она сама не захочет.

— А почему не захочет?

— Док не сказал тебе? — спрашиваю я.

— Что не сказал? Он сказал, что ты нашел девушку, у нее была передозировка и ты забрал ее домой.

— Она подверглась сексуальному насилию, Роман. Я думаю, что люди, у которых она была, занимались проституцией.

Роман пристально смотрит на меня, на его челюсти дергается мускул. Ручка в его руках разламывается надвое. Тема женщин, подвергшихся насилию, всегда была для него деликатной.

— С девушкой все в порядке? — спрашивает он сквозь стиснутые зубы.

— Ей лучше.

— Хорошо. Не спрашивай ее ни о чем. — Он кивает и переключает свое внимание на Максима. — Что за вопрос с албанцами, который ты хотел обсудить?

Максим снимает очки и скрещивает руки на груди.

— Такое впечатление, что у них неожиданно появилась огромная сумма денег. Один из ребят Антона сообщил, что видел, как зять Душку потратил безумную сумму в одном из казино «Коза Ностры».

— Сколько?

— Десятки тысяч за ночь. Несколько ночей подряд.

— Джулиан — идиот, который сам не заработал ни цента. Он годами выкачивал деньги из Душку.

— Похоже, у него вдруг появилось больше, чем он может потратить, — замечает Максим. — Может, он замешан в этой новой наркоте?

— Лучше бы не был. Потому что если кто-то из албанской преступной организации осмелится пронести свои наркотики на мою территорию, ему не понравятся последствия своего решения. Я все четко объяснил Душку, когда мы с ним беседовали несколько месяцев назад после той истории с ирландцами.

— Что случилось с ирландцами? — спрашиваю я.

Поскольку в основном занимаюсь управлением клубами, я не всегда в курсе других

деловых вопросов. Последнее, что помню об ирландцах, — это то, что несколько лет назад они пытались уничтожить Братву и чуть не убили Костю. Сергей ликвидировал их лидера и еще несколько человек из высшего эшелона, а остальных Роман выкинул из Чикаго.

— Они устроили базу в Нью-Йорке, — говорит Роман. — Несколько месяцев назад дон Аджелло прислал мне сообщение, что Душку начал сотрудничать с ирландцами и доставил им крупную партию оружия. Душку прекрасно знал мою позицию по ирландцам и все равно сделал по своему.

— Это была только одна партия? — спрашиваю я. — Или Душку все еще работает с ними?

— Только одна. Вскоре после этого Аджелло занялся ирландцами, потому что этот идиот Фицджеральд похитил его жену. Аджелло пришел в ярость.

— Он убил Фицджеральда?

— Сам зарезал его ножом. — Роман усмехается. — Я не знаю лично Аджелло, но он мне уже нравится.

— Роман, а что ты планируешь делать с албанцами? — вклинивается Максим.

— У нас есть свой человек внутри, который может следить за тем, что они делают? Нам нужно знать, откуда эти деньги.

— Одна из официанток в «Байкале» регулярно навещает Душку, — сообщаю я. — Вдруг она сможет убедить его рассказать о своем бизнесе.

— Давайте пока попробуем так. — Он кивает. — Если выяснится, что за всем этим стоит Душку, я лично его выпотрошу.

* * *

Выйдя из машины и направляясь к подъезду своего дома, я замечаю знакомую машину, припаркованную у подъезда. За рулем белого внедорожника сидит Юрий и машет мне рукой.

— Что происходит? — спрашиваю я, перебираясь на пассажирское сиденье.

Он опирается локтями на руль и буравит меня взглядом.

— Я не знаю. Ты мне скажи.

— Ничего. А что?

Он качает головой и смотрит на улицу за лобовым стеклом.

— Я тебя, Паша, знаю уже десять лет, так что не надо мне эту чушь нести. Ты собираешься уйти из Братвы?

— Нет. С чего ты взял?

— Ты позволил Косте возглавить свои клубы. Ты практически жил в «Урале» и никому не позволял прикрывать себя, никогда. Когда я несколько месяцев назад пытался убедить тебя сделать перерыв, ты сказал, что не можешь функционировать, если не работаешь.

— Ну, теперь я решил сделать перерыв.

— Так ты вернешься?

Я откидываюсь на сиденье и гляжу на дом. Прошло около трех часов с тех пор, как я ушел на встречу с Романом, и каждую секунду этого времени думал об Асе. Все ли с ней в порядке? Поела ли она? А вдруг она голодна и не может решить, что приготовить? Не боится ли она, оставшись одна? А вдруг я приду домой, а ее там не будет?

— Я вернусь, Юрий. Не волнуйся.

— Когда?

— Когда она уйдет, — обещаю я, глядя на окна третьего этажа. Я не вижу света внутри,

потому что жалюзи закрыты. Что, если Ася снова испугается? Ненавижу оставлять ее одну.

— Она? Девушка, которая живет у тебя дома?

— Да.

— Ты с ней... в отношениях?

— Нет.

— Я не понимаю.

Я смотрю на своего друга. Его челюсть плотно сжата, а в глазах — беспокойство. В свои шестьдесят пять лет Юрий — самый старший в окружении Братвы. Он стал отцом для подчиненных ему бойцов, но при этом яростно оберегает всех остальных бойцов Братвы, независимо от их положения. Мне всегда казалось странным, как он может так заботиться о тех, кто ему не родной, в то время как в мире есть люди, которым наплевать на собственную плоть и кровь.

— У тебя когда-нибудь случалось, что при встрече с незнакомым человеком, ты чувствуешь, что он твоя вторая половинка? — спрашиваю я. — Та недостающая часть тебя, о существовании которой ты даже не догадывался, пока он не вошёл в твою жизнь.

— Нет, не встречал. Ты думаешь, эта девушка — твоя?

— Я знаю ее всего неделю.

— Я не об этом спросил.

— Я знаю. Но это не имеет значения. Она все равно скоро уедет. — Я берусь за ручку двери. — Я вернусь на работу, как только она уедет.

— Может быть, она не захочет уезжать.

— Ага, как же, — говорю я и выхожу из машины.

Ася

Я стою в душевой кабинке и смотрю на два флакона на угловой полке. Черный — мужской гель для душа, которым пользуюсь с момента приезда. У него древесный аромат с нотками цитрусовых и шалфея. Он стоял тут с самого начала и был единственным. Сейчас рядом с ним стоит другой гель для душа. Розовый флакон с цветочками. Наверное, Паша купил и оставил его для меня. Я глубоко вздыхаю и тянусь к нему, но как только приближаюсь к флакону, во мне поднимается тревога. Я оглядываюсь на черную бутылку и перевожу руку на нее. Тревога усиливается. Я опускаю руку. Более пятнадцати минут смотрю на эти дурацкие бутылочки с гелем и стискиваю зубы до боли в челюсти. В итоге хватаю обе бутылки и бросаю их через всю ванную, где они ударяются о стену и падают на пол.

Раздается стук в дверь.

— Ася!

Прислоняюсь спиной к кафельной стене и дышу неглубокими вздохами. Я впервые пытаюсь принять душ без Паши. Я так гордилась собой, когда сказала ему, что ему не обязательно идти со мной. Он слегка улыбнулся и сказал, что на всякий случай останется по ту сторону двери.

— Ася? — Еще один стук. — Я вхожу!

Дверь распахивается, и Паша врывается в комнату, оглядываясь по сторонам. Его взгляд падает на бутылки на полу, а затем он смотрит на меня. В его серо-голубых, практически металлического оттенка глазах, а не светло-голубых, как мне показалось вначале, появляется вопросительное, оценивающее... обеспокоенное выражение, когда он окидывает меня взглядом с ног до головы. Его сила притягивает меня к себе, заземляя, что ослабляет мою тревогу.

— Я не смогла выбрать, каким чертовым гелем для душа мыться, — признаюсь я и закрываю глаза, чувствуя себя полностью побежденной.

— Черт, — бормочет Паша. Спустя несколько секунд он ласкает мою щеку шершавой ладонью. — Извини. Я не подумал.

— Ты же не виноват, что я психопатка. — Я вздыхаю.

— Ты не психопатка, медвежонок.

— Ага, как же. — Я фыркаю. — Тебе следовало бы отвезти меня в ближайшую психушку и оставить там.

— Ася, посмотри на меня.

Я открываю глаза и вижу, что он стоит передо мной, его рука все еще лежит на моей щеке, а другая — на стене рядом с моей головой.

— Все наладится, — говорит он. — Я обещаю.

— Ты этого не знаешь.

— Знаю. Ты боец. Пройдет немного времени, но тебе станет лучше. Пойдем, вымоем тебя. Хорошо?

Я неохотно киваю.

— Хорошо. Пойду принесу гель для душа.

Я смотрю, как он идет в другой конец ванной комнаты и поднимает с пола бутылочки.

Затем Паша возвращается в душевую кабинку.

— Это мой, — говорит он, ставя черный флакон обратно на полку, — а розовый — твой. И ты будешь пользоваться им.

Как он может оставаться таким спокойным? Словно моя выходка его ничуть не беспокоит.

— Итак, в чем еще проблема? — Он взирает на меня сверху вниз.

Я прикусываю нижнюю губу.

— Полотенца.

— Полотенца?

— Банные полотенца. У тебя голубые и белые. — Я все время пользуюсь полотенцами для рук после душа, потому что они все белые.

— Я буду пользоваться синими. А ты белыми. Идет?

Я киваю, чувствуя себя полной дурой. Паша легонько берет меня за подбородок, поднимая голову вверх.

— Еще какие-нибудь проблемы с ванной?

— Нет, — шепчу я.

— Хорошо. Мне остаться?

Мне не хочется, чтобы он уходил, но я все равно качаю головой. Это нелегко, но после его указаний я могу справиться с душем в одиночку, потому что знаю, что он все равно будет рядом.

Он улыбается.

— Прими душ. Одевайся. Я буду ждать тебя за дверью, и когда ты закончишь, мы позавтракаем.

Паша проводит большим пальцем по моему подбородку, а затем убирает руку с моего лица и выходит из ванной. Я медленно поднимаю руку и повторяю путь его прикосновения.

ПАВЕЛ

Я ставлю коробку с хлопьями на стол перед Асей и иду к холодильнику за молоком. Когда кладу пакет рядом с хлопьями, Ася тянется к нему, но я беру ее руку в свою.

— Подожди.

Свободной рукой открываю шкаф и достаю банку джема. Ставлю ее рядом с коробкой хлопьев, беру арахисовое масло и хлеб и выкладываю все на стол. Ася наклоняет голову набок, наблюдая за мной.

Я встаю за ее спиной и киваю в сторону продуктов.

— Что бы ты хотела на завтрак?

Ася смотрит на ассортимент еды и поджимает губы.

Она живет здесь уже две недели. Каждое утро я давал ей молоко и выбирал хлопья, причем каждый раз с разными вкусами. Ася всегда готовила нам обоим по миске, и мы завтракали в столовой. Ася очень нервничает, когда ей приходится принимать даже самое пустяковое решение, поэтому стараюсь облегчить ей выбор. Но пришло время немного ее

подтолкнуть и выйти за пределы своей зоны комфорта.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивает она сквозь зубы.

— Что?

— Просишь меня выбрать.

— Я помогу тебе. — Я тянусь, собираясь обнять ее за талию, но вовремя спохватываюсь и прижимаю ладонь к холодной столешнице. — Но все же попробуй сама. Это всего лишь еда. Любой твой выбор будет правильным, так что не волнуйся.

Она хватается за край стола перед собой и смотрит на продукты. Проходит минута. Потом еще пять.

— Все в порядке, — успокаиваю я. — Не торопись.

Желание погладить ее по спине или поцеловать в волосы пожирает меня заживо. Однажды я забылся и поцеловал ее в затылок. Надеюсь, она уже спала и не заметила. Наверное, она бы возмутилась, если бы узнала, что я к ней равнодушен. Ведь это неправильно во многих отношениях. Когда на днях она упомянула, что ей всего восемнадцать, это только усугубило ситуацию. Она на пятнадцать лет моложе меня. Мне нужно держаться от нее как можно дальше.

— Я не могу. — Ася скребет ногтями по столешнице, крепче сжимая край, а ее глаза не отрываются от коробки с хлопьями.

— Конечно, можешь, — говорю я, борясь с желанием к ней прикоснуться.

Мне не по себе каждый раз, когда вижу, как она пытается сделать даже самый простой выбор. Ася по-прежнему не хочет разговаривать с психологом, поэтому я звоню ему каждые два дня, чтобы попросить совета. Психолог посоветовал мне создать ситуацию, в которой Ася должна будет принять небольшое решение, но я не мог настаивать, если ей станет дискомфортно. Доктор каждый раз повторяет мне, что для того, чтобы Ася поправилась, ей нужна профессиональная помощь. Но это может произойти только в том случае, если Ася готова ее принять.

Проходит несколько секунд, и я вижу, как Ася протягивает правую руку вперед, к хлопьям, но потом останавливается. Я придвигаю коробку ближе, но убеждаюсь, что та еще достаточно далеко, чтобы она могла дотянуться до нее.

— Ты говорила, что дома любила есть хлопья. Как думаешь, изменились ли твои предпочтения?

— Нет.

— Тогда можно с уверенностью сказать, что ты выбрала бы хлопья. Давай, еще немножко.

Ася поджимает губы и в следующее мгновение хватается за коробку и прижимает к груди, как будто это что-то бесконечно дорогое.

— Я сделала это, — бормочет она.

— Видишь? Все наладится.

Она обхватывает свободной рукой мое запястье, впиваясь в меня взглядом. Ладонью движется вверх, вдоль моего предплечья.

— Спасибо, — говорит она и слегка наклоняется ко мне.

— В любое время, Mishka. — Я неохотно делаю шаг назад. — Давай поедим. Я умираю с голоду.

На лице Аси мелькает непонятное выражение, когда ее рука падает с моей. Она отворачивается и начинает отсыпать хлопья и наливать молоко в одинаковые черные миски.

Кажется, до ее прихода я их не доставал. На самом деле, больше половины кухонных предметов не использовались, аккуратно убранные в ящики и шкафы. Из всего, что у меня есть, я довольствовался лишь двумя тарелками, несколькими стаканами и кофейными чашками. Не помню точно, но, возможно, плиту я включал всего пару раз.

Когда Ася закончила, я несу миски в столовую. Она идет на шаг позади меня, сжимая в руке подол моей футболки, — и так почти всегда. Только когда дохожу до стола, она отпускает мою футболку и садится на стул справа от меня.

Все время Ася ведёт себя очень тихо. Когда ест. Когда ходит по дому. Даже когда готовит. Не слышно ни звона кастрюль, ни звона столового серебра, вообще никакого шума, разве что она напевает себе под нос. Я не могу расшифровать песню, но мелодия кажется мне знакомой.

Интересно, она и раньше была такой тихой, или это следствие всего, что с ней произошло? Но огонь в ней еще живет. Может, он и подавлен в глубине души, но он есть. Тот, кто причинил ей боль, не погасил его полностью.

Павел

— Ну что, готова? — спрашиваю я.

Ася стоит посреди спальни, обхватив себя руками.

— Нет.

— Надо купить тебе одежду. Все, что я купил, тебе не подходит. — Я киваю в сторону рубашки, которая ей велика как минимум на два размера. На ногах синие джинсы тоже закатаны. Как я так оплошал? Когда покупал одежду, она показалась мне маленькой. Ася, возможно, поживет у меня недолго, но я не допущу, чтобы она постоянно одергивала рукава своих рубашек. Я хочу, чтобы она чувствовала себя комфортно.

— Магазин рядом, и мы будем там одни.

Ася смотрит в пол, прикусив нижнюю губу.

— Ася. Посмотри на меня, детка, — говорю я, и она нехотя поднимает голову. — Я не отпущу твою руку, что бы ни случилось. Ты будешь в безопасности.

— Ты сказал «в безопасности», — бормочет она. — Ты не сказал «все будет хорошо». Почему?

— Потому что, возможно, все может пойти не по плану. Возможно, ты испугаешься, потому что впервые выходишь на улицу после почти трехнедельного перерыва. Ты можешь даже психануть. — Я сжимаю ее руку. — Но все это время ты будешь в безопасности. Ты понимаешь, о чем я говорю, mishka?

Ася ловит мой взгляд, и на мгновение меня поражает доверие, которое я вижу в его глубине. Роман доверил мне свои клубы, когда поручил мне управлять ими. Но еще никто не доверял мне свою жизнь. Чувство безопасности — одна из самых основных человеческих потребностей, и Ася мне доверилась.

— Хочешь взять машину или прогуляемся пешком? — спрашиваю я. — Магазин всего в двух кварталах отсюда.

Ася смотрит на меня, поджав губы. Похоже, ей все еще трудно самой принимать решения, но она идет на поправку. Сегодня утром она открыла холодильник и достала молоко, чтобы приготовить хлопья на завтрак, наверное, сделала это, не задумываясь. До сегодняшнего дня она просто открывала холодильник и смотрела внутрь, пока я не приходил и не выбирал для нее молоко. Я бы ни за что в этом не признался, потому что это безусловно эгоистично, но втайне мне это нравится.

Я никогда ни в ком не нуждался или, лучше сказать, никогда не позволял себе в ком-то нуждаться. И никто никогда не нуждался во мне. До сих пор это понятие было для меня совершенно чуждым. Сама мысль о том, что я нужен Асе, питает тоску, которой я раньше не мог дать названия.

Мы по-прежнему спим в одной постели. Первые несколько ночей думал о возможности перебраться в другую спальню, но видел страх в глазах Аси, когда пытался уйти и снова ложился рядом с ней. В какой-то момент я перестал пытаться. Мне нравится, как она прижимается ко мне, когда просыпается от кошмара, как будто близости со мной

достаточно, чтобы прогнать чудовищ.

— Тогда мы прогуляемся пешочком, — говорю я и выхожу из комнаты, а Ася идет следом, крепко сжимая мою руку.

* * *

Мы единственные покупатели в небольшом бутике, который я выбрал. Я заранее позвонил владельцу и попросил его проследить, чтобы никого не пускали в бутик, пока мы не закончим. Также попросил, чтобы вышли все сотрудники магазина, кроме одной работницы кассы, которой тоже было сказано не покидать своего места.

Ася останавливается посреди магазина и оглядывается по сторонам, пробегая глазами по длинным стеллажам с одеждой и полкам с обувью. Она все рассматривает, глубоко вдыхает и сжимает мою руку.

— Давай начнем с нижнего белья, — предлагаю я и веду Асю в дальний угол магазина.

Ася рассматривает выставленные вещи, но ничего не берет. Ее взгляд блуждает по нижнему белью, задерживаясь на одних вещах на несколько секунд дольше, чем на других. Обычно ее внимание привлекают яркие цвета. Белые вещи она пропускает, как будто их и нет.

Я внимательно слежу на ней, пока она рассматривает выставленное нижнее белье, и запоминаю каждый предмет, на котором ее взгляд задерживается на долю секунды дольше, чем на остальных. После того как она закончила разглядывать витрины, я беру самый маленький размер каждой вещи, которая привлекла ее внимание.

— Все в порядке? — Вижу, что Ася наблюдает за мной. Ее глаза наполнены непролитыми слезами. Я провожу тыльной стороной ладони по ее щеке, затем киваю в сторону вешалки слева от меня. — Давайте займемся рубашками.

Мы повторяем процедуру во всех отделах магазина, и поскольку мои руки в итоге оказываются заняты одеждой, Ася начинает держать рукав моей куртки. Когда мы добираемся до раздевалки, я захожу в кабинку и кладу ворох одежды, а также желтое пальто, на которое Ася смотрела почти минуту, и две пары обуви на скамейку у зеркала.

— Можешь отпустить мою куртку и все примерить, — говорю я.

Она кивает, но не отпускает мой рукав.

Я достаю первую рубашку из стопки и предлагаю ей.

— Ты в безопасности, mishka. Пока я здесь, тебя никто не тронет.

Уголки губ Аси чуть приподнимаются, и она медленно опускает руку.

На примерку всех вещей у нее уходит более получаса, и лишь несколько вещей оказываются слишком большими. Я собираю одежду, которая подходит, в одну руку, и, взяв руку Аси в другую, мы выходим из примерочной. Когда расплачиваюсь на кассе, позади нас раздается звон колокольчиков над дверью. Я оборачиваюсь и вижу, как в магазин заходит пожилой мужчина в сером костюме.

— Господин Морозов! — улыбается он, направляясь к нам. — Надеюсь, ваши покупки прошли без проблем?

Ася напрягается, судорожно сжимая мою руку. Я опускаю взгляд на нее и вижу, что она с ужасом в глазах смотрит на управляющего бутиком.

— Иди сюда, детка, — зову я, обнимая ее за талию. Она подпрыгивает и плотно обхватывает меня руками и ногами в знакомой позе.

— Вам все понравилось? — продолжает тараторить этот идиот, приближаясь к нам. — Я специально...

Я хватаю управляющего магазином за воротник рубашки свободной рукой, а другой поддерживаю Асю. Рывком разворачиваю его и прижимаю к бетонному столбу рядом с кассой.

— Что я тебе, твою мать, говорил? — рывкаю ему в лицо.

— Я... я... пожалуйста!

— Я сказал, что только один человек, женщина, может находиться здесь, пока мы не уйдем. — Я снова пихаю его в столб, потом еще раз, для убедительности. — Ты что, на хрен, женщина?

— Нет... пожалуйста...

— Нет. Ты не женщина! — огрызаюсь я.

В мои волосы запускают пальцы, перебирая пряди. Один раз. Второй. Я слегка поворачиваю голову в сторону, и моя щека прижимается к щеке Аси.

— Он не со зла, — шепчет она рядом с моим ухом.

— Благими намерениями вымощена дорога в ад, — говорю я. — Слышала такое выражение?

— Да. — Она снова гладит меня по волосам. — Она одновременно и верная, и идиотская. Отпусти человека.

— Никто не может напугать тебя и уйти безнаказанным. — Я отпускаю рубашку управляющего магазина и наношу ему удар наотмашь, после чего поворачиваюсь к прилавку, чтобы забрать наши сумки.

Я выхожу из магазина с Асей на руках и несу ее два квартала до своего дома. Проходящие мимо нас пешеходы бросают ошарашенные взгляды в нашу сторону, но быстро отворачиваются, увидев на моем лице сердитый оскал. После того как мы вышли из бутика, напряжение Аси ослабло, но она продолжает прижиматься лицом к моей шее, изо всех сил цепляясь за меня руками и ногами. Тупой ублюдок, нужно было просто свернуть ему шею за то, что он ее напугал. Я все еще так чертовски зол, что едва сдерживаю желание вернуться и закончить дело.

Добравшись до дома, я даже не киваю охраннику в холле, а сразу иду к лифту и локтем нажимаю на кнопку третьего этажа. Как только мы оказываемся у меня дома, бросаю сумки на пол и иду в гостиную. Ася все еще прижимается ко мне, когда сажусь на диван.

— Mishka, можешь отпустить, — говорю и глажу ее по волосам.

Она качает головой и еще сильнее вжимается лицом мне в шею. Ася тихонько вздыхает, и тут я чувствую что-то влажное на своей коже.

— Пожалуйста, не плачь, детка.

Глубоко вздохнув, Ася отстраняется и смотрит на меня. По ее щекам текут слезы, глаза красные и опухшие. Но она не плачет. Она до чертиков злая.

— Как же мне все это надоело, — говорит Ася сквозь зубы и хватается за грудки мою куртку. — Чет возьми. Как. Надоело.

— Я знаю.

Она отпускает мою куртку и берет мое лицо в ладони, глядя мне в глаза.

— Я хочу пойти в торговый центр.

Мы смотрим друг другу в глаза. Мне кажется, что я могу утонуть в темной глубине ее глаз, и это мешает здраво мыслить.

— Не думаю, что это хорошая идея, Ася.

— Я не могу так жить! Испытывать панику из-за самых простых вещей. Прятаться здесь,

у тебя. — Она переводит руки на мой затылок, перебирая пряди между пальцами. — Я хочу жить дальше. Я хочу снова стать собой.

Последнее предложение она произносит едва слышно. Большим пальцем я стираю слезы с ее щек.

— Хорошо.

Ася кивает и опускает взгляд к моим губам. Она все еще перебирает мои волосы. Я наблюдаю, как она делает глубокий вдох и наклоняется вперед. Она собирается меня поцеловать. Боже, я уже несколько дней думаю о том, чтобы поцеловать ее, и ненавижу себя за то, что эта мысль засела у меня в голове. Ася слишком молода, и ей причинили ужасную боль. Позволить ей поцеловать себя было бы не лучше, чем приставать к травмированной девушке.

— Ася, — шепчу я. — Пожалуйста, не надо, детка.

АСЯ

Я замираю, услышав слова Паши. Поднимаю голову и вижу, что он смотрит на меня с тревогой. Всего пара дюймов отделяет меня от его губ. Если потороплюсь, то смогу украсть один быстрый поцелуй, даже если он этого не захочет.

Но как только эта мысль приходит мне в голову, за ней следует другая. Нет, я знаю, каково это, когда у тебя что-то отнимают против твоей воли. И не могу так с ним поступить.

— Почему? — спрашиваю я. — Тебе не нужна подпорченная девка, в этом дело?

Паша удивленно вскидывает глаза и в следующее мгновение хватает меня за подбородок.

— Никогда больше так не говори, — шипит он сквозь зубы. — Никогда.

— Тогда почему, Паша? Неужели так плохо, что я хочу тебя поцеловать? — Я опираюсь на его руку, намереваясь сократить расстояние между нами, но он не дает мне этого сделать.

Он молчит, только смотрит на меня, тяжело дыша через нос. Интересно, он осознает, что, пока держит меня на расстоянии левой руки, то правой продолжает поглаживать меня по попке? Я вздыхаю и выпрямляюсь, отпустив его волосы.

В его кармане звонит телефон. Он достает его и прижимает к уху. Я различаю слабый голос на другом конце. Голос мужской, взволнованный, но не могу понять, о чем идет речь, потому что он говорит по-русски.

— Я приеду, — отвечает Паша по-английски и кладёт трубку.

— Тебе надо на работу?

— Да. Я отвечаю за клубы Братвы. Вернусь через пару часов, — обещает он. — С тобой все будет в порядке?

Я не хочу, чтобы он уходил, но все равно киваю.

— Я заказал продукты, их оставят у входной двери. Если ты устала от готовки, я закажу для тебя что-нибудь в ресторане напротив. — Он проводит кончиком пальца по моему подбородку. — Но если ты хочешь приготовить что-нибудь на ужин и не можешь решить, что именно, то на тумбочке в спальне стоит ноутбук. Набери в Гугле «быстрые блюда» и выбери первое, которое ты умеешь готовить. Хорошо?

Я снова киваю. Он не отпускает мой подбородок. Вместо этого проводит пальцами по моей скуле до затылка, где зарывается в мои волосы.

— Я освободил комод в спальне, ты можешь положить туда свою новую одежду.

Значит, он заметил, что я испугалась, когда увидела костюмы в его шкафу.

— Тебе обязательно нужно уходить?

— Я ненадолго. — Он смотрит на часы на стене.

— Мне нужно просмотреть кое-какие документы с Костей до того, как клуб откроется в десять. Я вернусь к десяти тридцати.

— А ты можешь снять часы?

Паша взирает на меня снизу вверх, и я вижу в его глазах вопрос.

— У меня близорукость, — говорю я.

Его рука, лежащая на моем затылке, возвращается к подбородку и поднимает мою голову вверх.

— Почему ты мне не сказала?

Я пожимаю плечами.

— Ты носишь очки или контактные линзы?

— Очки. Контактные линзы раздражают глаза.

Он проводит ладонью вверх по моему лицу, затем большими пальцами по бровям и по чувствительной коже под глазами.

— Завтра мы купим тебе очки, когда пойдем в торговый центр.

Он отпускает мое лицо и снимает наручные часы. — Эти подойдут? — спрашивает он.

Я смотрю на дорогие золотые часы, которые он вложил мне в руку. Они все еще теплые от его кожи.

— Да, — лепечу я.

— Хорошо. — Он кивает. — Прими душ. У тебя три комплекта пижам — они все одинаковые, так что тебе не придется выбирать. Убери свою новую одежду. Поешь. Жди меня. В постели, а не на полу перед дверью.

Я встаю с его колен и смотрю, как он уходит, затем иду в ванную, чтобы принять душ.

* * *

Я сжимаю в руке наручные часы. Половина одиннадцатого. Я сижу в постели уже два с половиной часа, смотрю на эту штуку, и с каждой минутой паника во мне нарастает.

В течение часа я сделала все, что велел Паша, в том числе приготовила ризотто с курицей. Это было первое блюдо, которое появилось в моем поисковике Гугл. Обычно дома я занималась готовкой. Я очень люблю готовить, практически все блюда, кроме морепродуктов. Скользкие на ощупь они всегда вызывали у меня неприязнь, поэтому за них отвечал Артуро. Мой брат — замечательный повар, и именно он научил меня всему. Он пытался научить и Сиенну, но сестра все сжигала. Думаю, у нее не получалось одновременно и готовить, и выкладывать десятки фотографий в социальные сети.

Я снова смотрю на часы. Без двадцати полночь. Где он?

Три часа назад

ПАВЕЛ

Все смотрят на меня. Два охранника у черного входа в клуб. Уборщица. Бармен. Я не обращаю на них внимания и поднимаюсь по узкой лестнице, ведущей на галерею, где расположены наши административные помещения, выходящие на танцпол.

Прохожу мимо комнаты, где двое охранников сгорбились перед экранами, просматривая записи с камер, и захожу в свой кабинет. Костя сидит за моим столом, глядит в монитор и сердито щелкает мышкой. Весь стол завален бумагами. Сбоку стоят две пустые кофейные чашки и недоеденный бутерброд с раскиданными повсюду крошками.

— Ну и насвинячил ты тут. — Я качаю головой.

— Ты выбрал самое неудачное время для отпуска, — бормочет он и продолжает нажимать на мышку. — Нужно продлить контракты с поставщиками алкоголя. Две официантки заболели, а еще одна уходит в декрет. Система видеонаблюдения вчера дважды давала сбой. Я забыл сделать заказ... — Он поднимает глаза и осматривает меня с ног до головы. — Кто ты такой и что ты сделал с Павликом?

Я киваю в сторону беспорядка на столе.

— Приберись здесь, чтобы я мог сесть и проверить, что ты еще испортил.

— Джинсы? Да ну? И толстовка? — поднимает он брови, а потом взрывается смехом. — Паша, голубчик, у тебя все нормально?

— Ха-ха, ты такой забавный. Вставай.

— Юрий звонил, — говорит он и собирает чашки. — Они нашли того, кто поставлял таблетки. Он его сюда везет.

— Хорошо. — Я сажусь и перебираю договоры, разбросанные по столу. На некоторых из них видны круглые коричневые пятна. — Подожди их внизу и отведи парня в заднюю комнату, когда они придут.

— Хорошо. Уверен, что не хочешь, чтобы я вызвал врача и проверил твою голову?

— Костя, отвали.

Я уже почти покончил с беспорядком, который устроил Костя, когда внизу раздается выстрел. Схватив из ящика свое оружие, я бросаюсь в комнату наблюдения.

— Что происходит? — кричу я.

— Юрий и двое солдат пришли две минуты назад, таща за собой какого-то парня. Вслед за ними приехали эти машины, — говорит охранник и показывает на экран, где видна подворотня. Две машины с тонированными стеклами припаркованы за углом. — Восемь человек вышли, убили охранников и вошли в клуб.

— Позвони Дмитрию. Скажи ему, что нам нужно подкрепление и врач. Потом спускайся вниз. Сейчас же! — Я бросаюсь к двери, а внизу продолжают выстрелы.

Танцпол залит кровью. Трое нападающих лежат в центре, а в двух шагах от них лицом вниз лежит мертвый официант. В другом конце зала лежат еще два тела, видимо, солдат, приехавших с Юрием. Костя присел за барной стойкой и стреляет в двух мужчин у входа. Я

прицеливаюсь в первого и стреляю ему в голову. Второй поворачивается в мою сторону, но падает, когда пуля Кости попадает ему в шею.

— Остальные? — кричу я, сбегая по лестнице.

— Они зашли сзади. — Костя перепрыгивает через барную стойку и устремляется в коридор, ведущий к складу. — Юрий там один!

Я не слышу выстрелов, пока бегу за Костей. Ничего хорошего. Костя поворачивает налево, я следую за ним. Мы одновременно врываемся в подсобку с поднятым оружием.

Один неприятель лежит лицом вниз на полу возле металлического шкафа, в котором хранятся моющие средства. Справа — еще двое. Один явно мертв, во лбу у него дыра. На стене над ним — большое красное пятно. Тот, что рядом с ним, еще жив, но ранен в бедро и плечо. Я подхожу к нему и забираю его пистолет и пистолет его товарища. Еще один мужчина в брюках-карго и клетчатой рубашке лежит на полу, в спине у него несколько огнестрельных ранений. Его руки связаны. Вероятно, это тот, кто поставлял наркотики.

— Юрий! — кричит Костя где-то позади меня. Я оборачиваюсь, и по телу пробегает холодок.

Юрий сидит на полу, привалившись спиной к стене. Все тело в крови. Я бросаюсь на колени рядом с Костей, который срывает с себя футболку и прижимает ее к ране на животе Юрия. Я тоже снимаю с себя толстовку, сворачиваю ее и прижимаю к другой ране в середине груди Юрия. Белая рубашка Кости над животом Юрия уже пропиталась, и кровь просачивается сквозь пальцы.

— Где, на хрен, док! — рявкаю я и хватаю Юрия за шею. — Юрий! Открой глаза!

Его глаза медленно открываются, но взгляд расфокусирован.

— Оставайся с нами! Юрий! Док уже идет, — кричу я.

Он пытается что-то сказать мне, но слишком слабо.

— Не надо. — Я сжимаю его шею. — Поговорим, когда доктор тебя подлатает.

Рядом со мной Костя достает телефон и набирает номер. Боже, сколько крови. Я тщательно обшариваю ладонями грудь и бока Юрия и нахожу еще одну рану над бедром.

— Черт! — Я судорожно снимаю с себя футболку, прижимая ее к ране. — Юрий, нет. Не закрывай глаза. Оставайся с нами.

Он неровно дышит, поднимает руку и хватается меня за плечо, притягивая к себе.

— Албанцы, — хрипит он рядом с моим ухом, затем кашляет. — Я слышал, как они... говорили друг с другом.

Хватка на моей руке ослабевает, и рука Юрия безвольно падает на пол. Его темно-синие глаза смотрят на меня стеклянным, невидящим взглядом. Из уголков рта стекают две струйки крови.

— Юрий! — кричу ему в лицо. — Не смей умирать у меня на руках! Юрий!

— Паша, — говорит Костя. — Он умер.

Нет! Юрий — тот, кто дал мне единственную семью, которую я когда-либо знал — Братву. Он не может умереть!

— Юрий! — Я трясусь его.

— Павел, хватит, — раздается за спиной грубый голос, и я поднимаю голову, чтобы увидеть стоящего там доктора.

— Ты опоздал! — кричу на дока.

— Его бы никто не смог спасти, — отвечает док, кивая на пол. — Он потерял слишком много крови.

Я медленно укладываю Юрия, встаю и иду в противоположный конец комнаты. Схватив единственного живого албанца за шею, я со всей силы бью его по лицу.

— Зачем? — спрашиваю я и снова бью его. — Зачем вы пришли сюда?

— Чтобы избавиться... от Дэвиса, — бормочет он.

Я снова бью его в лицо. И еще раз.

— Паша! Хватит!

Я не обращаю внимания на крики Кости и продолжаю бить ублюдка, пока запах крови не врывается в мои ноздри. Кто-то пытается меня оттащить, но я отпихиваю его и продолжаю колотить кулаками по лицу албанца, пока от него не остается только кроваво-красное месиво.

Закончив, бросаю тело на пол и направляюсь к одному из шкафов. Достаяю две белые льняные скатерти и несую их к тому месту, где док стоит на коленях рядом с телом Юрия. Одной из них вытираю кровь с лица моего друга, затем закрываю ему глаза и осторожно накрываю его чистым полотном.

— Prashchay, bratan, — говорю я, затем иду к двери, пропуская по пути Костю.

— Господи, мать твою, — бормочет Костя, глядя на тело человека, которого я убил голыми руками. — Меня сейчас стошнит.

Вернувшись в свой кабинет, я достаю из мини-бара водку и делаю большой глоток прямо из бутылки. На вкус она еще ужаснее, чем я помню. Сажусь в кресло, стоящее у мини-бара, и делаю еще один глоток. Я не помню, когда в последний раз напивался.

Внизу кто-то кричит. Похоже, приехал Роман. Я поднимаю бутылку и снова пью. Пять минут спустя еще шум — что-то ломается. Звук такой, как будто кто-то разбрасывает мебель. Опять крики.

— Дмитрий! — Роман кричит. — Звони Ангелине. Сейчас же!

Похоже, что и Серега здесь. Я встаю, беру в руки бутылку и иду к стеклянной стене, чтобы посмотреть на происходящее внизу. Сергей стоит посреди танцпола, сжимая в руке сломанный барный стул. Роман напротив него, протянул ладонь к брату и что-то говорит Сергею, который выглядит так, будто в любую секунду собирается разбить табуретку о голову Романа. Дмитрий подходит к ним сбоку, держа в вытянутой руке телефон. Сергей поворачивает голову в сторону телефона. Стул падает на пол. Сергей выхватывает телефон из рук Дмитрия, прижимает его к уху и несколько мгновений слушает. Затем бросает телефон обратно Дмитрию и уходит.

Наверное, мне надо задержаться и узнать, нужна ли им моя помощь, но мне трудно смириться с мыслью... что Юрия больше нет. Его взгляд, устремленный на меня в последние секунды его жизни, будет преследовать меня до конца моих дней. Я качаю головой и иду к пожарной лестнице.

У запасного выхода застаю Костю, прислонившегося к стене.

Он смотрит на меня, потом на бутылку в моей руке.

— С каких пор ты пьешь алкоголь? — спрашивает он.

— С сегодняшнего дня. — Я указываю головой в сторону его машины. — Меня нужно подвезти.

Мы молча едем полчаса до моего дома, оба смотрим вперед на дорогу перед собой. Снова пошел снег, и я заикнулся на белых хлопьях, падающих с неба. Наверное, я тоже больше не люблю снег.

Я закрываю глаза, откидываюсь на спинку сиденья и делаю очередной большой глоток

АСЯ

Дверь с грохотом распахивается, и я с облегчением выдыхаю. Паша вернулся. Спустя мгновение что-то разбивается об пол.

— Паша? — окликаю я.

Проходит несколько секунд тишины, и я слышу его голос.

— Это я mishka. — голос у него какой-то странный и подавленный.

Я жду, что он войдет в спальню, но он не заходит. Я смотрю на открытую дверь. Затем раздается звук бьющегося стекла и удар.

— Паша?

Тишина в ответ.

Я волнуюсь. Что-то случилось. Откидываю одеяло, собираюсь идти искать его, но не могу заставить себя двигаться. Он сказал ждать его в постели. Я должна здесь ждать? Или пойти и посмотреть, что случилось?

Я не могу выбрать.

— Паша? — снова зову. Не отвечает.

У меня начинают дрожать руки. Случилось что-то плохое. Я знаю это, потому что это так на него не похоже. Я придвигаюсь к краю кровати, и дрожь в руках усиливается, а тошнота подкатывает к горлу. От одной мысли о том, чтобы покинуть кровать, мне хочется плакать. Вцепившись пальцами в простыню, сжимаю ее и пытаюсь сглотнуть желчь. Затем с бешеной скоростью несусь через спальню, ударяясь локтем о дверной проем. Я неправильно рассчитала расстояние. Не обращая внимания на боль, я врываюсь в гостиную.

— Паша?

Лампа в углу освещает комнату тусклым, похожим на полумрак светом. Дверь открыта нараспашку. Узкий столик у двери, на котором Паша оставляет ключи, валяется на полу опрокинутым. Паши нигде не видно.

Я иду к перевернутому столику и чувствую под ногами что-то мокрое и липкое на полу. Знаю, что рядом находится выключатель, и начинаю ощупывать стену ладонью. При нехватке света я вижу хуже. И выключатель, и стена белые, поэтому его трудно обнаружить. Найдя его, я включаю свет и осматриваюсь.

Паша сидит на полу в кухне, прислонившись спиной к дверце духовки. Глаза у него закрыты. Повсюду рассыпаны осколки стекла, в воздухе витает запах алкоголя.

— Паша?

Он открывает глаза и качает головой в сторону, глядя на меня.

— Извини, я опоздал.

Стараясь не наступить на стекло, я пересекаю кухню и приседаю между его ног. Паша совсем на себя не похож. Волосы в беспорядке, в одних джинсах. На голой груди у него брызги, похожие на засохшую кровь. И не сомневаюсь, что он пьян. Я беру его лицо в свои ладони.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Он закрывает глаза и наклоняется вперед, касаясь лбом моего лба.

— Сегодня умер один человек, mishka, — шепчет он.

Я провожу руками по его темно-русые волосам. Одна из прядей все время падает вперед, на глаз.

— Кто? — Я пытаюсь убрать эту прядь, но она снова падает ему на лицо.

— Юрий. Один из силовиков Братвы. Друг.

— Что случилось?

— Три недели назад мы поймали парня, который торговал наркотиками — таблетками — в нашем клубе. В них было то же вещество, что и в твоей крови. Юрий нашел человека, который поставлял таблетки, и привел его в клуб для допроса.

— Ты получил ответы?

— Нет. Группа мужчин последовала за ними и ворвалась внутрь, открыв стрельбу. Они убили пятерых наших людей, а потом пошли в подсобку, где Юрий был с пленником. — Он покачал головой. — Убили их обоих.

— Мне так жаль, — шепчу я и целую его в лоб. — Мне очень жаль.

Он смотрит на меня, наши глаза так близко, и когда встречаюсь с его взглядом, мое сердце трепещет. Такое ощущение, что в груди запорхала бабочка. Я хочу поцеловать его или утешить любым способом. Так, как он сделал это для меня. Но не знаю, захочет ли он этого. Поэтому просто провожу тыльной стороной пальцев по его щеке.

— Пошли спать, Паша.

Он делает глубокий вдох и медленно поднимается, увлекая меня за собой. Когда мы оба стоим, он смотрит на пол кухни, усыпанный осколками стекла.

— Черт. Пожалуйста, скажи, что ты не порезалась.

— Я в порядке. Пойдем.

Взгляд Паши падает на мои босые ноги.

— Встань мне на ноги.

— Зачем?

— Мне кажется, неразумно нести тебя на руках, пока я в таком состоянии, mishka.

Я хочу сказать, что смогу вернуться сама, но передумываю. Обхватив Пашу за талию, я наступаю правой ногой на его ботинок, затем левой. Он скользит рукой по моей спине и притягивает ближе.

— Мы пойдем медленно, — говорит он. — Держись крепче.

— Хорошо, — бормочу я и прижимаюсь щекой к его груди. Скорее всего, лицо у меня перепачкается в крови, но мне все равно.

Паша хватается свободной рукой за край стола и делает шаг вперед. Потом еще один. Я прижимаюсь к его телу, пока он идет через кухню. С каждым шагом под подошвами его ботинок хрустят осколки стекла. Когда мы доходим до гостиной, он упирается ладонью в стену и смотрит на меня сверху вниз. На таком расстоянии от кухни стекла нет, но я не убираю свои ноги с его ног. Вместо этого крепче сжимаю его талию. Между нами что-то происходит, как будто обмен без слов. Он молча говорит мне, что могу отпустить его, но я отвечаю, что не отпущу, даже если уже держаться не нужно. Паша кивает, как бы подтверждая мой невысказанный ответ, и продолжает вести нас до самой спальни.

Когда мы доходим до кровати, я отпускаю его талию и залезаю под одеяло. Придерживая уголок одеяла, похлопываю по подушке рядом со своей головой. Паша несколько мгновений наблюдает за мной, затем снимает ботинки и ложится под одеяло рядом.

— Расскажи мне о своем друге, — прошу я и прижимаюсь к его боку. — Каким он был?

— Я познакомился с Юрием десять лет назад. Он пришел на один из моих боев. После окончания поединка Юрий подошел ко мне и спросил, не хочу ли я направить свои силы и умения куда-нибудь еще.

— Бои? — спрашиваю я.

Пауза затянулась почти на минуту.

— До того, как я вступил в Братву, я зарабатывал деньги, участвуя в подпольных боях, — наконец говорит он. Я не вижу его лица, но голос у него резковатый. Возможно, боится, что я стану думать о нем плохо из-за того, как он зарабатывал на жизнь?

Я кладу руку на его грудь и зарываюсь лицом в его шею.

— Юрий завербовал тебя в Братву?

— Да. Юрий отвечал за солдат. Три года спустя, когда парень, который управлял клубами, был убит, пахан повысил меня в должности, сказав, что мои костюмы-тройки заставляют других солдат нервничать. Но Юрий всегда находился рядом и уговаривал меня пойти с ребятами. Говорил, что мне надо раскрепоститься.

— И что? Последовал его совету?

— Нет. Я не очень люблю людей, misha.

Да. У меня тоже сложилось такое впечатление. Я запускаю пальцы в волосы на его затылке. На ум приходит мелодия. «The Rain Must Fall» Yanni. Медленная и грустная. Умиротворяющая. Я напеваю эту мелодию, проводя пальцами по волосам Паши.

— Почему ты разрешил мне остаться? — спрашиваю я.

Паша вздыхает и упирается подбородком в мою макушку.

— Я не знаю. Почему ты захотела остаться?

Я задаю себе этот вопрос уже несколько недель.

— Я тоже не знаю.

Впереди показалась дверь лифта, и я отчаянно пытаюсь сдержать нарастающую во мне панику. Безуспешно.

— Не отпускай мою руку, — шепчу я, и желчь подкатывает к горлу.

— Не отпущу, — обещает Паша рядом со мной.

Раздается сигнал, что мы добрались до первого этажа торгового центра. Двери открываются. Увидев суетящихся вокруг людей, я делаю быстрый шаг назад. Паша отводит руку в сторону и нажимает на кнопку, чтобы закрыть дверь.

— Ты сможешь, mishka, — говорит он. — Но если ты не готова, попробуем на следующей неделе.

Нет, я не готова. И вряд ли когда-нибудь буду готова. Но я все равно это сделаю. И сделаю сегодня.

— Открой дверь, пожалуйста, — сдавленно произношу я и сжимаю Пашину руку.

Первая минута самая страшная. Время еще раннее, и в торговом центре не так много народу, но все равно мне кажется, будто я задохнусь, просто находясь здесь. Увидеть людей в столь замкнутом пространстве, услышать их голоса, взгляды — все кажется непомерным. Паша сжимает мою руку в ответ и делает шаг вперед.

Кто-то смеется. Люди далеко, в коридоре, но кажется, что они совсем рядом со мной. Топот ног по полу и чья-то болтовня эхом отдается в ушах. Я закрываю глаза и задерживаю дыхание. Чувствую легкое прикосновение к лицу — это Паша проводит кончиком пальца по щеке. Я делаю еще один вдох и открываю глаза. Паша стоит передо мной, закрывая своим телом от толпы.

— Все хорошо, детка, — говорит он. — Никто не сможет причинить тебе вреда, когда я рядом. Просто смотри мне в глаза.

Он кладет руку мне на шею и делает шаг назад, увлекая меня за собой. Не сводя с него взгляда, я иду вперед. На его губах появляется легкая улыбка. Он делает еще шаг, потом еще один. Я следую за ним. Я все еще слышу людей, но эти звуки уже не так сильно меня беспокоят, потому что все мое внимание сосредоточено на человеке, стоящем передо мной.

Вряд ли кто-то назовет Пашу красивым. У него слишком суровые черты лица. Правую бровь пересекает тонкий шрам. Нос слишком большой и немного искривлен. Он не похож на мужчину, с которым захочешь пойти на свидание, а скорее на человека, которого захочешь иметь рядом с собой, когда идешь по темному переулку. Хотя, если бы меня спросили, как должен выглядеть идеальный мужчина, я бы указала на того, кто стоит передо мной.

Еще два шага. Я иду в ногу с ним. Краем глаза вижу, как люди с удивлением смотрят в нашу сторону. Еще несколько шагов, и Паша останавливается.

— Пришли. — Паша кивает в сторону магазина справа.

Я бросаю быстрый взгляд в сторону. Это салон оптики.

— Хочешь зайти сейчас или лучше позже? — спрашивает он.

— Сейчас. — Я киваю, делаю еще шаг к нему и прижимаюсь к нему лицом.

Он скользит рукой от моей шеи к волосам, и я чувствую, как тепло его тела

просачивается в мое. Я хочу большего, мне нужно больше. Поднимаю ладонь и прижимаю ее к сердцу. Мимо нас проходят люди, кто-то ворчит, что мы мешаем, но никто из нас не двигается. Паша слегка наклоняет голову, и я задерживаю дыхание, гадая, поцелует ли он меня. Но он не целует. Вместо этого отпускает мои волосы и отходит.

— Пойдем, подберем тебе очки, — говорит он и идет в сторону салона.

* * *

Я стою рядом с Пашей, пока он называет продавцу свой адрес, чтобы тот мог доставить мне новые очки, как только они будут готовы, когда в магазин заходит мужчина и подходит к стеллажу с солнцезащитными очками. Он прижимает к уху телефон, с кем-то разговаривает. Я окидываю взглядом его брюки и белую рубашку и останавливаюсь на ярко-красном галстуке. Я должна отвернуться. Отвернуться и сосредоточиться на чем-то другом. Но не могу. Такое ощущение, что мои глаза приклеились к красной ткани на его шее. Галстук, который использовал на мне клиент, тоже был красным. Я до боли прикусываю нижнюю губу и сжимаю Пашину руку.

— Mishka? Что случилось?

Я закрываю глаза, пытаюсь подавить воспоминания, как меня вдавливают в матрас, а я отчаянно цепляюсь за галстук на своей шее. Дыхание учащается, становится более поверхностным. Я не могу вдохнуть. Такое ощущение, что я задыхаюсь.

— Ася? — Паша обхватывает меня за талию и поворачивается, проследив за моим взглядом. Парень в галстуке все еще стоит возле стеллажа с солнцезащитными очками, просматривая витрину.

— Подожди здесь, детка, — говорит Паша мне на ухо и, отпустив мою руку, идет к мужчине.

Я думала, что он попросит его уйти. Но Паша хватается за рубашку и толкает к двери. Мужчина вырывается, кричит. Паша не обращает на него внимания, выкручивает ему руку за спину и продолжает толкать к выходу. Сотрудница магазина за моей спиной вскрикивает и хватается за телефон, видимо, чтобы вызвать охрану. Я сжимаю руки в кулаки, ненавидя себя за слабость, затем делаю глубокий вдох и выхожу из магазина к Паше, который все еще держит парня за рубашку.

— Паша, — шепчу я и рукой охватываю его предплечье. — Пожалуйста.

Он смотрит на меня сверху вниз, отпускает парня и его отталкивает. Тот спотыкается, потом оборачивается, выкрикивая нецензурные слова в нашу сторону. Паша делает шаг к нему, но я крепче сжимаю его руку.

— Пожалуйста, не надо, — прошу я. — Давай вернемся.

Он еще несколько секунд смотрит на мужчину в галстуке, потом берет мою руку в свою и ведет нас по коридору к лифтам.

Когда мы проходим мимо ресторана, мой взгляд падает на небольшой предмет, стоящий на возвышении за входом в заведение. Я останавливаюсь на месте, ноги словно прилипли к земле, и пристально гляжу на инструмент.

ПАВЕЛ

Я смотрю на то, что привлекло внимание Аси, — это пианино, стоящее у стены. Один из миниатюрных вариантов — детский рояль из белого дерева. Крышка открыта, на

маленькой подставке над клавишами лежат несколько нотных листов. Место на скамейке перед ним не занято.

Ася делает неуверенный шаг к помосту и на секунду замирает. В следующее мгновение она уже мчится вперед, увлекая меня за собой. Достигнув рояля, она отпускает мою руку и забирается на скамейку перед инструментом. Она сидит так не менее пяти минут, не отрывая глаз от клавиш. Я стою рядом, повернувшись так, чтобы не спускать с нее глаз и в то же время видеть окружающую обстановку — на случай, если кому-то придет в голову глупая мысль подойти и попросить ее уйти. Один из официантов поднимает глаза и делает шаг в нашу сторону. Я скрещиваю руки и поворачиваюсь к нему, бросая ему вызов взглядом чтобы тот попробовал что-либо сказать. Мужчина оценивает меня, но быстро возвращается к своему занятию. Молодец.

За спиной раздается одинокая низкая нота. За ней следует другая. Несколько секунд тишины, а затем начинается мелодия. Я замираю на месте, когда в медленном темпе разворачивается комбинация низких тонов. Мелодия кажется знакомой. Это популярное классическое произведение, но я не могу вспомнить, какое именно. Я хочу повернуться и посмотреть, как Ася играет, но боюсь, что это ее отвлечет. Вместо этого стою на страже, наблюдая за людьми, сидящими за столиками вокруг нас. Все они прекратили свои занятия, бросили еду и смотрят в сторону Аси. Мелодия заканчивается, но она продолжает другую. Я ее знаю. Это «Полет шмеля». Она играет невероятно быстро. Даже непрофессионалу ясно что она не дилетант.

Я не могу больше бороться с желанием. Слишком сильно хочется посмотреть, как Ася играет, поэтому поворачиваюсь к ней. Пусть на ней обычные голубые джинсы и темная блузка, но ощущение такое, будто нахожусь в чертовом концертном зале и наблюдаю за выступлением выдающейся пианистки. То, как она держится, как изящно летают ее руки по клавишам, как уверенно держит осанку — все это поражает. Но больше всего меня поражает выражение ее лица. Радость. Воодушевление. Счастье. Она улыбается так широко, что создается впечатление, будто она вся светится. Я не могу пошевелиться. С трудом дышу. Словно вижу ее впервые. Нет ничего общего между этой маэстро и той испуганной девчонкой, которую я забрал к себе, той, которая до сих пор ходит за мной по квартире, вцепившись в подол моей рубашки.

В душе закипает ярость при мысли о том, что эту ее частичку смогли погасить. Я заставлю заплатить тех, кто сломил ее дух. Кровью.

Ася заканчивает мелодию и поднимает голову, глядя мне в глаза. Вокруг нас раздаются аплодисменты. Люди восклицают, просят продолжения. Она не обращает внимания на шум, медленно поднимается и идет ко мне, не разрывая зрительного контакта.

— Ты не говорила мне, что умеешь играть на пианино. — Я протягиваю руку и убираю несколько прядей с ее лица. Она все еще стоит на платформе, поэтому мы с ней почти одного роста.

Ася пожимает плечами и делает еще шаг вперед, прижимаясь ко мне. Наши лица оказываются в нескольких дюймах друг от друга.

— Откуда был фрагмент? — спрашиваю я. — Тот, который ты играла первым.

— Бетховен. — Она поднимает руку и кончиком пальца проводит по линии моей скулы. — «Лунная соната». Она напоминает мне о тебе.

Свет, падающий из окна справа от нас, освещает ее волосы. На ее губах все еще играет небольшая улыбка. Я борюсь с желанием зарыться руками в ее темные волосы и прижаться к

ее губам.

— Нам пора идти, — говорю я, но не делаю ни шагу, чтобы отвернуться. — Уже почти полдень. Скоро будет многолюдно.

Ася опускает руку с моего лица на рукав пиджака, пока ее пальцы не обхватывают мои. Ее кожа кажется такой мягкой по сравнению с шероховатостью моей ладони.

— Давай завтра придем еще раз? — спрашивает она, заглядывая мне в глаза. — Я скучала по игре.

Как будто я могу ей отказать, когда она так на меня смотрит.

— Конечно, misha.

На ее лице расцветает широкая улыбка, и мне кажется, что я купаюсь в ее тепле. Я хочу еще больше. Больше ее. Я протягиваю руки и кладу их ей на бедра.

— Хочешь запрыгнуть?

Она наклоняет голову в сторону, рассматривая меня.

— Похоже, только что пришла группа бизнесменов, — вру я, а затем киваю в сторону левой части коридора. — Они только что зашли в один из магазинов.

Ася сжимает мою руку и сразу после этого прыгает в мои объятия. Она обхватывает меня за талию ногами и утыкается носом мне в шею. Не обращая внимания на взгляды окружающих, я поворачиваюсь и иду к лифту, поддерживая Асю одной рукой под бедра, а другой обхватывая ее за талию и крепко прижимая к себе.

Я должен испытывать стыд за то, что солгал ей, но нет. Удовлетворение от того, что она прижалась ко мне, пересиливает все угрызения совести. Я знаю, что это эгоистично, но мне все равно.

Ася

В холодильнике стоят два пакета молока. Обычное и обезжиренное. Паша обычно покупает только обычное цельное молоко. Я сжимаю ручку холодильника и смотрю на пакеты, так невинно стоящие на полке. Они издеваются надо мной.

Да черт возьми, это же молоко!

По спине меня поглаживают ладонью.

— Проблемы с молоком?

— Да, — говорю я, глядя на эти чертовы штуки. — В магазине была акция на молоко «два по цене одного»?

— Нет. Я и в этот раз купил обезжиренное, вдруг оно тебе понравится больше, чем другое. — Паша стоит позади меня и касается моего локтя, затем проводит рукой по предплечью, пока ладонью не надавливает на тыльную сторону моей руки. Медленно он поднимает мою руку к полке, где стоят пакеты с молоком. — Какой ты хочешь?

— Я не знаю.

— Конечно, знаешь. — Он двигает мою руку еще немного, пока мои пальцы не касаются верха первого пакета. — Мне никогда не нравилось обезжиренное молоко. На вкус оно почти как вода. А тебе?

— Мне тоже не нравится обезжиренное, — бурчу я, не подумав.

— Вот. Не так уж и сложно. — Он переводит мою руку на другой вариант молока. — Мы выберем это. Можешь приготовить для меня овсяные хлопья.

Он убирает свою руку, и я стою с вытянутой рукой над молоком. Я хватаю его и достаю с полки.

— В прошлый раз, когда мы их ели, ты сказал, что на вкус они как картон.

— Я готов попробовать еще раз.

Я поворачиваюсь к нему и наслаждаюсь тем, что вижу его четко в своих новых очках, нет необходимости щуриться. Возможность разглядеть каждую черточку Пашиного лица превосходит удовольствие от того, что я могу рассмотреть все вокруг в мельчайших подробностях.

На лоб ему упало несколько прядей мокрых волос. Я смахиваю их, но они продолжают падать на глаза.

— Тебе надо подстричься, — говорю я, делая очередную попытку.

Паша качает головой из стороны в сторону, затем выдвигает ящик слева от себя. Не сводя с меня глаз, роется в ящике и достает ножницы, кладет их на стол. Огромные, с белыми пластиковыми ручками. Я использую их для вскрытия упаковок макарон и других вещей.

— Это ножницы для бумаги, — говорю я, уставившись на них.

— Я знаю.

Он хочет, чтобы я подстригла ему волосы. Я перевожу взгляд на его поразительные серые глаза.

— Я никогда никого не стригла, Паша. А вдруг я все испорчу? У тебя нет парикмахера, который мог бы тебя постричь?

— Есть. Но я бы хотел, чтобы это сделала ты, — произносит он и проводит тыльной стороной ладони по моей щеке. — Ты подстрижешь?

Сердце учащенно забилось. Я ставлю молоко на стол и беру ножницы. Паша поворачивается и выходит из кухни. Две минуты спустя он возвращается со стулом в одной руке и моей розовой расческой в другой. Ставит стул посреди кухни и садится спиной ко мне.

Я подхожу к нему на трясущихся ногах, а сердце ускоряется в два раза. Когда оказываюсь у него за спиной, он поднимает руку и протягивает мне расческу. Я прикусываю нижнюю губу, беру расческу и начинаю проводить ею по его темно-русые прядям. Волосы у него не очень длинные, нужно только слегка подстричь на макушке. Однако вместо того, чтобы приступить к стрижке, я продолжаю расчесывать его волосы. Паша не шевелится, но слышу его громкий вдох, когда другой рукой провожу пальцами по прядям. Я приподнимаю несколько длинных волос, отрезаю полдюйма и продолжаю водить пальцами по прядям.

— Мне нужно уйти на несколько часов, — говорит он отрывистым голосом и слегка откидывает голову назад, ближе к моему прикосновению. — На похороны Юрия.

— Хорошо. — Я киваю и снова отрезаю прядь.

— Мне нужно будет надеть костюм. Я переоденусь в другой комнате. Ты можешь остаться в спальне, пока я не уйду.

Я слегка наклоняю голову и вдыхаю его запах, прежде чем переместить руку к следующему участку волос.

— Вы были близки? Ты и твой друг?

Он не сразу отвечает. Когда смотрю на его лицо, вижу, что его глаза закрыты, а губы сжаты в тонкую линию.

— В каком-то смысле, — выдает он наконец.

Я заканчиваю со стрижкой и кладу ножницы и расческу на стойку. Паша по-прежнему сидит с закрытыми глазами. Наклонившись вперед, я упираюсь подбородком в его плечо и касаюсь щекой его щеки.

— Мне очень жаль, что ты потерял друга.

Он проводит рукой по моей щеке.

— Все когда-нибудь уходят, Мишка. Так или иначе, — говорит он, поглаживая большим пальцем мою щеку. — Это вопрос времени.

Затем Паша встает и уходит из кухни, унося с собой стул. В его голосе прозвучала очень странная интонация, когда он произносил последнюю фразу. Как будто он имел в виду не только своего погибшего друга.

Павел

Я ненавижу похороны.

Наверное, как и каждый, но меня они беспокоят на каком-то глубинном уровне. Выражения лиц людей. Печаль. Плач.

Когда начинают опускать гроб с Юрием, и его сестра падает на колени в грязь, я больше не могу этого выносить. Разворачиваюсь и иду в сторону парковки, а за спиной раздаются плач и крики боли. Даже когда еду домой, я все еще слышу их в голове. А то, что у нас до сих пор нет четких доказательств того, кто стоит за этим нападением, еще больше усложняет ситуацию.

Потянувшись к звонку, чтобы Ася открыла дверь квартиры, понимаю, что все еще в костюме. Правда, поверх него накинуто черное пальто, но оно все равно может встревожить Асю. Я планировал взять с собой сменную одежду, но забыл. Если бы несколько месяцев назад мне кто-нибудь сказал, что я буду переживать из-за того, что у меня нет под рукой джинсов и футболки, я бы рассмеялся им в лицо. С появлением Аси моя нелюбовь к джинсам как-то отодвинулась и исчезла. Все потому, что носить повседневную одежду вместо костюмов ей помогает, поэтому меня больше не беспокоит мысль о рваных «Левис».

Я отдергиваю руку, снимаю пальто и расстегиваю пиджак. Только когда пиджак, жилет и рубашка сняты, я снова тянусь к звонку. Спустя долю секунды меня осеняет мысль, что надо было просто воспользоваться ключом. Поздно.

Ася отпирает дверь. У нее округляются глаза, когда видит меня полураздетым, и ее взгляд останавливается на руке, держащей скомканную одежду. Медленно она берет меня за другую руку и заводит внутрь.

— Ты же замерзнешь насмерть, — бормочет она, направляясь в гостиную, а я следую за ней.

Когда мы доходим до дивана, она легонько подталкивает меня, чтобы я сел, и исчезает из виду. Я бросаю одежду на другой конец дивана и бесцельно смотрю на пустой экран телевизора. В голове все еще не выходит образ сестры Юрия, стоящей на коленях в грязи.

Из оцепенения меня выводит легкое прикосновение к плечу — передо мной стоит Ася. В руках у нее футболка и серая толстовка. Я не бросаю свою одежду где попало. Она должна была пойти в гардеробную, чтобы взять их для меня. Где висят мои костюмы. Я беру у нее футболку и надеваю. Как только накинул толстовку, Ася забирается ко мне на колени и обхватывает руками мою шею.

— Всё прошло плохо? — спрашивает она возле моего уха.

Я кладу руку ей на затылок, запуская пальцы в волосы, и вдыхаю.

— Да.

— Вы узнали что-нибудь еще о том, кто напал?

— Нет. Перед смертью Юрий сказал, что это были албанцы, но другой информации у нас нет. Парень, который поставлял наркотики, мертв. Без других зацепок мы не можем установить никаких связей.

Она крепче прижимает меня к себе. Я чувствую, как поднимается ее грудь, когда она делает глубокий вдох, затем начинает шептать.

АСЯ

— Парень, который меня похитил, не был албанцем. Во всяком случае, мне так не показалось, — дрожащим голосом шепчу я.

— Mishka, не надо. — Паша проводит ладонью по моей щеке. — Не надо об этом говорить, если не хочешь.

— Я была в баре с сестрой, — продолжаю. — Мы воспользовались поддельными документами, чтобы войти. Мы хотели просто потанцевать. К нам подошел парень. Он был красивым. Харизматичным. Рассмешил нас обоих. У него не было акцента, иначе я бы запомнила. Сиенна решила пойти домой пораньше, поскольку утром у нее был пилатес. Я осталась.

— А телохранителей с вами не было?

— Нет. Мы незаметно вышли из дома и поехали в бар на такси. Артуро всегда бесился, когда мы так делали.

Он проводит пальцем по моему подбородку.

— А мне он показался забавным. Этот парень, — говорю я. — Он сказал, что его зовут Роберт. Мы проболтали час, а когда я стала собираться домой, он предложил проводить меня на улицу, чтобы поймать такси. Мне показалось это очень милым.

Мне хочется рассмеяться от того, как глупо я себя вела.

— Он что-то прижал к моему лицу. Какую-то мокрую тряпку с резким запахом. Я пыталась вырваться, бороться с ним. Он был больше меня. Сильнее. Вскоре я потеряла сознание.

Мой голос дрожит. Я закрываю глаза, заставляя себя продолжать.

— Когда очнулась, вокруг царила тьма, ни единого проблеска света. Я лежала на холодной земле, а он стоял надо мной на коленях и рвал на мне платье. Я кричала и пыталась бороться с ним, но разум все еще был затуманен. Потом почувствовала... его... между ног. — Я крепко обнимаю Пашу за шею и зарываюсь в нее лицом. Он сидит так неподвижно, только грудь поднимается и опускается от учащенного, неглубокого дыхания. — Больно. Было так больно. Это был мой первый раз.

Паша обнимает меня крепче. Меня тошнит, когда рассказываю об этом, но теперь, когда начала, то не могу остановиться. словно жаждала выговориться.

— Я оцепенела. Не могла пошевелить ни руками, ни ногами, меня словно внезапно парализовало.

Ощущение полной беспомощности, ужас, который я испытала в тот момент... Думаю, что никогда не смогу забыть.

— После... Мне удалось вырваться от него и побежать в сторону улицы. Я бежала изо всех сил. Но он все равно меня поймал. А потом накачал меня наркотиками. Я проснулась одна в незнакомой комнате. Мне было так страшно.

Меня крепко обнимают, и я чувствую, как Паша ласково поглаживает мою спину, совсем как в ту первую ночь.

— Там была женщина. Долли. Это она давала мне и другим девочкам таблетки. И

продолжала приносить их дважды в день. Она же наставляла девочек и назначала встречи с... клиентами. — Я наклоняю голову так, что мои губы оказываются совсем рядом с ухом Паши, и шепчу: — Я не сопротивлялась. Я позволила им накачать меня наркотиками и делать со мной все, что они хотели. Какой нужно быть жалкой отвратительной личностью, чтобы позволить это?

Паша поднимает руку к моему затылку и наклоняет мою голову так, что наши глаза встречаются.

— Молодая, невинная девушка, которая подверглась такому жестокому насилию, что ее разум отключился в попытке ее защитить. Но ты боролась. Сбежала. Выжила. Тебя никто не спас. Ты сделала это сама.

— От этого я не чувствую себя менее отвратительно.

— Не говори так, детка. — Он целует меня в лоб. — Я найду тех, кто причинил тебе боль. И они будут кричать о пощаде, когда я сломаю их, как они пытались сломать тебя. Их смерть не будет быстрой.

Я впитываю его слова. Хочу ли я их смерти? Я представляю себе Роберта, молящего о жизни. Желчь подступает к горлу. Но разве я не молила об этом? А как же другие девушки? Теперь, когда представляю крики Роберта о пощаде, на моих губах появляется улыбка.

— Можно мне посмотреть? — нерешительно спрашиваю я, одновременно страшась и жажда этой идеи.

— От начало и до конца, misha.

Я прижимаюсь к Пашиной груди и обхватываю его руками. Меня снедает неуверенность и настороженность.

— Мне страшно, — шепчу я. — Страшно, что все повторится. Я не знаю, смогу ли когда-нибудь выйти на улицу и пройтись по ней одна, не вздрагивая каждый раз, когда кто-то проходит рядом.

— Сможешь. — Он снова гладит меня по волосам. — Я тебе это обещаю.

Ася

— Надеюсь, мне разрешат еще поиграть, — говорю я, идя рядом с Пашей к машине.

Меня охватывало беспокойство каждый раз, когда думаю о возвращении в торговый центр, о людях, о шуме, о запахах. От воспоминаний меня бросало в дрожь. Но также помню и то чувство свободы, которое охватило меня, стоило лишь положить пальцы на клавиши после долгого перерыва в музыке. Все то волнение, радость и счастье, о которых я уже и не мечтала, нахлынули вновь. Последние пять дней мне удавалось подавлять желание снова играть, но теперь я жаждала этого.

Утром я все-таки сдалась и попросила Пашу отвезти меня туда.

— Сколько тебе было лет, когда ты начала играть? — спросил он, заводя двигатель.

— Пять лет. Артуро пытался найти способ отвлечь нас с сестрой от смерти родителей и попросил соседа, у которого было пианино, дать нам уроки. — Тяжело думать о брате и сестре, зная, как они переживают, но при мысли встретиться с ними меня охватывает леденящий душу панический ужас.

— Что случилось с твоими родителями? — спрашивает он.

— На казино, где они работали, была облава. Кто-то достал пистолет и выстрелил в полицейских. Потом все полетело к чертям. В ту ночь было убито много людей.

— Они оба погибли?

— Да. — Я закрываю глаза и расслабляюсь на сиденье. — Я даже толком их и не помню. Знаю, как они выглядел по фотографиям. Но не могу вспомнить подробности о них, а если и получается, то они расплывчаты. Помню, что мама пела нам каждый вечер перед сном, но не могу определить песню.

Паша проводит тыльной стороной ладони по моей щеке, и я прижимаюсь к нему. Но его легкое прикосновение тут же исчезает. Открываю глаза, а он уже начинает движение.

— Я понимаю, о чем ты, — говорит он, выезжая с парковки. — Я тоже не помню своих родителей.

— Они тоже умерли?

— Возможно. А может, и нет.

Я наблюдаю за его суровым профилем, гадая, расскажет ли он что-нибудь еще. Паша не уточняет, просто молча ведет машину. Я опускаю взгляд на его руку, держащую рычаг переключения передач, и замечаю, что он крепко его сжимает. Я поглаживаю кончиками пальцев его белые костяшки, пока не чувствую, что он ослабляет хватку.

— Ты выступала на публике? — спрашивает он через некоторое время.

— Нет, не совсем. Пару раз я выступала в школе, обычно во время праздников. Музыка всегда была для меня чем-то личным. После окончания школы решила взять перерыв на год, чтобы понять, чем хочу заниматься дальше. Я думала о поступлении в музыкальную консерваторию, но это было... раньше.

— Ты все еще хочешь?

Я смотрю на дорогу за лобовым стеклом.

— Я не знаю.

* * *

Лифт дзинькает. Я крепче сжимаю руку Паши и стараюсь контролировать дыхание. Желание попросить его вернуться сталкивается с жадной сновой почувствовать под пальцами клавиши. Двери открываются. Паша выходит, поворачивается ко мне лицом и берет обе мои руки в свои.

— Дыши. Мы пойдем медленно, — говорит он и делает шаг назад. — Я здесь. Никто не посмеет тебя тронуть, mishka.

Я киваю и выхожу из лифта.

Людей вокруг больше, чем в прошлый раз. Множество видов и звуков ошеломляют: свет, смех, шаги, бегущие мимо дети, за которыми суетливо пытаются угнаться родители. Я закрываю глаза.

Паша проводит шероховатой ладонью по моей щеке, его крепкая рука обхватывает меня за талию.

— Все хорошо, детка.

Я открываю глаза и делаю глубокий вдох. Зацепившись пальцами за петли его джинсов, смотрю на него снизу вверх. Его голова наклонена и находится в нескольких дюймах от моей.

— Ты любишь музыку, — говорит он. — Давай превратим это в танец. Что-то вроде вальса, согласна?

Я не могу удержаться от легкой улыбки.

— Люди будут смеяться над нами, Паша.

— Да мне по барабану.

Он делает шаг назад, а я за ним. Потом еще один. И еще один. Это и правда похоже на какой-то странный танец — он держит меня рядом и идет задом наперед — и вдруг мне захотелось рассмеяться. И я смеюсь. Окружающие, наверное, думают, что мы сошли с ума, но мне все равно. Я не свожу взгляда с Паши, иду за ним и смеюсь. Это так здорово — снова испытывать радость. Он наблюдает за мной с небольшой улыбкой на лице и проводит большим пальцем в нежнейшей ласке по моим губам.

— Я бы хотел, чтобы ты чаще смеялась, — говорит он.

— Я постараюсь.

Когда мы доходим до ресторана с роялем, он медленно убирает руку с моего лица. Я поворачиваюсь к углу, где должно быть пианино, и улыбка исчезает. Его там нет. Вместо него стоят два больших цветочных горшка. Я оглядываюсь по сторонам, гадая, не переставили ли пианино куда-нибудь еще, но его нигде нет.

— Мы можем отсюда уйти? — спрашиваю я, глядя на цветочные горшки и изо всех сил стараясь сдержать слезы.

* * *

Паша поворачивает ключ в замке и открывает дверь в квартиру, придерживает ее для меня. Я вхожу и сразу иду в ванную, чтобы побрызгать на лицо водой. Проходя через гостиную, останавливаюсь посреди комнаты. У стены рядом с окном стоит небольшое белое пианино. То самое, из торгового центра. Я прикрываю рот рукой, подавляя всхлип.

— Как оно здесь оказалось? — Я выдыхаю, глядя на пианино.

— Я купил его на прошлой неделе и хранил на складе неподалеку, чтобы привезти сюда, когда мы выйдем из квартиры, — говорит Паша позади меня, и я чувствую его руку на

спине. — Я хотел сделать тебе сюрприз. Ты даже не заметила, что обратно мы поехали более длинным путем, чтобы грузчики успели его затащить.

— Но почему?

— Потому что ты не чувствовала себя комфортно в торговом центре. Мы снова туда ходим, но только потому что тебе нужно привыкнуть к толпе. Но ты должна иметь возможность играть там, где тебе это нравится.

— Спасибо, — шепчу я и крепко его обнимаю. Мне хочется поцеловать его, но не думаю, что Паша позволит.

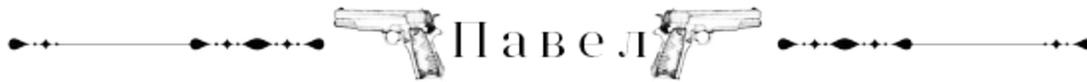
— Сыграешь что-нибудь для меня? — спрашивает он.

— Да.

Я беру его за руку и веду через комнату. Он даже купил скамейку, которая стояла там вместе с пианино. Я сажусь на один конец и тяну его вниз, чтобы он сел рядом.

Наклонившись вперед, провожу кончиками пальцев по клавишам, располагаю руки и играю. Я выбираю одно из своих любимых современных произведений — «Река течет в тебе» Йирума. Она успокаивающая, но сильная, соблазнительная, полная эмоций. Она напоминает мне о Паше.

Он молчит. Не спрашивает, что я играю. Здоровяк сидит и молча наблюдает за моими руками, переходящими от одной пьесы к другой. В какой-то момент его взгляд переходит с моих рук на лицо и остается там.

ПАВЕЛ

Я больше часа сижу на скамейке рядом с Асей и слушаю, как она играет. Лучше сказать, смотрю на нее, пока она играет. Не могу оторвать глаз от ее лица, вижу каждую эмоцию, отражающуюся в ее чертах. Например, когда она играет быструю и бодрую пьесу, на ее лице появляется широкая улыбка. Стоит ей переключиться на что-то медленное и грустное, как улыбка исчезает. Она не просто играет ноты, а чувствует и переживает каждую эмоцию, словно мелодия льется и струится сквозь нее, освещая ее изнутри.

Наконец, оторвав взгляд от ее лица, я смотрю на часы — уже почти два часа дня. С утра мы только позавтракали, и хотя я не против пропуска приема пищи, мне не хочется, чтобы Ася оставалась голодной.

Я встаю со скамейки и иду на кухню в поисках меню доставки еды на дом из кафе быстрого питания, что находится через квартал, но передумываю и открываю холодильник. Я привык, что он всегда практически пуст, поэтому странно видеть, что все полки заполнены. Обычно Ася заказывает все, что ей нужно, онлайн с моего телефона, поэтому я не знаю и половины того, что там лежит. Отодвигаю в сторону овощи и достаю упаковку с курицей. Ну, по крайней мере, мне кажется, что это курица. Ася готовит для нас еду каждый день, так что, думаю, сегодня я справлюсь сам. Нахожу в шкафу сковороду и поворачиваюсь к острову, где в широкой черной корзине хранятся специи. В ней не менее двадцати баночек. Достаю одну и нюхаю содержимое. Она обозначена как шалфей. Разве это не чай? Я ставлю баночку на место и беру другую. Эта похожа на соль, но в ней что-то зеленое.

— Нужна помощь? — слышу за спиной голос Аси.

— Ты играла. Я хотел приготовить что-нибудь поесть. Я ищу соль. Обычную. — Я оборачиваюсь и вижу, что она ухмыляется.

— Так ты умеешь готовить?

— Я знаю, как разогреть оставшуюся еду из ресторана. Это считается?

— Это не считается, — смеется Ася, и я наслаждаюсь ее смехом. Я люблю, когда она смеется. — Пойдем, я покажу тебе, как приготовить что-нибудь простое.

Она берет у меня из рук банку и открывает. Не сводя с меня глаз, она облизывает кончик пальца и погружает его внутрь.

— Вот. Попробуй. Это просто соль с травами. — Она поднимает палец и держит его передо мной.

Я смотрю на Асю. Она все еще улыбается. Медленно беру ее за руку и подношу палец ближе ко рту. Не отрывая взгляда, облизываю кончик ее пальца, но не могу сосредоточиться на вкусе. Все мое внимание приковано к лицу Аси. Она прикусывает нижнюю губу и смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Я делаю шаг вперед, и наши тела соприкасаются. Замечаю, как поднимается и опускается ее грудь, как учащается ее дыхание. Она кладет свободную руку мне на поясницу, а затем скользит под подол футболки. Жар ее прикосновения опалает. Во мне бушует желание схватить ее, перекинуть через плечо и отнести в ближайшую спальню. Ася проводит ладонью по моей спине, и перед моими глазами предстают образы обнаженной Аси под мной, и как я целую каждый дюйм ее тела. Все так, как я представлял себе уже несколько дней. Неправильно. Так нехорошо.

Я отпускаю ее руку и быстро отхожу назад, поворачиваясь к кухонному острову.

— Что еще нам нужно для обеда?

Я слышу тихий вздох, когда она открывает шкаф позади меня.

— Кастриюлю побольше.

Ася ходит по кухне, собирая все необходимое и нарезая овощи, а я все это время за ней слежу. Мне нравится, что она здесь, в моем доме, гораздо больше, чем следовало бы. Она открывает ящик рядом со мной и тянется внутрь, но замирает с вытянутой рукой. Я смотрю туда и вижу, что там стоят два разных сорта муки.

— Это одно и то же. Просто разные фирмы, — говорю я.

— Я знаю. — Она кивает, но не двигается.

Несколько мгновений я жду, что она выберет, но когда замечаю на ее лице разочарование, беру ее за запястье и подтягиваю ее руку к упаковке слева.

— Может, эту?

— Спасибо, — бормочет Ася, достает муку и идет к плите.

Она злится на меня, но это к лучшему. Даже если закрыть глаза на разницу в возрасте, мы ведь из двух совершенно разных слоев общества. Нельзя поддаваться искушению и позволить, чтобы между нами что-то произошло. Я и так нахожусь на тонкой грани, и с каждым днем мне все труднее себя сдерживать. Временами мне хочется, чтобы Ася позвонила своему брату, чтобы он приехал за ней, потому что, когда она находится так близко, мне кажется, что я вот-вот сгорю. Но так же часто мне хочется самому найти ее брата... и избавиться от него, пока у того не появилась возможность отнять ее у меня.

АСЯ

Кутаясь в пальто, я смотрю на входную дверь.

Гляжу на нее уже больше часа. Первые десять минут — с середины гостиной, затем сделала два шага к ней и остановилась. Итак больше часа ушло на то, чтобы дойти до двери, шаг вперед — смотрю на дверь, шаг вперед — снова смотрю. Взявшись за дверную ручку, моя рука дрожит. Прикусив нижнюю губу, я открываю дверь и выхожу из квартиры.

У Паши квартира находится на третьем этаже, и большинство жильцов пользуются лифтом, поэтому лестничная площадка свободна. Я спускаюсь по лестнице мелкими шажками. Подвиг нешуточный, если учесть, как сильно трясутся ноги.

Паша ушел два часа назад на встречу с паханом, так что скоро должен вернуться. Конечно, мне стоило бы его дождаться, но больше не могу выносить это чувство беспомощности. Я уже больше месяца прячусь в его квартире, как будто преступница, и наконец решила, что с меня хватит. Я выйду из здания и прогуляюсь по кварталу. Одна. Сейчас три часа дня, что может случиться? Просто небольшая прогулка, совершенно обычное дело, и тут же вернусь обратно. Мы уже несколько раз выходили с Пашей на улицу. Со мной все будет в порядке.

Дойдя до фойе, я машу рукой охраннику, сидящему за своим столом, и иду к выходу. Благодаря стеклянной раздвижной двери я могу видеть людей, идущих мимо по тротуару. На подходе к двери на меня накатывает волна тошноты, которая по мере приближения становится все сильнее. Дверь отъезжает в сторону. Я сглатываю желчь и в два шага преодолеваю последний барьер.

Я выхожу на тротуар. Остановливаясь и смотрю на небо, наслаждаясь солнечными лучами на лице. Не так уж это было и трудно.

Кто-то проходит мимо меня, задевая рукой мое плечо. Я вздрагиваю и замечаю пожилую женщину. Она огибает угол и скрывается из виду. Меня мутит, руки и ноги все еще слегка дрожат, но оказавшись на улице, стало легче.

Рядом с домом раздается смех: группа детей забегает внутрь здания. Слева продуктовый магазин, куда заходит и выходит много людей, и я решаю повернуть направо. Я уже практически дошла до угла, когда впереди остановилось такси и из него вышел мужчина. Я останавливаюсь и наблюдаю, как он достает с заднего сиденья сумку с ноутбуком. Он в черном костюме с белой рубашкой и темно-серым галстуком под расстегнутым пальто. Сердце колотится с удвоенной скоростью. Дыхание сбивается. Такси отъезжает, мужчина перекидывает ремень сумки через плечо и идет в мою сторону. Я делаю шаг назад. Потом еще один. Мужчина продолжает идти, и с каждым его шагом дыхание у меня становится все более сбивчивым. Я разворачиваюсь и бегу.

Люди. Слишком много людей. Они все на меня смотрят. Я врезаюсь в чью-то грудь. Меня хватают за плечи, вероятно, чтобы удержать, но такое чувство, будто когти впиваются в плоть. Я кричу и, как только меня отпускают, возобновляю бег.

ПАВЕЛ

— Что-нибудь узнала та официантка, которая спит с Душку? — спрашивает Роман.

— Нет, — отвечаю я. — Он говорил о каком-то конфискованном грузе и жаловался, что его жена тратит слишком много денег на туфли. Но это все.

— Я знаю Душку уже пятнадцать лет. Он мастер интриг и безжалостен, когда дело касается бизнеса. Но он никогда не стал бы заниматься торговлей людьми. Мы что-то упускаем из виду, какую-то связь. — Он поворачивается к Дмитрию. — Что насчет людей, которые следят за зятем Душку?

— Ничего.

Роман ударяет ладонью по поверхности стола.

— Как зовут того парня, которого Юлиан посылает выполнять поручения? Бэсим?

— Беким, — говорит Дмитрий.

— Вот он. Я хочу, чтобы Михаил с ним побеседовал. Кто-то посмел послать наемников в клуб Братвы и убить наших людей с целью заставить замолчать, казалось бы, никого. А значит, на карту поставлено очень многое. Мы выясним, кто виновен в смерти Юрия, и я лично с ним расправлюсь.

— А если это Душку все же организовал? — спрашиваю я.

— Тогда он умрет. И смерть не будет ни быстрой, ни красивой. Девушка, которая живет у тебя, что-нибудь рассказала?

— Она сказала, что у человека, который ее схватил, не было акцента. Он назвался ей Робертом, но это имя может быть вымышленным.

— Я попрошу Максима достать фотографии людей Душку. Сможет ли она его узнать?

— Возможно.

— Хорошо. Когда ты планируешь отвезти ее к родственникам? Она живет у тебя уже месяц.

Я невольно напрягся. Я всегда был честен с Романом. До сегодняшнего дня.

— Она не говорит мне свою фамилию и не дает их номер, — вру я. — У меня нет возможности найти их, пока она не скажет.

— Отлично, — рявкает Роман. — И как долго ты собираешься оставаться в этом незапланированном отпуске? Клубы сами по себе не работают.

— Я забрал все необходимое из офиса и работаю дома. Костя занимается тем, что я не могу делать удаленно.

— Хорошо. Но в следующую субботу ты мне нужен в «Байкале». У меня встреча с украинцами. Они хотят с нами договориться.

— Они забыли про Шевченко?

— Все знают, что Шевченко был дурак дураком. — Роман пожимает плечами. — На переговоры посылают нового человека. Он приедет с двумя людьми.

— Хорошо. Я удвою охрану.

Он откидывается на спинку стула и указывает рукой на мою одежду — джинсы и футболку.

— Что это за новый стиль одежды?

— Я хотел поменять имидж, — говорю я и вижу, как он приподнимает бровь. — Что-

нибудь еще?

— Нет. Можешь идти. Мы с Дмитрием обсудим остальное.

Я киваю и выхожу из кабинета пахана.

Когда иду по коридору, дверь кухни на другом конце распахивается, и оттуда выбегает миниатюрная брюнетка в заляпанном краской платье. В руках у нее пирожки, и она старается, чтобы ни один не упал в спешке. На верхней площадке лестницы маленькая темноволосая девочка начинает прыгать и хлопать в ладоши. Ее залиvistое хихиканье эхом отражается от высоких стен коридора. Жена и дочь Романа. Нина Петрова бежит по лестнице и едва добегает до верха, как дверь кухни снова распахивается и оттуда вываливается повар Игорь, громко ругаясь по-русски матом. Если Роман услышит, как он ругается при его дочке, старый повар получит по заслугам. Я качаю головой и иду к входной двери, а за спиной раздается хор из криков Игоря и женского смеха.

* * *

— Господин Морозов, — кивает охранник в холле моего дома, когда я вхожу. — Как прошел день?

— Хорошо, Бобби. Спасибо.

— А, ваша девушка еще не вернулась.

Я замираю на полушаге.

— Что?

— Она ушла полчаса назад. Я подумал, что вы захотите узнать.

— Ушла? — спрашиваю я, и страх захлестывает меня. — Куда?

— Точно не знаю. Она просто вышла на улицу. Я не видел, куда она пошла.

Я бросаюсь к пульту охраны и встаю с другой стороны.

— Покажите мне запись с камеры за то время.

Он переключает видео на момент, когда Ася вышла. Она пару мгновений стоит на тротуаре, на виду у камеры, потом уходит вправо. Через несколько минут она быстро проносится мимо двери. Я не вижу ее лица, но, судя по тому, как шустро она бежала, она перепугалась до ужаса.

— Позвони мне, если она вернется! — рявкаю я и бегу к выходу.

Я бегу по тротуару, лихорадочно оглядываясь по сторонам, но Асю нигде не вижу. Неподалеку находится продуктовый магазин. Я захожу внутрь и спрашиваю у кассира, не видел ли он девушку, похожую на Асю, но тот только качает головой. Иду дальше по улице, спрашиваю у людей, не видели ли они ее, захожу в другие магазины, но никто не заметил убегающую девушку. Дойдя до перекрестка в конце улицы, я возвращаюсь. Здесь слишкомлюдно. Вряд ли она пойдет в большое скопление людей.

Страх и тревога нарастают во мне с каждой минутой. Ася не могла уйти далеко, так почему я ее не нашел? Надо было купить ей телефон, чтобы она звонила, если я ей понадоблюсь. До сих пор мне это даже не приходило в голову, ведь мы были практически всегда вместе. Вот болван!

Я замечаю группу детей, весело резвящихся на ступеньках перед зданием на другой стороне улицы, и спешу к ним.

— Детишки, вы не видели девушку, которая пробегала мимо минут пять назад? — спрашиваю я.

— Желтое пальто. Длинные каштановые волосы? — спрашивает ребенок лет девяти.

— Да. — Я киваю.

— Она вроде туда побежала. — Он показывает в сторону переулка за продуктовым магазином. — Она выглядела испуганной.

Я бегу через дорогу, едва не угодив под такси, и ныряю в узкий переулок. На первый взгляд он кажется пустынным, но я продолжаю идти вглубь, мимо мусорного контейнера у задней двери бакалейной лавки. Запах гнилых фруктов от мусорных баков напоминает мне о подростковых годах. Я сжимаю руки в кулаки и сворачиваю за угол, двигаясь между зданиями.

Это моя вина. Следовало почаще выводить Асю на улицу, каждый день понемногу, чтобы она снова привыкла к людям. Надо было настоять на психотерапевте или уговорить ее позвонить брату. Ей нужно вернуться к своей жизни, к своей семье. Я ничего этого не сделал. Наоборот, позволил ей спрятаться у меня. Со мной.

Мне нравится просыпаться с ней под боком — как будто даже во сне она подсознательно ищет моего присутствия. Или как она забирается ко мне на колени, когда мы садимся вечером смотреть телевизор, и кладет голову мне на плечо. Обычно Ася засыпает через десять минут, но я остаюсь на диване часами, и только уже далеко за полночь переносу ее в кровать. Это подпитывает то страстное желание, которое проснулось во мне, стремление все время держать ее в своих объятиях, знать, что она в безопасности, где никто никогда больше не сможет причинить ей боль. Она живет у меня уже более четырех недель, но все еще ходит за мной по квартире, держась то за мою руку, то за подол рубашки. Приятно чувствовать себя нужным. Поэтому я перестал уговаривать ее позвонить родным. Эгоистичному сукину сыну, в которого я превратился, хочется оставить ее у себя.

Переулок сворачивает вправо и заканчивается большой бетонной стеной. Возле нее припаркован пикап. Вокруг никого нет. Я уже почти повернулся, чтобы идти обратно, как вдруг заметил под пикапом что-то желтое. Я бросаюсь туда и останавливаюсь на месте. Там, между пикапом и стеной, лежит на боку Ася, лицом к стене, обхватив руками талию.

— Господи! — Я опускаюсь на колени и заключаю ее в свои объятия. Она дрожит. Как только Ася оказывается в моих объятиях, то обхватывает меня руками за шею, а ногами — мою талию. Я кладу ладонь на ее затылок, укладывая ее лицо в ложбинку своей шеи.

— Все хорошо, mishka, — шепчу я. — Я тебя держу.

АСЯ

Жалкая.

Слабая.

Так я чувствую себя, когда Паша несет меня в свою квартиру. Я не могу набраться смелости, чтобы поднять голову и посмотреть вверх, потому что боюсь, что опять сойду с ума. Вместо этого я уткнулась лицом в его шею.

Не понимаю, почему он продолжает обо мне беспокоиться. Я ворвалась в его жизнь и устроила в ней беспорядок. Я с ужасом жду, когда он усадит меня и скажет, что мне пора уходить. Он обязательно это сделает и, наверное, скоро. Я для него никто. И не могу продолжать портить ему жизнь. Но от одной только мысли, чтобы покинуть его, я содрогаюсь от ужаса.

— Пойдем в душ, — говорит Паша, занося меня в квартиру.

В ванной комнате он останавливается возле душевой кабинки, ожидая, что я его отпущу.

Но я прижимаюсь к нему еще крепче.

— Ася, детка. Посмотри на меня.

Нехотя отстраняюсь от его шеи и смотрю ему в глаза. Мне кажется, я никогда не встречала человека с такими глазами, как у Паши, — они поразительного серо-металлического цвета.

— Тебе нужно помыть голову, — уговаривает он глубоким голосом, и кажется, что я чувствую его всеми фибрами души. — Ты вся испачкалась в машинном масле.

— Ты можешь помыть? — прошу я и жалею об этом, как только слова срываются с моих губ. Как будто я ему и так не в тягость.

Паша смотрит на меня несколько мгновений, поднимает руку, как бы намереваясь положить ее мне на лицо, но передумывает и просто снимает очки.

— Хорошо. — Он оставляет очки рядом с раковиной и медленно опускает меня вниз.

Я снимаю пальто и свитер, затем туфли и джинсы. Паша терпеливо ждет, не сводя с меня глаз. Даже когда сбрасываю лифчик и трусики, его взгляд не опускается ниже.

По идее, это должно меня беспокоить — быть перед ним голой. Но это не так. Только мысль о том, что мужчина смотрит на мое обнаженное тело, обычно заставляет желчь подниматься у меня в горле. Любой мужчина, кроме него. Я хочу, чтобы он опустил взгляд ниже. Прикоснулся ко мне. Поцеловал меня.

Я захожу в кабинку и включаю душ. Вода льется сверху на голову и стекает по телу. Я неподвижно стою под струями и наблюдаю, как Паша снимает куртку, туфли и носки и заходит в душ полностью одетым. Он берет с полки бутылку с шампунем, наливает в ладонь в три раза больше, чем нужно, и смотрит на меня сверху вниз.

— Повернись ко мне, — говорит он необычно хриплым голосом.

Я отворачиваюсь от него и протягиваю руку, чтобы выключить душ. Как только поток воды прекращается, единственное, что я слышу, — это глубокое дыхание Паши. Его прикосновения начинаются с моей макушки, он массирует мне кожу головы. Биение моего сердца учащается. Он по ошибке взял свой шампунь, а не мой. Но я его не остановила. Я закрываю глаза и вдыхаю аромат шалфея и цитрусовых. Не думаю, что когда-нибудь смогу связать эти два запаха с чем-то другим, кроме как с Пашей, когда засыпаю рядом с ним.

Он убирает руки с моих волос. Я снова включаю душ и медленно поворачиваюсь.

Вода каскадом стекает по моему лицу, затуманивая зрение, но не настолько, чтобы заслонить вид его широкой груди передо мной. Его белая футболка полностью намочила и прилипла к телу, высвечивая татуировки на его коже. Он редко снимает футболку в моем присутствии. Мне кажется, он считает, что его татуировки меня пугают. Но это не так. Ничто в Паше меня не пугает, совсем наоборот. Я чувствую себя в полной безопасности только тогда, когда он рядом со мной.

Я откидываю голову и вижу, что он смотрит на меня своими серыми глазами. Боже, как же я хочу его поцеловать. Я думаю об этом уже несколько недель, но никак не могу решить, стоит ли мне это делать. Однако сейчас, глядя на него — мокрого с головы до ног, потому что я попросила его вымыть мне волосы, — мне не нужно решать. Вопрос не возникает, хочу я или нет, есть только желание почувствовать его губы на своих. Я поднимаю руки, чтобы обхватить его лицо ладонями и притянуть его голову вниз.

— Ася.

Он медленно наклоняется, заглядывая мне в глаза.

— Мне нравится, как ты произносишь мое имя. — Я улыбаюсь. Он произносит его с

русским акцентом. Приподнявшись на носочки, легонько касаюсь губами его рта. — Произнеси мое имя еще раз. Я хочу знать, какое оно на вкус на твоих губах.

Паша опускает руку на мою шею, поглаживая чувствительную кожу, а его глаза не отрываются от моих.

— Пожалуйста, — шепчу ему в губы.

Паша прикасается своим лбом к моему и закрывает глаза.

— Тебе причинили боль.

— Я знаю. — Провожу рукой по его челюсти и зарываюсь пальцами в его влажные пряди.

— Тебе восемнадцать, — говорит он. — Я слишком стар для тебя, mishka.

Я легонько прикусываю его нижнюю губу.

— Ерунда.

Лаская рукой мою шею, он захватывает мои волосы. Его дыхание обдувает мое лицо, и он открывает глаза.

— Ася, — шепчет Паша мне в губы, а потом накрывает их своими.

Я хватаюсь за его мокрую футболку, стараясь удержаться на ногах, и позволяю ему завладеть моим ртом.

— Ася, — повторяет Паша между поцелуями, двигаясь к моему подбородку и шее. — Моя ненаглядная Ася.

Я хватаю подол его футболки и стягиваю ее через голову. Паша скользит ладонями по моему телу и останавливается под ягодицами, приподнимая меня. В тот же момент я обхватываю его руками и ногами, как уже много раз до этого. Настолько естественно, что кажется, будто я делаю это всю жизнь. Паша выносит меня из ванной и несет к кровати, целуя по дороге.

— Мы ничего не будем делать, mishka, — говорит он и опускает меня на кровать. — Только поцелуй. Договорились?

Я киваю и провожу ладонью по его щеке.

— Хорошо.

— Мне нужно переодеться. Подожди здесь.

Ой, ничего не выйдет. Я снова бросаюсь в его объятия.

— Ася. — Он взирает на меня сверху вниз. — Мне нужно в гардеробную, детка.

Я знаю, что он имеет в виду. Там висят его костюмы.

— Я не буду смотреть, — говорю я.

Паша крепко меня обнимает.

— Хорошо. Я быстро.

Он бежит. Я даже не замечаю костюмов, потому что Паша заскакивает внутрь, хватая боксеры, пижаму, футболку и выходит меньше чем через пять секунд.

Когда он снова укладывает меня на кровать, я перебираюсь на свое место у стены и натягиваю одеяло на голое тело. Волосы все еще мокрые, и подушка намокнет, но меня это не волнует. Паша поворачивается ко мне спиной и в считанные секунды переодевается из мокрых джинсов и трусов в сухие боксеры и пижамные штаны.

— Не надо, — прошу я, когда он тянется за футболкой.

Он оглядывается через плечо, потом на футболку в руке.

— Уверена, mishka?

— Пожалуйста, — шепчу я.

Паша кивает и бросает футболку на кресло. Матрас прогибается, когда он забирается в кровать. Как только Паша оказывается рядом со мной, я целую его в голую грудь. Он берет меня за подбородок и приподнимает мою голову.

— Сегодня вечером ничего не будет. Лишь поцелуи и объятия. Но если ты захочешь все прекратить, то должна сказать мне об этом. Тотчас же, Ася.

От этих слов мне хочется заплакать, но я сдерживаюсь. Обхватив его за шею, прижимаюсь губами к его губам. Он ласково гладит меня по спине сквозь одеяло. Я стягиваю с себя одеяло и продолжаю целовать его. Паша прижимает ладонь к моей спине, и на секунду я замираю. Но он быстро убирает руку и остается неподвижным.

— Все хорошо, — говорю ему в губы. — Я знаю, что это ты.

Он медленно возвращает руку и едва касается меня. Я вздыхаю, перекидываю ногу через его талию и забираюсь на него сверху.

— Пожалуйста, перестань относиться ко мне так, будто я сломаюсь.

Паша проводит рукой по моей щеке и большим пальцем по коже под глазом.

— Я боюсь, что ты сломаешься.

— Нельзя сломать то, что уже сломано и не подлежит восстановлению, Паша. — Я прижимаюсь щекой к его ладони. У него ходят желваки и пульсирует жилка на виске.

— Мы тебя восстановим, *mishka*, — цедит он сквозь стиснутые зубы и притягивает мое лицо ближе. — Каждый осколок соберем, я тебе обещаю. А потом мы уничтожим тех ублюдков, которые тебя обидели.

Я прижимаюсь к его рту. Не думаю, что когда-нибудь буду прежней, но не говорю ему об этом. Только целую.

Паша обхватывает меня за талию и переворачивает нас так, что я оказываюсь на спине, а он нависает надо мной.

— Поняла? — спрашивает он, и я киваю. — Только поцелуи и ничего больше, Ася. Помнишь?

Когда снова киваю, Паша целует ключицу и оставляет дорожку из поцелуев, спускаясь все ниже. Прикосновения его рук медленные и легкие — по моим рукам, бокам.

— Никто тебя больше не обидит, *mishka*, — шепчет Паша, покрывая губами каждый дюйм моей кожи — вниз по правой ноге, затем по левой, до самых ступней. Когда он поднимается обратно, оставляя шлейф поцелуев на бедрах, этот страшный голосок шепчет у меня в голове:

«Ты отвратительна. Не понимаю, как он вообще решился прикоснуться губами к такой мерзости как ты. Ты хороша только для того, чтобы тебя трахали без жалости. Ты не заслуживаешь ничего лучшего».

Я зажмуриваю глаза и прикрываю ладонью промежность.

Паша замирает на моем бедре.

— Малышка? Ты хочешь, чтобы я остановился?

Я качаю головой.

— Пожалуйста, не надо, — шепчу я. — Только не там.

— Хорошо. Я не буду делать ничего, что заставит тебя чувствовать себя неловко.

— Дело не в этом.

Паша поднимается по моему телу и берет мое лицо в свои ладони.

— Посмотри на меня, Ася.

Я открываю глаза и вижу, что он смотрит на меня с беспокойством. Я этого не

заслуживаю. И его не заслуживаю.

— Что я сделал не так? — спрашивает он, и я чувствую, как в уголках глаз собираются слезы.

— Ты не сделал ничего плохого, — эмоционально отвечаю я. — Я просто не хочу, чтобы ты прикасался ко мне там губами.

— Почему, детка?

— Потому что... — Я снова закрываю глаза и сжимаю ноги вместе. — Потому что я грязная.

Я чувствую на своих губах поцелуй.

— В тебе нет ничего грязного, — говорит он. — Ты самая прекрасная и чистая из всех женщин, которых я когда-либо встречал, Ася, — еще один поцелуй, — и я сотру все плохие воспоминания, если ты мне позволишь.

Он проводит кончиком пальца по моей брови.

— Пожалуйста?

— Хорошо. — Я киваю.

Паша берет мою руку и кладет ее на свой затылок.

— Ухватись и потяни.

Я зарываюсь пальцами в его волосы и сжимаю шелковистые пряди.

— Сильнее, mishka, — говорит он и кивает, когда я это делаю. — Хорошо. Я хочу, чтобы ты дернула за волосы в тот момент, когда захочешь, чтобы я остановился. Договорились?

— Да.

Он снова целует меня в губы, затем опускается ниже, к подбородку, шее, ключицам, груди, животу, затем замирает. Когда я ничего не делаю, Паша ласкает меня еще ниже, пока губами не достигает моего таза, и снова ждет, глядя на меня. Он выжидает, чтобы дать мне возможность остановить его, но я не возражаю. Лишь глубоко вздыхаю и киваю.

Он целует меня между ног. Затем еще раз. Пауза. Еще два поцелуя, и я вздрагиваю.

— Ася?

— Я в порядке.

Еще один поцелуй. Осторожное прикосновение языком. Паша разводит мои колени шире. В следующее мгновение он проводит языком по клитору. Я шумно вдыхаю и снова вздрагиваю, чувствуя, как разгорается покалывание в сердцевине. Еще несколько касаний языком и очередной поцелуй. Паша прижимается губами к лону и всасывает в рот клитор. Из меня вырывается стон, и я, не задумываясь, тяну Пашу за волосы.

Он поднимает голову.

— Малышка?

— Прости. — Я разжимаю руки на его волосах и снова подталкиваю его голову между ног. — Еще.

Он возобновляет лизание — сначала медленно, потом быстрее. Давление между ног нарастает, но мне нужно больше. Паша спускается немного ниже и вводит в меня свой язык, и я вскрикиваю от этого ощущения. По телу пробегает дрожь.

— Мне нужно... — бормочу я, выгибаясь дугой. — Больше.

— Сегодня только рот, mishka, — говорит Паша и снова присасывается к клитору. Я дрожу всем телом, страстно его желая.

— Еще! — кричу и со всей силы вцепляюсь ему в волосы.

Он продолжает дразнить клитор, переключаясь между облизыванием и посасыванием, а

рукой двигает по бедру ближе к моей сердцевине. Дыхание учащается в тот момент, когда он проводит пальцем по моему входу, я уже близка к тому, чтобы сгореть. Медленно, так невероятно осторожно он вводит палец внутрь, что мне хочется плакать. Он ведет себя так, как будто это мой первый раз. Словно меня не имели насильно десятки других мужчин. Я откидываю голову назад и стону, наслаждаясь незнакомым ощущением парения, охватившим меня, когда между ног появилась влага. Введя палец полностью, Паша сильнее сосет клитор, и мне кажется, что во мне порхает миллион крошечных бабочек. Я никогда не думала, что оргазм может быть таким удивительным.

Я еще дрожу всем телом, когда Паша ложится рядом со мной. Он обнимает меня и прижимает мое лицо к своей шее.

— Я бы хотела, чтобы мой первый раз был с тобой, — шепчу я.

— Так и будет.

— Паша, ты прекрасно знаешь.

Он прижимает палец к моим губам.

— Твой первый раз будет со мной, — говорит он мне в ухо. — Все, что было раньше, не считается. Понятно?

Я поджимаю губы, стараясь не заплакать, а в сердце разливается что-то теплое, склеивая воедино несколько разбитых кусочков моей души.

— Паша, ma che fai? (перев. с ит. — Что ты делаешь?)

Я оторвался от спагетти, которые только-только хотел закинуть в кастрюлю. Ася стоит по другую сторону кухонного острова и с ужасом смотрит на мои руки.

— Нельзя ломать спагетти! — Она обходит вокруг острова, качая головой.

— Они слишком длинные. Не помещаются в кастрюлю, — говорю я.

— Нет, нет, нет, так нельзя. — Она берет спагетти из моих рук и бросает их в мусорное ведро в углу. Затем идет к шкафу, вероятно, чтобы достать еще одну упаковку. Открыв дверцу шкафа, Ася застывает на месте и сжимает ручку, глядя на пакеты с разными макаронами, выстроившиеся на верхней полке. Все они разных марок. Я подхожу и поднимаю ее свободную руку, пока она не оказывается прямо перед пакетами.

— Не торопись, — говорю возле ее уха и отпускаю руку.

Ася смотрит на полку. Ее рука так и осталась висеть в воздухе, она прикусила нижнюю губу, потом схватила средний пакет.

— Я сделала это, — восклицает она, сжимая пакет.

— Да. — Я улыбаюсь и целую ее в шею.

Она наклоняет голову, открывая для меня шею.

— Я так горжусь тобой, детка.

— Я бы никогда не справилась без тебя. — Она поворачивается ко мне лицом. — Ты это знаешь?

— Ты бы справилась.

— Нет. Без тебя навряд ли. — Она кладет руку мне на шею и притягивает к себе для быстрого поцелуя. — Спасибо.

Она носится по кухне, накладывая макароны в кастрюлю и доставая сыр из холодильника. На ее губах играет улыбка, и у меня на сердце становится теплее. Я чертовски горжусь Асей. У нее уши недели тренировок, чтобы дойти до этого момента, и с каждым разом у нее получается значительно лучше. Возможно, нам придется еще немного поработать, чтобы она не нуждалась в моем подталкивании к принятию решения, но в конце концов мы этого добьемся. Внезапно на смену теплу в моей груди приходит паника. Что если она уйдет, когда ей станет лучше? Скорее всего, уйдет.

— Я скоро вернусь, — говорит Паша, заходя в кладовку. — Мне нужно подписать несколько договоров и проверить, не натворил ли Костя бед с заказами. Если вдруг задержишь больше чем на два часа, позвоню тебе.

Я опускаю взгляд на телефон в своей руке. Вчера Паша вышел по делам, а через полчаса вернулся с белым бумажным пакетом. Внутри лежал совершенно новый телефон и пара наушников. Паша сказал, что это на случай, если я захочу послушать музыку.

Оставляю телефон на тумбочке и прохожу через спальню, останавливаясь на пороге

гардеробной. Паша стоит перед полкой слева и роется в стопке футболок. Я бросаю взгляд на вешалку справа, где висят десятки его костюмов и рубашек в идеальном цветовом порядке — от черного до светло-серого. Прикусив нижнюю губу, подхожу к Паше. Медленно протягиваю руку к вешалке с угольно-серым костюмом. Рука дрожит, когда я прикасаюсь к элегантной ткани, снимая вещь с петли.

— Думаю, тебе стоит надеть его сегодня, — говорю я и поворачиваюсь к нему лицом.

Паша смотрит на костюм, который прижимаю к груди, затем наши взгляды встречаются.

— Малышка... Я не...

— Пожалуйста. — Я протягиваю ему костюм. — Ведь это ты. Я никогда не испугаюсь тебя, Паша.

Он глядит на меня с беспокойством в глазах, но берет костюм. Я улыбаюсь ему и иду к дальнему концу вешалки, где висят его рубашки. Провожу пальцами по вешалкам, пока не добираюсь до одной из белых рубашек, снимаю ее и возвращаюсь к Паше. Он кладет костюм на полку и берет рубашку из моих рук.

Медленно надевает рубашку, не сводя глаз с моего лица, словно ожидая, что я вот-вот испугаюсь. Уверена, что если он заметит хоть малейший след страха на моем лице, то через секунду снимет рубашку. Но он его не увидит. Он всегда будет моим Пашей, что бы ни надел.

Застегнув рубашку, он выжидает несколько мгновений, затем принимается за брюки. Наконец берет пиджак.

— Ты в порядке? — спрашивает Паша.

Я киваю и улыбаюсь. Когда он накидывает пиджак, поправляю ему лацканы.

— И еще кое-что, — говорю я и открываю стоящий позади меня ящик.

В нем лежит множество шелковых галстуков разных цветов, свернутых и уложенных в небольшие отделения. Я скольжу по ним взглядом, пока не нахожу галстук того же оттенка, что и его костюм. Как только протягиваю руку, чтобы достать его, в голове мелькает воспоминание меня, связанной на кровати. Я замираю на месте, а потом отгоняю это воспоминание, заменяя его мыслями о Паше. Паша обнимает меня в постели, гладит по спине. Паша придвигает коробку с хлопьями ближе к моей руке, побуждая меня сделать выбор. Паша несет меня домой, несмотря на то что я грязная и измазанная в масле. Как Паша мыл мне волосы. Вот Паша целует меня. Я обхватываю пальцами шелковистую ткань, вытаскиваю галстук и оборачиваюсь.

— Можно... можно я надену его на тебя? — с трудом выговариваю.

Он молча наклоняется и берет мое лицо в ладони. В его глазах странный взгляд — смесь озабоченности и настороженности, но есть и восхищение. И гордость.

Я набрасываю галстук ему на шею и начинаю завязывать узел, перекидывая широкую часть через тонкую. Пальцы дрожат, и ткань выскользывает из моих рук. Я делаю глубокий вдох, подхватываю развязанный конец и продолжаю работу. Закончив, отпускаю галстук и смотрю вверх. И тут понимаю, что Паша по-прежнему держит меня за лицо.

— Ты самая сильная женщина из всех, кого я знаю, — говорит он и прижимается к моему рту.

Поцелуй нежный, словно Паша боится, что я испугаюсь. Может быть, я и сломлена, но то, что от меня осталось, отчаянно его любит. Я не хочу, чтобы Паша сдерживался. Не хочу нежности. Я хочу его всего. Быстро обхватываю его за шею и прыгаю, цепляюсь за него, как

за дерево. Он мгновенно прижимается ко мне, поддерживая меня, пока я прикусываю его губу. Сильно.

— Я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью, — шепчу ему в губы. — И я не хочу, чтобы ты сдерживался.

— Хорошо, *mishka*, — говорит он между поцелуями. Они все еще нежные.

— Паша. — Я сжимаю волосы на его затылке. — Не сдерживайся. Мне нужно, чтобы ты не сдерживался. Обещай мне.

— Ася, детка, я не хочу...

Я прижимаю палец к его губам.

— Я не хочу чувствовать себя сломленной с тобой. Поэтому мне нужно, чтобы ты относился ко мне соответственно. Дай мне все, что у тебя есть. Пожалуйста. Обещай мне.

Паша крепко обнимает меня за талию.

— Обещаю, — говорит он и впиивается своим ртом в мой.

В вихре жестких, быстрых поцелуев и покусываний, и дуэли языков мы сплетаемся воедино губами в объятии. Он так крепко прижимает меня к себе, что, уверена, никакие вселенские силы не смогут нас оторвать. И я наслаждаюсь каждой секундой.

На задворках сознания играет мелодия «В пещере горного короля» Грига, когда мы в иступлении набрасываемся друг на друга. Я сжимаю руки на его шее. Мы не перестаем целоваться, пока Паша несет меня в спальню.

— Мне нужно раздеться, — шепчет он мне в губы и опускает меня на кровать.

Я киваю, неохотно освобождаясь от его объятий. Сначала он снимает пиджак и оставляет его на полу. Затем очередь галстука. Я вижу беспокойство в его глазах, когда Паша тянется к нему. Я провожу тыльной стороной пальцев по его щеке.

— Ты обещал.

Галстук тоже падает. За ним следом рубашка и брюки, и вскоре Паша стоит передо мной совершенно голый. Мой горный король.

Я прижимаюсь губами к его губам.

— А теперь, пожалуйста, помоги мне раздеться.

Глубоко вздохнув, я обхватываю Асю за талию. Неважно, что я обещал. Не могу заставить себя сделать что-либо, что может привести к провоцированию ее травмы, даже если придется отказаться от своего слова. Сосредоточившись на ее лице, я вцепился пальцами в пояс ее брюк и начал стягивать их вниз, дюйм за дюймом, мучительно медленно. Если замечу хотя бы малейшее беспокойство, мы остановимся. Затем провожу ладонями по ее ногам, поверх трусиков, и задираю подол ее топика. Ася улыбается и поднимает руки, и ее волосы рассыпаются по телу, когда топик снимается через голову. Расстегнув лифчик, Ася бросает его на пол и стоит передо мной в одних трусиках. Она старается выглядеть невозмутимой, но вижу в ее глазах сдерживаемый ужас. И еще — яростную решимость показать мне, что она не уступит, что бы я ни сказал. Я ласкаю ее лицо и наклоняюсь, пока мы не оказываемся нос к носу.

— За всю свою жизнь я ни разу не прикасался к такой чистоте, — говорю, не сводя с нее взгляда, — и я никогда ни за что не причиню тебе вреда.

— Я знаю, — произносит она, затем кладет ладони на мои и опускается на кровать,

увлекая меня за собой.

— Возьми меня за волосы, mishka.

Она переводит правую руку на мой затылок, пальцы перебирают пряди.

— Хорошо. А теперь я хочу, чтобы ты кое-что пообещала.

— Что?

— Даже при малейшем дискомфорте ты потянешь, и я перестану.

— Обещаю.

Я целую ее губы, подбородок и шею. Мой член настолько тверд, что причиняет боль, но не обращаю на это внимания и продолжаю осыпать ее тело поцелуями. Ее руку, плечо, ключицы, другую руку. Я собираюсь стереть поцелуями каждое злое прикосновение к ее коже. Добравшись до ее трусиков, на мгновение замираю, ожидая, не остановит ли она меня. Ася не возражает. Я прокладываю дорожку поцелуев от ее талии вниз, по ее все еще прикрытому лобку и обратно к животу. Ася свободной рукой скользит к кружевной ткани и сдвигает ее вниз. Я целую тыльную сторону ее руки, затем берусь за ее трусики и медленно стягиваю.

— Я никогда не причиню тебе вреда. — Захватываю ее слегка дрожащие губы своими. — Волосы, детка.

Она делает глубокий вдох и снова берется за мои волосы.

— Никогда, — повторяю, оставляя дорожку поцелуев от ее шеи до кончиков пальцев.

Как только провожу языком между ее ног, Ася учащенно дышит. Я продолжаю лизать, затем добавляю большой палец и начинаю ласкать клитор. С ее губ срывается слабый звук удовольствия, и я чувствую ее влагу на своем лице. Я лижу быстрее и продолжаю дразнить ее пальцем, пока не убеждаюсь, что она уже близка, и тогда присасываюсь к ее клитору. Ася выгибается дугой и стонет, по ее телу пробегает дрожь. Я осторожно опускаюсь над ней, но при этом опираюсь на локти. Ее глаза открываются, и наши взгляды встречаются.

— Да, — отвечает она на мой невысказанный вопрос и раздвигает ноги еще шире.

Медленно ввожу в нее член. И все это время я нерываю нашего зрительного контакта.

Дыхание у нее учащенное, зрачки расширены, но она не ослабляет хватку на моих волосах. Когда полностью вошел в нее, она ахнула, и ее губы растянулись в улыбке. А затем она ослабляет хватку и полностью отпускает мои волосы.

— Теперь мне нужно, чтобы ты сдержал свое обещание, — выдыхает она и целует меня в подбородок. — Мне нужно, чтобы ты любил меня свободно, не сдерживаясь и не боясь меня напугать.

— Ты — это ты, mishka. — Я выхожу из нее, останавливаясь и медленно вхожу обратно. — Совершенно идеальная... — Я отступаю, затем снова вхожу, но уже немного быстрее. — Ты такая, какая есть.

Сдерживать свои порывы почти невозможно, но я стараюсь и задаю темп, медленно наращивая, делая каждый толчок чуть быстрее и сильнее предыдущего. Ася обхватывает меня ногами и, наклонив подбородок, смотрит мне в глаза.

— Докажи мне это. — Она впивается ногтями в кожу моих рук. — Дай мне все.

Я мгновенно теряю контроль над собой. И погружаюсь в нее до самого основания. Ее тело начинает подрагивать.

— Еще, — задыхается она.

Я выхожу из нее и тут же снова оказываюсь внутри нее, упираясь в ее жар.

— Быстрее!

Хватая ее за горло, вхожу в нее — быстро и сильно, и вид ее раскрасневшегося лица навсегда запечатлевается в моей памяти. Кровать скрипит под нами. Я цепляю пальцами ее колено, приподнимаю ее ногу и раздвигаю ее колени шире, чтобы войти в нее еще глубже. Ася сжимает мои руки, затем поднимается вверх и обхватывает мою шею, притягивая мою голову для поцелуя. Я впиваюсь в ее губы, как изголодавшийся мужчина, и беру все больше и больше, не прекращая свои толчки.

Ася издает жалобный стон. Я полностью выхожу и какое-то время просто смотрю на нее, после чего снова вхожу в нее. Ее лоно спазмирует вокруг члена, а ее горячее дыхание обдувает мое лицо. Она вскрикивает, когда кончает. Услышав звуки ее наслаждения и увидев, как она достигает кульминации подо мной, я со стоном кончаю следом за ней.

Я снова в комнате с красными шторами. В воздухе витает тяжелый запах мужского одеколona. Руки привязаны к изголовью кровати, а надо мной нависает огромный мужчина. Капельки вонючего пота падают с его лба на мою грудь. Боль разливается по всему телу, когда он снова и снова входит в меня. Я кричу.

— Тсс. Это всего лишь сон, — слышу глубокий голос Паши. — Ты в безопасности.

Ужас отступает и полностью исчезает, когда он притягивает меня ближе к себе, крепко обхватывая за талию. Мне уже не так часто снятся кошмары, но если снятся, то очень страшные.

— Ты в порядке? — спрашивает Паша и целует меня в плечо.

Я переворачиваюсь на бок и оказываюсь лицом к его голой, покрытой татуировками груди. Светильник на тумбочке неярко горит, отбрасывая мягкое желтое свечение на черно-красные фигуры. Я поглаживаю линию черепа, залитого кровью. Один из многих. Только на груди у него, наверное, не менее десяти различных черепов. Остальные татуировки изображают столь же жуткие сцены.

У большинства мужчин в «Коза Ностра» имеются татуировки. Даже у моего брата есть татуировка на всю руку. Но вряд ли знаю кого-то, у кого бы была татуирована вся грудь, как у Паши.

— Почему так много? — спрашиваю я.

— Каждый по-своему справляется с тем дерьмом, которое подбрасывает ему жизнь. Это мой способ.

— С каким дерьмом?

Паша смотрит на меня снизу вверх и проводит кончиком пальца по уголку моих губ.

— С тем, когда ты никому не нужен. С заниженной самооценкой. Одиночество, — отвечает он, потом отводит взгляд. — Унижение. Голод.

Я растерянно смотрю на него. Очевидно, что у него водятся деньги. Его часы стоят не меньше двадцати тысяч.

— Я не всегда так жил, — говорит он, угадав мои мысли. Он снова смотрит на меня сверху вниз и проводит пальцем по моей брови. — Меня оставили на пороге церкви, когда мне было три года. Самое раннее воспоминание — это женщина, которая подвела меня по ступенькам к большой коричневой двери и сказала, чтобы я оставался там. Затем она ушла. Возможно, это была моя мать, но я не уверен. Я не помню, как она выглядела. Я вообще

ничего не помню до этих пяти каменных ступеней и коричневой двери.

Я провожу ладонью по его груди и рассматриваю рисунок на левой груди. На нем изображена темная двустворчатая дверь. Густые черные лианы несколько раз обвивают ее, как бы удерживая на замке. Детали поражают воображение, изображение почти фотографического качества.

— Это ты сделал? — Я указываю на рисунок.

— Да. Как и большинство остальных. За исключением тех, что на спине и в других местах, куда я не мог дотянуться.

— Могу я на них посмотреть?

Он поворачивается ко мне спиной. Снова черепа. Змеи. Много красных. Пауки. Какие-то странные крылатые существа. Стиль похож на те, что на его груди и руках, но они выглядят не так хорошо, как те, что он сделал сам.

— Их сделал для меня приятель по тюрьме, — добавляет он и снова поворачивается ко мне лицом.

Я вскидываю голову и смотрю на него.

— Ты сидел в тюрьме?

— Пару раз.

— За что?

— Полиция часто устраивала облавы в клубах, где проходили подпольные бои. Обвинения были самые разные — от нарушения общественного порядка до нападения. За последнее я отсидел четыре месяца.

— Но ты такой уравновешенный. Ты даже футболки по цветам сортируешь.

Он улыбается мне.

— Я все сортирую по цветам, *mishka*.

Кончиком пальца я провожу по его лицу. Какой суровый мужчина. Да, внешность бывает обманчива, ведь за его грубой внешностью скрывается удивительно красивая душа. Как может человек, переживший подобное, иметь такое большое сердце? Неужели оно достаточно велико, чтобы вместить и меня? Я наклоняюсь вперед и его целую. В тот момент, когда наши губы соприкасаются, моя душа начинает петь.

Сколько себя помню, музыка ассоциировалась у меня с чувством радости. Всякий раз, когда мне было плохо или страшно, я играла на пианино, которое купил мне Артуро. Иногда играла часами, пока грусть или страх не сменялись радостью. Сейчас мне кажется, что мои отношения с музыкой изменились. Мне больше не нужно играть, чтобы почувствовать себя лучше. Мне достаточно просто быть рядом с ним, с моим Пашей, и мелодия меня наполняет.

— Сколько тебе было лет, когда ты начал драться? — спрашиваю я.

— Восемнадцать.

— И хорошо получалось?

Паша смеется мне в губы.

— Вначале нет. Первые несколько месяцев из меня всю душу выбивали.

— Но ты продолжал этим заниматься?

— Заработок был хороший. И по мере того, как я становился лучше, зарабатывал все большие суммы. Поэтому я тренировался каждый день и старался быть лучшим.

— Значит, дело было в деньгах?

— Поначалу да, — говорит он, проводя пальцем по моему подбородку, — но было что-то... первобытное, что поднималось во мне, когда слышал, как люди радуются и

выкрикивают мое имя. В какой-то степени я стал от этого зависим. Меня это очень радовало. По крайней мере, какое-то время. Мне было двадцать три года, когда я вступил в Братву. Не могу поверить, что прошло уже больше десяти лет.

— Значит, ты перешел из бойцовского ринга в элитный клуб. Это большие перемены.

— Я начинал как солдат. Иногда выполнял поручения, но чаще всего меня посылали собирать долги. Я тогда даже оружия в руках не держал, поэтому Юрию пришлось учить меня стрелять, а потом давать более серьезные задания.

— Тебе нравится? Управлять ночным клубом?

— Вообще-то, двумя клубами. Большую часть времени я нахожусь в «Урале». Он побольше. Второй клуб, «Байкал», в основном используется для отмывания денег. Но да, мне нравится.

Я опускаю голову ему на грудь и глажу чернильную кожу его живота.

— Я никогда не была в клубе. Нью-йоркская семья не участвует в развлекательном бизнесе, поэтому Артуро разрешал нам с Сиенной ходить только в бары, принадлежащие кому-то из «Коза Ностры». Да и то редко.

— Почему?

— Он боялся, что с нами что-нибудь случится. Сиенна всегда причитала, какой он параноик. Наверное, он был прав.

Паша крепче прижимает меня к себе и гладит по спине.

— Каково это? — Его голос мягкий, почти благоговейный.

— Что?

— Иметь семью. Кого-то, кто останется с тобой, несмотря ни на что. Даже если ты совершишь ошибку. Даже когда ты злишься. Того, кто будет стоять на твоей стороне, даже если знает, что ты не прав. Иметь кого-то, кто... твой?

Взгляд его глаз... Я не могу его описать. Тоска. Голод. И столько грусти.

— Это как тепло, — шепчу я.

— Тепло?

— Да. Если ты оказываешься в холодном, бушующем шторме, они — те люди, которые сделают все, чтобы ты не замерз. Они обнимут тебя, укроют, окружат своим теплом, пока ледяной ветер бьет им в спину.

— Твоя семья такая же?

— Иногда с Сиенной и Артуро бывает трудно договориться. У нас троих очень разные характеры. Но да. Они оба такие.

— Расскажешь мне о них?

— Сиенна — это... сила природы. Она громкая. Непоседливая. В один момент она может смеяться, как сумасшедшая, а в другой — плакать навзрыд. — На моих губах заиграла грустная улыбка. — Сиенна любит притворяться, что она поверхностная. Выкладывает огромное количество фотографий в социальных сетях, носит нелепую одежду, которая обычно заставляет людей думать, что она немного причудлива. Иногда дает им понять, что она не очень умна.

— Почему?

— Понятия не имею. — Я провожу пальцем по линии его брови. — Моя сестра — самый умный человек из всех, кого я знаю, но вместо того, чтобы что-то делать со своим удивительным умом, она просто... валяет дурака. Единственное, что ее по-настоящему интересует, — это ее писательство.

— Что она пишет?

— Она никогда мне не показывала. — Я улыбаюсь. — Но я тайком заглядывала в ее тетради, когда мы были младше. Они были спрятаны в коробке под ее кроватью. Она пишет любовные романы.

— Любовные романы? — Паша приподнимает бровь. — И хорошо пишет?

— Ага. Очень хорошо. У Сиенны талант к выражению мыслей. Кроме английского и итальянского, она знает еще четыре языка. И она выучила их по прихоти.

— Не думаю, что я когда-нибудь слышал, чтобы кто-то выучил язык по прихоти.

— Моя сестра выучила базовый японский за месяц, причем самостоятельно только потому, что мальчик из школы назвал ее глупой. — Я смеюсь. — Ей тогда было четырнадцать.

Паша улыбается, но глаза его остаются грустными.

— Вот это талант. Большинству людей трудно выучить и один иностранный язык, не говоря уже о пяти. Я не люблю говорить по-русски. Я его полностью понимаю, но почти никогда им не пользуюсь.

— Я заметила. — Я прижимаюсь губами к его губам. — Почему?

— Потому что у меня английский акцент, если я говорю. Никто из детей в приемных семьях и школах не говорил по-русски, так что за это время я как бы... просто забыл его, наверное. — Он покусывает губу. — А что с твоим братом?

— Артуро такой же, как все старшие братья. Только в сто раз хуже.

— Защищает?

— До такой степени, что сводит меня с ума. Ему было двадцать, когда умерли наши родители, и он взял на себя их роль.

— А других родственников не было?

— У нас была тетя. Сводная сестра отца. Она предложила забрать меня и Сиенну к себе, чтобы мы с ней жили. Артуро отказался. — Я качаю головой. — Я волнуюсь за него. Думаю, у него что-то переклинило в голове, когда убили наших маму и папу, и он сосредоточил все свое внимание, помимо работы, на нас двоих. Ему тридцать три года, но он никогда не приводил в наш дом женщину. Я знаю, что у него было несколько отношений, мы даже познакомились с несколькими его подружками. Но ни одна из них не переступила порог нашего дома. Я думаю, что он был настолько сосредоточен на нашем воспитании, что забыл, что он не наш родитель.

— Почему ты не хочешь ему позвонить? Ведь очевидно, что он тебя любит.

— Потому что я тоже его люблю, — шепчу я. — Сначала думала, что он не сможет пережить то, что со мной случилось. Поэтому не хотела ему звонить.

— А сейчас?

— Сейчас я не хочу звонить, потому что знаю, как ему будет больно, если он узнает правду. Артуро сложит два и два, даже если я не расскажу ему всего. Он будет во всем винить себя. Я не могу этого допустить. У него и так много забот, и он уберет меня от многих бурь в моей жизни. — Пока я это говорю, мне приходит в голову еще кое-что. — Была одна девушка. В доме Долли. Я думаю, она могла быть русской. Ее привезли примерно через месяц после того, как забрали меня, но она исчезла за несколько дней до моего побега.

Его ладонь замирает на моей спине.

— Ты помнишь, как ее звали?

— Рада, или что-то в этом роде. Точно не помню. А что?

— Может быть... Руслана?

Я вскидываю голову.

— Да. Точно Руслана. Ты ее знаешь?

— Она была дочерью одного из бойцов Братвы.

— Была?

— Ее тело нашли примерно в то время, когда ты сбежала. Думаю, может за день или два раньше.

Я вздрагиваю и зарываюсь лицом в его шею. Она могла быть старше меня не более чем на год или два.

— У тебя будут неприятности из-за того, что ты не пошел сегодня в клуб? — спрашиваю, стараясь не думать о девушке с длинной светлой косой и о том, что на ее месте могла быть я.

— Я пойду завтра.

— А можно мне пойти с тобой?

Он целует меня в макушку.

— Конечно.

При выходе из лифта меня встречают мягкие переливы нежной мелодии. Я подхожу к двери квартиры и достаю из кармана ключи. В последнее время я все чаще притворяюсь, что забыл ключи, и звоню в звонок, желая услышать торопливые шаги Аси к двери. Когда открывает дверь, мне кажется, что Ася скучала по мне, хотя меня не было совсем недолго. Так приятно возвращаться домой и знать, что она меня ждет. Поэтому продолжаю делать вид, что забыл ключи, и каждый раз звоню в звонок.

Но сегодня не хочу отвлекать ее от игры. Открыв замок, захожу в квартиру. Ася сидит перед пианино, ее телефон лежит на подставке над клавишами. Наверное, она нашла в интернете новые ноты и их скачала. Надо бы купить ей настоящие нотные тетради. Нелегко следить за нотами на таком маленьком экране. Стараясь не шуметь, я оставляю пакеты с продуктами у двери и прохожу в гостиную. Прислоняюсь плечом к книжной полке справа и наблюдаю за ней.

Ее волосы распущены, и когда она покачивает головой в такт мелодии, они раскачиваются влево-вправо. Со своего места не вижу ее лица, но уверен, что Ася улыбается.

На сердце щемит. Заберет ли она пианино с собой? Потому что в конце концов она уедет. Я не буду обманывать себя, полагая, что Ася захочет остаться со мной, когда у нее и дом, и семья, и, возможно, куча друзей, и планы поступить в музыкальную консерваторию. Возможно, ее жизнь приостановилась из-за того, что с ней произошло, но она воспрянет духом. Я видел ее силу и решимость. Ее мужество. Все те черты, которые делают ее такой, какой она есть, — те самые, которые заставили меня так отчаянно в нее влюбиться, — они же и отнимут ее у меня.

Нам нужно поскорее добраться до клуба, если мы хотим прийти до открытия и избежать толпы, но не могу заставить себя попросить ее остановиться. Мелодия меняется, и она переключается на мою любимую «Лунную сонату». Не знаю почему я больше всего люблю именно эту сонату. Наверное, потому что именно она звучала, когда впервые услышал, как играет Ася. Я даже установил ее в качестве рингтона на телефоне. В отчаянии хватаюсь за шею. Надеюсь, она заберет пианино, когда будет уезжать. Потому что, если она этого не сделает, я разобью его в щепки.

— Если тебе станет хоть немного не по себе, дай мне знать, и мы уйдем. Хорошо?
Я киваю и сжимаю руку Паши.

Пока мы идем ко входу в клуб, я гляжу на темное небо, высматривая мелкие белые хлопья. Температура существенно понизилась, и в воздухе чувствуется бодрящий морозец. Снежинки не давали мне покоя с того момента, как мы покинули дом Паши, вместе с нарастающей паникой. Я чуть было не спросила Пашу, можно ли вернуться к нему, опасаясь, что пойдет снег. Я думала, что мне становится лучше. В некотором смысле так оно и было. Но думая о земле, покрытой изморозью, сердце у меня начинает биться в два раза быстрее,

чем обычно.

Мужчина у входа открывает нам дверь, когда мы подходим. На нем расстегнутое черное пальто, под которым виднеется черный костюм. Я крепче сжимаю Пашину руку и заставляю себя улыбнуться вышибале.

Паша ведет меня через просторное помещение, оформленное в черно-серых тонах. По краям пустого танцпола стоят высокие столы. Вдоль стены на возвышении расположены несколько просторных кабинок с роскошными кожаными креслами. Вокруг тишина и безлюдно, лишь девушка убирается за одной из кабинок, а звук наших шагов отражается от стен.

Добравшись до противоположного конца зала, мы поднимаемся по лестнице на верхний уровень. Это помещение оформлено как своеобразная галерея. От пола до потолка стеклянная стена нависает над танцполом, открывая взору стоящего здесь человека весь интерьер клуба. Мы входим в комнату, где перед блоком мониторов, на которых видны ракурсы различных зон клуба, сидит мужчина лет сорока. Паша кивает мужчине и направляется к другой двери справа.

Внутри следующей комнаты я замечаю блондина лет двадцати, сидящего за столом, заваленным бумагами. Он что-то бормочет про себя, глядя на экран компьютера перед собой. Его стриженные волосы взъерошены, что нисколько не умаляет его красоты. Всего несколько месяцев назад, увидев его, я бы покраснела. Но это было до того, как я встретила Пащу. Может быть, этот парень и привлекателен, но его внешность не имеет для меня никакого значения.

— Вижу, ты, наконец-то, решил заглянуть на огонёк, — ворчит мужчина, затем отрывается от экрана и смотрит на меня невероятно большими глазами.

— Костя, это Ася, — говорит Паша и ведет меня вокруг стола, пока мы не оказываемся перед его другом. — Где договоры, которые я должен подписать?

Костя опускает взгляд на мою руку, сцепленную с Пашиной, и снова переводит его на мое лицо. От удивления он высоко приподнимает брови.

— Константин, на меня смотри! — кричит Паша.

— Твою мать, мужик! — Костя морщится. — Давай без этого. Только моя бабушка называет меня полным именем, обычно когда я что-то натворил.

— Контракты. Живо.

— Что, нафиг, на тебя нашло? Ты что, вместе с гардеробом сменил и личность? Господи! — Он достает из ящика стола пачку бумаг и бросает их на стол перед Пашей. — Вот.

Паша начинает подписывать договоры, но левой рукой все время держит мою. Сегодня он в джинсах и черном свитере. Я пыталась уговорить его надеть костюм, но он отказался.

Костя делает вид, что занят чем-то на экране компьютера, но я замечаю, как он каждые несколько секунд бросает на меня быстрый взгляд.

Закончив подписывать, Паша сдвигает бумаги на середину стола и выпрямляется.

— Это все?

— Ага.

Паша кивает и идет к выходу. Я машу рукой его другу и иду следом. Мы уже на пороге, когда Костя окликает:

— Ой, Паша! Может, заглянешь потом на старый склад?

— Зачем?

— Мы поймали одного из людей Джулиана. Бекима. Михаил будет его допрашивать. Паша напрягается. Он медленно поворачивается и смотрит на своего друга.

— Позвони Михаилу. Скажи ему, что он может сегодня остаться дома с семьей.

— Что? И кто будет его допрашивать?

Паша смотрит на меня сверху вниз.

— Я.

Когда прихожу на склад, меня уже ждет Костя. Он прислонился к стене и возится с телефоном. В другом углу, лицом к полу, лежит мужчина лет тридцати. Его ноги обмотаны серебрястым скотчем вокруг лодыжек и коленей. Руки связаны за спиной, а во рту грязный кляп.

В воздухе даже спустя столько лет все еще витает слабый запах горелого дерева. Это один из складов, который итальянцы пытались сжечь до подписания перемирия. С тех пор подвал в особняке пахана не используется — его жена не любит запах крови в своем доме, поэтому мы решили оставить этот склад как есть и проводить здесь допросы.

Я бросаю взгляд на солдата, стоящего в нескольких шагах от «нашего гостя», и киваю головой в сторону выхода.

— Уходи. Я позову, когда закончу.

Мужчина кивает и направляется к выходу.

Не теряя времени, я хватаю человека Джулиана за куртку и оттаскиваю его от стены, освобождая место для маневра. Он скулит и начинает извиваться, а потом стонет, когда бросаю его на пол. Я ставлю ногу ему на спину и обхватываю его большой палец. Звук ломающихся костей сменяется приглушенным, болезненным хныканьем. Я сильнее нажимаю на ногу и беру его следующий палец.

— Надо попросить Михаила, чтобы он провел для тебя краткий курс пыток, — говорит Костя со своего места у стены. — У нас правило: сначала задавай вопросы — потом начинай ломать.

Еще один щелчок.

— У нас разные методы, — говорю я, продолжая.

Сломав все десять пальцев, я оставляю мужчину рыдать на земле и беру со стола нож. Снова наступаю ему на спину и перерезаю скотч, связывающий его запястья. Мужчина корчится, пытаясь вырваться. Я хватаю его за правое предплечье одной рукой, за ладонь — другой, и кручу их в разные стороны. Мужчина вскрикивает, обхватывая тряпку, и его запястье щелкает. Я повторяю это действие с другой рукой.

Затем думаю о том, чтобы переломить ему лодыжки, но не хочу рисковать тем, что он потеряет сознание. Перевернув его пинками, выдергиваю тряпку у него изо рта.

— Душку распространяет новые наркотики? — спрашиваю я.

— Нет, — задыхается мужчина. — Это Джулиан. Его зять.

— Джулиан так же вовлечен в сеть элитной проституции?

— Да. Он ею руководит.

— Душку знает?

Он качает головой и хнычет. Я наступаю ботинком на его сломанные пальцы правой руки и со всей силы давлю.

— Он не знает! Это все Джулиан и его друзья из колледжа!

— Что ты знаешь о русской девушке, которую нашли мертвой несколько месяцев назад?

У нее в организме нашли ваш препарат.

— Это несчастный случай, — причитает он. — Клиент был слишком груб, и она умерла. Нам нужно было избавиться от нее и убедиться, что она не связана с нами через наши наркотики. Поэтому мы накачали ее героином.

Я надавливаю пяткой на его горло, наслаждаясь его придушенным звуком.

— Ты скажешь моему другу имена и адреса всех, кто замешан в этой схеме. Включая клиентов. Даже чертову уборщицу. Не забудь так же сообщить о женщине — Долли, отвечающей за девочек. И адрес, где вы их держите.

Он кивает.

— Мне также нужны имена мужчин, похитивших девочек.

— Этим занимается Роберт, — хрипит он, когда я немного ослабляю нажим ногой.

Роберт. Ублюдок использует свое настоящее имя, когда соблазняет девушек.

— Американец? — спрашиваю я.

— Да. Он уже три года работает на нас. Его привел Джулиан.

— Фамилия и адрес.

Он выдает информацию, а я ее запоминаю.

— Костя, — зову я. — Наш гость готов к разговору. Иди сюда, записывай и передай все Максиму.

Я бросаю последний взгляд на лежащего на полу человека.

— Если ты случайно забудешь какое-то имя, я вернусь и закончу начатое. И удостоверюсь, чтобы ты не потерял сознание, пока я не закончу.

Выйдя со склада, я звоню Асе и сообщаю, что вернусь только через пару часов. В машине ввожу в навигационную систему адрес, который дал мне Беким.

Похоже, сегодня у меня состоится еще одна беседа.

Я просыпаюсь от того, что чьи-то пальцы перебирают мои волосы. Рядом со мной на кровати лежит Паша, одетый в ту же одежду, что и накануне вечером.

— Когда ты вернулся?

— Пять минут назад, — отвечает он и продолжает гладить меня по волосам. — Мне нужно показать тебе фотографию одного человека.

— Хорошо. — Я киваю. На днях он уже показал мне фотографии более десятка мужчин, спрашивая, не узнаю ли я кого-нибудь, но ни один из них не показался мне знакомым.

Паша выпускает мои волосы и тянется через меня к тумбочке за телефоном. Я беру телефон, когда он протягивает его мне, и смотрю на экран. На нем изображение человека, подвешенного вверх ногами к потолку. Не могу разглядеть его лицо, поэтому увеличиваю масштаб. Телефон чуть не выскользает у меня из рук.

— Это он? Тот, кто тебя похитил? — спрашивает Паша напряженным голосом сквозь стиснутые зубы.

Я сглатываю желчь, внезапно поднысывая к горлу.

— Да.

Паша кивает и забирает телефон из моих рук. Он берет меня за подбородок и наклоняет мою голову, пока наши взгляды не встречаются.

— Мы узнали все имена. Всех, кто был в этом замешан. Братва разберется с остальными членами этой организации, но я сказал пахану, что этот — мой. — Он прижимается лбом к моему лбу. — Ты сказала, что хочешь посмотреть.

— Что?

— То, как он умирает. Медленно. Пока я буду отрезать от него кусочек за кусочком.

Я смотрю в его серые глаза и беру Пашу за лицо.

— Да.

Паша кивает.

— Я сейчас приму душ и переоденусь. А потом мы поедem.

* * *

Дорога заняла два часа езды к западу от города, к ветхому дому, больше похожему на сарай. Паша паркует машину и поворачивается ко мне, беря меня за руку.

— Если ты передумала, я отвезу тебя обратно, — говорит Павел. — Ничего страшного, если ты не сможешь выдержать еще одну встречу с этим ублюдком. Я вернусь вечером и сам с ним разберусь.

Я смотрю сквозь лобовое стекло на дом. Человек, который разрушил мою жизнь и помутил мой разум, находится за этой деревянной дверью. Как только увидела его лицо на Пашином телефоне, началась паника, которая увеличилась в десятки раз, пока мы ехали сюда. От одной мысли о том, что я снова увижу его, меня тошнит, но мне это нужно. Мне нужно отомстить. Может быть, увидев его смерть, я смогу вновь стать собой.

— Я готова.

Первое, что замечаю, когда Паша открывает дверь в дом, — это вонь, смесь рвоты и

мочи. Такая вонь, что мне едва удастся не опустошить свой желудок. Внутри темно. Окна закрыты ветхими занавесками или прибитыми досками, и единственное освещение — солнечный свет, проникающий через открытую дверь. Я слежу за Пашей, когда он делает два шага влево, и изо всех сил сжимаю его руку. Когда он включает свет, раздаётся щелчок. Звук едва слышен, но в голове он отдаётся, как взрыв. Я хочу повернуться и посмотреть этому мудаку в лицо, но не могу заставить себя пошевелиться.

— Все хорошо, mishka. — Паша обнимает меня и прижимает лицом к своей груди. — Он больше не сможет тебя обидеть. А я сделаю так, что он больше никому и никогда не причинит вреда.

Я глубоко вдыхаю, наслаждаясь Пашиным запахом. От него веяло надёжностью. И любовью. Так легко попросить убить этого сукиного сына за меня. Но в глубине души знаю, что должна сама сыграть эту мелодию.

— У тебя есть пистолет? — бормочу Паше в грудь и чувствую, как он замирает.

— Да.

— Можно мне его взять? Пожалуйста.

Он разжимает объятия и проводит ладонями вверх по моим рукам, пока не достигает моего лица.

— Ты не должна. Я прослежу, чтобы он страдал.

Я прижимаю к его щеке ладонь. Мой Паша. Всегда готов сражаться за меня.

— Пожалуйста.

Он на секунду закрывает глаза, лезет в куртку и достаёт пистолет.

— Ты умеешь стрелять?

— Нет.

— Хорошо. Держи вот так. — Он вкладывает оружие в мою руку и переводит мои пальцы в правильное положение. — Он на предохранителе. Когда будешь готова, сними его. Вот так. Ты должна держать пистолет крепко.

Я смотрю на пистолет. Он тяжёлый. Гораздо тяжелее, чем я ожидала. Сглотнув, поворачиваюсь лицом к человеку, разрушившему мою жизнь.

Он все еще в той же позе, что и на фотографии. Ногами привязан к верхней балке, руки болтаются. Однако что-то с ними не так. Они свисают под неестественным углом. Трудно поверить, что это тот самый человек, с которым я познакомилась в баре. Он весь в грязи, одежда в нескольких местах порвана. На обнаженной коже засохшая кровь, испачкавшая рубашку и пол под ней. Глаза у него закрыты, одна сторона лица опухла. Он не двигается. Я бы подумала, что он уже мертв, но вижу, как поднимается и опускается его грудная клетка.

Я столько раз представляла себе этот момент. Мечтала заставить его заплатить за каждую чертову секунду моей боли. Думала, что если мне когда-нибудь представится возможность отомстить, захочу, чтобы он страдал так же, как я. Но сейчас, видя его таким, мне просто хочется, чтобы все закончилось.

Я быстро преодолеваю расстояние между нами и встаю перед ним. Его голова оказывается на одном уровне с моей грудью, и вблизи запах становится еще сильнее.

— Надеюсь, ты будешь гореть в аду, — выпаливаю я и плюю ему в лицо. Роберт распахивает глаза, встречаясь с моими. Я щелкаю предохранителем и прижимаю ствол к его переносице.

И нажимаю на курок.

В комнате раздается громкий выстрел.

Я обхватываю Асю левой рукой за талию, отводя ее в сторону, чтобы тело покойника ее не задело, когда оно по инерции качнется обратно. Ася, кажется, даже не заметила, что я стою у нее за спиной. Выхватываю у нее из рук пистолет, ставлю его на предохранитель и вместе с ней на руках выхожу из здания.

Дойдя до машины, бросаю пистолет на заднее сиденье, ставлю Асю на землю и поворачиваю ее лицом к себе. Ее рука и рукав желтого пальто в брызгах крови. Я расстегиваю и снимаю с нее пальто, кидая его тоже на заднее сиденье. Затем стаскиваю с себя куртку, просовываю руки Аси в рукава и застегиваю молнию. Ася ничего не говорит, пока я ее одеваю. Смотрит перед собой, а в глазах пустота. Мне кажется, она даже меня не видит.

Мне не следовало позволять ей это делать. В тот момент, когда она взяла пистолет и повернулась к этому сукину сыну, я не сомневался, что она передумает. Не думаю, что звук выстрела когда-либо так сильно меня потрясал.

— Mishka, — говорю ей, вытирая кровь с ее руки о перед своей толстовки. — Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Ася растерянно моргает. Ее глаза остаются расфокусированными.

Белая пушистая снежинка приземляется на щеку. За ней падает еще одна. Я смотрю на небо. Пошел снег. Быстрым движением натягиваю ей на голову капюшон куртки.

— Пойдем домой, детка.

* * *

Пока мы доехали до дома, легкий снег превратился в настоящую метель. Ася провела все два часа езды, подогнув ноги под себя и прислонив голову к моему плечу.

— Мы приехали, — сообщаю я.

Она кивает, выпрямляется, но глаза не открывает. Я выбираюсь из машины и обхожу ее спереди. Однако, когда распахиваю пассажирскую дверь, Ася не делает никаких попыток сдвинуться с места.

— Давай занесем тебя в дом. — Я беру ее на руки.

Ветер дует мне в лицо, ослепляя снегом глаза, пока несу ее к входу в здание. Парковка находится всего в сорока метрах, но к тому времени, как мы доходим до дверей, оба уже покрыты снежными хлопьями.

Как только переступаю порог квартиры, усаживаю Асю и снимаю с нее куртку. Затем и свою толстовку. Она, как и куртка, черная, и снег еще не успел с нее растаять. Бросив толстовку за спину, приседаю, чтобы расшнуровать ботинки Аси. Мне нужно еще раз позвонить знакомому психологу и спросить, что делать. Я не могу сказать ей, что позволил Асе убить человека, но мне необходим какой-нибудь совет. А вдруг Ася регрессирует? Ее молчание меня пугает.

Когда расшнуровываю второй ботинок Аси, чувствую ее руки на своих волосах. Медленно поднимаю голову и вижу, что она смотрит на меня со странным выражением в глазах.

— Не надо было давать тебе пистолет, — шепчу я. — Прости меня, детка.

Ася мотает головой из стороны в сторону и скользит руками по моей шее и дальше, по

спине. Захватив в горсть футболку, она стягивает ее через мою голову, а затем начинает расстегивать пуговицы на своей кофточке. Я смотрю, как Ася снимает ее, лифчик и принимается за пуговицу джинсов. Я все еще сижу перед ней, когда она отбрасывает в сторону сброшенную одежду и предстает передо мной голой.

Взяв мою руку в свою, она тянет меня вверх и расстегивает пуговицу на моих джинсах. Я не могу оторвать от нее глаз, пока она снимает с меня туфли и остальную одежду, оставляя нас обоих голыми.

— Ася, детка? — Стоило мне протянуть руку, чтобы погладить ее по лицу, как она запрыгивает на меня. Я едва успеваю подхватить ее под бедра. Она обхватывает меня за шею руками, а ногами обвивает мою талию, прикасаясь губами к раковине моего уха.

— Да, Pashenka? — шепчет она.

Я шумно вдыхаю. Никто никогда не называл меня так. Пахан и еще несколько человек называют меня полным именем, а все остальные — Пашей. Но никто никогда не называл меня уменьшительным ласкательным именем. В России так обычно называют самых близких людей и мужей.

— Откуда ты знаешь про это ласкательное имя?

— Я нашла сайт с русскими именами, — говорит Ася и целует меня в шею. — Там упоминалось, что это очень личное и ласкательное имя, и лучше спросить разрешения, перед тем как кого-то так называть. — Она проводит губами по моему подбородку. — Ты мне разрешаешь так к тебе обращаться?

— Да, — шепчу я.

Она замирает на расстоянии вдоха от моего уха.

— Я хочу, чтобы ты меня трахнул, Pashenka.

Услышав ее просьбу, я возбудился, член затвердел. Развернувшись, прижимаю ее к входной двери. Я чувствую на своем прессе возбуждение Аси, и мне требуется все мое самообладание, чтобы не вогнать в нее член. Ася прикусывает нижнюю губу, и мой самоконтроль разлетается вдребезги. Я опускаю ее на член, поглощая ее трепетное дыхание, когда ее заполняю. Она стонет мне в губы, а потом сжимает мои волосы, когда выхожу из нее.

— Сильнее. — Ее тихое хныканье превращается в крик, когда снова в нее вхожу.

Я чувствую ее тепло, и это похоже на возвращение домой. Не думаю, что до встречи с Асей понимал, что означает это слово. Но это: она, прижатая к моему телу, ее руки в моих волосах, ее губы, прильнувшие к моим губам, — все это похоже на дом. Она и есть мой дом. Сжав ее бедра, я сильно толкаюсь, желая запечатлеть себя на ней. Чтобы хоть как-то обозначить ее как свою.

— Сильнее. — Она стонет и впивается зубами в мое плечо.

Я уже давно потерял способность к рациональному мышлению. Повинуясь инстинкту, разворачиваюсь и несую ее через всю комнату к обеденному столу. Не обращая внимания на аккуратные стопки финансовых документов, над которыми я вчера трудился, опускаю Асю прямо на один из договоров. Она такая мокрая, что бумага под ее попкой мгновенно намокает.

— Ложись, детка. — Обхватываю ее за колени и подтягиваю ближе, ставя ее ноги на край стола. Она смотрит на меня поверх раздвинутых ног, и на ее лице появляется ухмылка.

— Я жду, — говорит она.

Я улыбаюсь, подхожу ближе и упираюсь головкой члена в ее вход, лаская большим

пальцем клитор. Ася судорожно вдыхает. Я дразню ее клитор легкими круговыми движениями, а затем медленно проникаю в нее, усиливая давление большим пальцем. Еще до того, как полностью вошел в нее, ее тело начинает подрагивать. Член болит — настолько он тверд, — но я продолжаю медленные движения, наблюдая за тем, как Ася выгибается на столе, и наслаждаясь каждым ее звуком удовольствия. Сделав последний круг по ее клитору, я беру ее за лодыжки и медленно выпрямляю ее ноги в идеальную букву V.

— Сильнее! — кричит она.

Я закидываю ее ноги к себе на плечи и снова вхожу в нее. Она вскрикивает от удовольствия, и ее тело сотрясается от оргазма. Я чувствую, как ее мышцы сжимаются вокруг моего члена, и от этого по спине пробегает дрожь. С рыком я кончаю в нее.

* * *

Я перебираю волосы Аси, потом не спеша провожу ладонью вверх-вниз по ее спине. Она спит на мне уже два часа. Мне тоже не мешало бы поспать. Всю предыдущую ночь я выискивал ублюдка, а поймав его, выбил все дерьмо из того, кто обидел мою девочку. Но я не могу заснуть. Все время думаю об Асе, о том, как она нажала на курок.

Такое ощущение, что с этой пули начался обратный отсчет. Человека, который разрушил ее жизнь, больше нет. Роман заверил меня, что с остальными членами организации разберутся, и я уверен, что завтра к этому времени они все будут мертвы.

Я гляжу на спящую Асю на моей груди. Обычно она ворочается во сне, но с тех пор, как заснула, ни разу не пошевелилась. Я натягиваю одеяло на ее бедра и полностью ее укрываю.

Сколько времени у нас осталось? В последние несколько недель ей стало гораздо лучше, и мне практически не приходится помогать ей принимать решения. Мужчины в костюмах по-прежнему вызывают у нее дискомфорт, но она уже и это давно преодолела. Кошмары прекратились, и единственное, что ее по-прежнему беспокоит, — это снег. Я чертовски ею горжусь.

Но как бы ни были хороши ее успехи, они подпитывают поднимающийся во мне страх. Сегодня она скажет мне, что ей пора уходить? Или завтра? Я уже несколько недель как перестал убеждать ее связаться с братом. Уверял себя, что сделал это, чтобы дать ей время и пространство для выздоровления, но я обманывал себя. Я сделал это, потому что хочу, чтобы она осталась. Навсегда.

Пока смотрю на спящую Асю, от ее присутствия в моей груди не так сильно зияет дыра, но в голове раздается звук тикающих часов. Отсчитывая дни, а может быть, и часы, которые остались у меня с ней.

Тик. Так.

Тик. Так.

— Ты уверена, Ася? — спрашиваю я, держа дверь машины открытой для нее.

— Нет. — Она берет меня за руку и выходит из машины. — Но я все равно должна это сделать.

— Хорошо, детка.

Взяв Асю за руку, иду к черному входу клуба «Урал». Я все еще не уверен, что это хорошая идея — приходить в клуб в те часы, когда он открыт для посетителей. Все-таки это не то же самое, что пойти в торговый центр. Здесь в небольшом помещении будет больше народу, все теснятся друг к другу. А поскольку «Урал» — место более элитное, большинство посетителей клуба будут одеты в стильную одежду, в том числе мужчины — в костюмы. Я понимаю, что ей нужно справиться со своими страхами, но мне не нравится, что она по какой-то причине будет испытывать стресс. Я хочу оградить ее от неприятностей. Но Ася настаивает уже две недели, и я наконец сдался.

Мы оставляем одежду в гардеробе и входим в зал. Народу уже больше сотни. Ася обхватывает меня за предплечье, прислоняется к моему боку, но не отступает, пока мы идем по танцполу в противоположный угол, к лестнице, ведущей на верхний этаж. Я сказал персоналу убрать столики с этого места. Мы уже на полпути к цели, когда из VIP-кабинки мне машет рукой мужчина, а затем направляется в нашу сторону. Дамиан Росси. Брат чикагского дона. Он пробирается сквозь толпу и встречает нас у лестницы.

— Павел, я тебя искал. Что скажешь об аренде этого места на ночь? — Он усмехается и смотрит на Асю, протягивая ей руку. — Я Дамиан.

— Привет, — тихо здоровается она, но не делает ни малейшего движения, чтобы пожать ему руку.

Я едва сдерживаю желание сказать итальянцу, чтобы он шел к черту, но Ася, кажется, в порядке. Не хочу, чтобы она подумала, что я сомневаюсь в ее способности справиться с ситуацией. Она сказала, что справится, и если я не замечу беды, то не стану вмешиваться.

— Арендуют только члены Братвы, — отвечаю я. — А по какому поводу?

— О, ничего особенного. Мы с друзьями хотим устроить вечеринку и подыскиваем место для ее проведения. — Он пожимает плечами, потом оборачивается к Асе, лучезарно улыбаясь. — Не хотите ли прийти, *bellissima*? Я не знаю, как вас зовут.

Ася крепко держит меня за предплечье.

— Уходи, Дамиан, — резко говорю я.

— Что? Я просто...

Я хватаю его за грудки.

— Повернись и уходи. Прямо сейчас, — рычу я сквозь зубы.

Он растерянно смотрит на меня и поднимает руки.

— Ладно, чувак. Не надо ссориться, особенно перед дамой.

Я отпускаю его рубашку и смотрю, как он идет обратно к своей кабинке.

— Хочешь уйти? — Я смотрю на Асю.

— Я в порядке. — Она улыбается мне. — Давай останемся ненадолго.

Когда мы доходим до намеченного места, я прислоняюсь к стене и тяну Асю, чтобы она встала между моих ног, прижавшись спиной к моей груди. На ней джинсы и простой топ без рукавов с высоким вырезом. Ткань — мягкая легкая шерсть, такого же оттенка, как и ее волосы.

— Все в порядке? — спрашиваю я, обхватывая ее за талию.

— Да.

Мы стоим в тишине и наблюдаем за людьми около десяти минут. Сначала она кажется расслабленной, но потом все больше прижимается ко мне. Ее руки накрывают мои, стискивая мои пальцы.

Я наклоняю голову, пока мой подбородок не оказывается на ее плече.

— Поговори со мной.

— Я в порядке. Просто немного беспокоюсь. Здесь много людей.

— Хочешь уйти?

Несколько мгновений она, кажется, не может определиться, но потом качает головой.

— Пока нет. Немного не по себе, но я справлюсь. Я хочу побыть здесь подольше.

Я стискиваю зубы. Не хочу, чтобы она была рядом с чем-то, что вызывает у нее дискомфорт. И мне, конечно, не нравится, что она чувствует себя неудобно. Если она хочет остаться, хорошо. Но это будет на моих новых условиях. Я разворачиваю ее, хватаю за бедра и поднимаю.

Она вскрикивает от неожиданности, сцепляя ноги за моей спиной.

— Папа?

Я становлюсь лицом к стене, прижимаю ее к ней и даю ей возможность видеть танцпол.

— Ну вот, теперь ты можешь и дальше смотреть, — бурчу я.

Ася вскидывает брови и улыбается.

— А мне новый вид нравится даже больше. — Она прижимается губами к моим. — Гораздо больше.

Я прикусываю ее нижнюю губу. Ася вдыхает и крепко обхватывает меня ногами. Член наливается. Я чувствую ее жар рядом с моим твердым членом, и твердею еще больше. Ася обнимает меня за шею и покусывает мой подбородок.

— Может быть, мы все-таки вернемся домой, — говорит она мне в губы. — Что скажешь, Pashenka?

Я ничего не отвечаю, просто разворачиваюсь и несу ее к выходу.

Я чуть не споткнулась, пытаюсь выпутаться из штанов, не отпуская шею Паши. Мои туфли и топ где-то в гостиной, как и его джинсы и футболка. Не уверена, но думаю, что наша верхняя одежда может валяться в коридоре перед лифтом. Наконец освободившись от джинсов, я иду спиной к кровати, пытаюсь одной рукой расстегнуть лифчик. Папа стаскивает с себя боксеры, обхватывает меня за талию и бросает на кровать. В конце концов, я оказываюсь распростертой на его груди.

— Я хочу кое-что попробовать с тобой, — говорю я и чмокаю его в подбородок. — Я видела это в интернете.

— Что?

— Эмм... одну позицию. — Я озорно улыбаюсь и закусываю нижнюю губу.

Паша поднимает бровь.

— Да? Что-то конкретное?

Он скользит руками по спине и сжимает мою попку. Под его ладонями каждый дюйм моей кожи словно под напряжением. Мне до сих пор трудно поверить, что мне нравится, как он прикасается ко мне. Целует меня. Занимается со мной любовью. Поначалу я боялась, что в какой-то момент могу сойти с ума, забуду, кто он такой, и вздрогну от его прикосновения. Первое время эти мысли не давали покоя. Меня пугала возможность нечаянно причинить ему боль, если я непроизвольно отпряну, заставив его подумать, что он сделал что-то не так. Теперь я этого не боюсь. И тело, и разум узнают его, что бы ни происходило. Даже когда он груб. Даже когда он прижимает меня к стене и берет сзади. Нет ни капли страха. Только умопомрачительное удовольствие.

— Да. — Я ухмыляюсь и чувствую, как пылают мои щеки.

Паша проводит руками по моей спине, затем берет мое лицо между ладонями и притягивает к себе для поцелуя.

— Повернись.

— Знаешь, что у меня на уме?

— Судя по тому, как покраснело твое лицо, я практически уверен, что знаю. Он прикусывает мою губу. — Давай, дай мне свою красивую киску.

Я переворачиваюсь лицом к его члену, оставляя себя открытой для его рта. Паша хватается за ягодицы, притягивая ближе, и зарывается лицом между моих ног. Языком он обводит мой вход, затем проникает внутрь, из-за чего я ахаю. Руки дрожат от переизбытка ощущений, и я тянусь к его члену. Сжимаю его твердую длину и беру головку в рот. Паша меняет темп — медленные облизывания и поцелуи превращаются в неистовые, он словно поедает меня как десерт. Ощущения от его языка и члена у меня во рту не сравнимы ни с чем, что я испытывала раньше. Он добавляет пальцы, затем щиплет клитор, и я кончаю ему на лицо.

Мне требуется несколько мгновений, чтобы оправиться от кайфа, и тогда я втягиваю его глубже в свое горло, а он продолжает слизывать мои соки. Его дыхание затруднено. Я вижу, что он близок к оргазму. Не спеша оторвав рот от его твердого члена, поворачиваюсь к нему лицом. Переведя взгляд на Пашу, располагаюсь над его возбужденным членом и медленно опускаюсь, восхищаясь тем, как он заполняет меня. Паша обхватывает меня за горло и не отпускает, пока я объезжаю его, а он смотрит в мои глаза, не мигая. С его губ срывается прерывистый вздох, мышцы на груди напрягаются под моими ладонями, но именно выражение его лица приковывает мое внимание. Его губы сжаты. Кажется, что он хочет что-то сказать, но сдерживается.

— Что случилось, Pashenka? — спрашиваю я, приподнимая попку и опускаясь обратно, и тут же стону, когда он глубоко вгоняет в меня член.

Паша крепко держит меня за горло, но не произносит ни слова. Он врывается в меня снизу с такой силой, что я теряю равновесие. В следующее мгновение я оказываюсь на спине, а Паша лежит на мне. Он продолжает обхватывать мою шею, при этом толкаясь так быстро, что мое тело содрогается, и я едва успеваю набирать воздух в легкие. Я люблю, когда он теряет самоконтроль и трахает меня жёстче. Нет ничего лучше, чем когда мы кончаем вместе. Это заставляет меня чувствовать себя сильной, бесстрашной и счастливой, как никогда раньше. Я хватаю его за руки и выкрикиваю его имя, когда наступает очередной оргазм.

Из гостиной доносятся медленные, эмоциональные ноты. Я открываю глаза и смотрю в потолок. Совсем недавно она играла Бетховена «К Элизе». Я не знаю, как называется эта мелодия, и редко спрашиваю, потому что мне больше нравится, когда Ася рассказывает сама. Ее музыка — это очень личное, поэтому то, что она делится чем-то таким сокровенным без моей просьбы, задевает в моей душе глубокие струны. С самого начала я привык ничего не спрашивать в своей жизни, и это вошло в привычку. Зачем что-то спрашивать, если ответ почти всегда отрицательный? Да, возможно, будет другой исход, но, наверное, я предпочитаю не спрашивать, чем иметь дело с разочарованием.

Первые несколько лет в приемной семье я постоянно задавал одни и те же три вопроса. Звонила ли моя мама? Кто-нибудь звонил и искал меня? Вернется ли моя мама? Ответ всегда был отрицательным. Затем вопросы изменились. Есть ли у меня другая семья? Выберет ли меня другая семья, как некоторых других детей? Как того дебошира, мальчика, который постоянно дрался с другими мальчиками в одном из домов, где я жил. Я не помню его имени. Может быть, Кейн? Или Кай? Двое других приемных детей попали в реанимацию, когда дразнили его за длинные волосы. Этот сумасшедший ублюдок откусил ухо одному и вонзил вилку в шею другому. После этого мальчик исчез, и мы все думали, что он попал в колонию или психиатрическую лечебницу. Но спустя несколько месяцев я услышал, как социальные работники сказали, что его усыновили. И я стал изо дня в день приставать к приемным родителям и социальным работникам с вопросом, не усыновит ли кто-нибудь и меня. Я спрашивал и спрашивал, пока моему приемному отцу это не надоело, и он не крикнул мне в лицо, чтобы я перестал задавать идиотские вопросы. Я последовала его совету.

Неужели из-за страха отказа мне так трудно попросить Асю остаться со мной? Вчера вечером я почти это сделал. Мне так хотелось попросить ее об этом, что едва сдержал рвущееся с языка слова. Возможно, она бы согласилась. Я знаю, что ей нравится проводить со мной время. Думаю, я даже ей нравлюсь, но остаться со мной — значит, не вернуться в свою семью. Неужели я нравлюсь ей настолько, что она предпочтет меня им?

Мелодия в гостиной меняется. Я ее знаю. Это фортепианная версия вступления к «Игре престолов». Ася ее любит. Я скатываюсь с кровати, намереваясь затащить ее обратно в постель, как вдруг на тумбочке звонит телефон. На экране высветилось имя Романа.

— Роман? — отвечаю на звонок.

— Паша, мне надо с тобой поговорить.

— Хорошо. — Я киваю и сажусь на кровать.

— Лично, — добавляет он зловещим голосом. — Жду тебя в особняке через час.

Линия отключается.

* * *

Я вхожу в кабинет пахана и вижу, что он сидит за своим столом. Михаил и Сергей тоже там, расположились в креслах у книжного шкафа.

— Пахан. — Я закрываю за собой дверь и направляюсь к его столу. — Что-то случилось

в клубах?

— Не совсем, — отвечает он. — Скажи, Паша, мне нужно что-то знать? Может быть, то, что ты забыл упомянуть?

— О чем?

Он наклоняет голову в сторону, рассматривая меня.

— Тебе знакомо имя Девилль?

У меня по спине пробегает холодок.

Роман улыбается. Ничего хорошего не предвещающей улыбкой.

— Вижу, что знакомо. — Он наклоняется вперед и ударяет ладонью по столу. — О чем ты, нахрен, думал, пряча сестру Артуро Девилля у себя дома?

Мне требуется несколько мгновений, чтобы прийти в себя. Как, черт возьми, он узнал?

— Она не хочет, чтобы кто-то знал. В том числе и ее брат, — говорю я сквозь зубы. — Когда будет готова, она ему позвонит.

— Мне плевать, что она хочет! — рычит Роман. — Ее брат искал ее несколько месяцев, думая, что она мертва! Ты можешь хотя бы представить, каково ему было? Его младшая сестра пропала, и он не знает, жива она или мертва?

Я сжимаю руки в кулаки и скрежещу зубами.

— Ася не хочет ему звонить, Роман.

— А ты знаешь, Паша, что у нее есть сестра? — Роман продолжает: — Сестра, которая две недели провела в больнице после того, как проглотила бутылку снотворного, потому что считала, что это она виновата в том, что Ася пропала?

— Черт. — Я закрываю глаза. — С ней все в порядке? С ее сестрой?

— С ней все в порядке.

— Откуда ты все это знаешь? — спрашиваю я.

— Когда Ася пропала, Аджелло разослал сообщение всем семьям «Коза Ностры» с требованием сообщить, если кто-то ее увидит. Он отправил ее фотографию. — Пахан вздыхает. — Дамиан Росси вчера вечером видел вас двоих в «Урале». С утра пораньше Артуро был у моей двери.

Я хватаюсь за спинку стоящего передо мной стула и сжимаю ее так сильно, что костяшки пальцев белеют.

— Ты сказал ему, где она?

Роман бросает взгляд в сторону, где сидят Михаил и Сергей.

— Он сейчас едет к тебе, Павел.

Я смотрю на него, а в душе зарождается страх, хуже которого я еще не испытывал. Артуро собирается ее забрать. Я разворачиваюсь, готовый выбежать из офиса и вернуться домой, но Сергей загораживает мне выход.

— Пошел прочь с дороги! — рычу и бросаюсь на него, но сзади меня хватают две руки.

— Паша. Успокойся, — просит Михаил, удерживая меня.

Я откидываю голову назад и бьюсь лбом о его лоб. Хватка Михаила ослабевает, и я, пользуясь случаем, бросаюсь на Сергея. Тот бьет меня кулаком по лицу, а я в ответ — его локтем в живот. Уклоняюсь от следующего выпада и наношу удар по лицу, как раз в тот момент, когда Михаил набрасывается на меня сзади и прижимает к стене возле двери.

— Нельзя, черт побери, отрывать человека от семьи! — рычит он рядом с моим ухом и бьет меня головой о стену.

— Он ее заберет!

— Он не может ее забрать, если она не хочет, — говорит Михаил. — Но если она захочет, ты не имеешь права заставляя ее остаться.

— Я знаю. — Закрываю глаза и опираюсь на стену, потерпев поражение.

— Отпусти его, Михаил. Ты можешь уйти, — говорит Роман откуда-то сзади меня. — И ты, Сергей.

Я слышу звук открывающейся двери и удаляющиеся шаги, но не двигаюсь с места. Я упираюсь лбом в прохладную поверхность. Постепенно онемеваю.

— Паша, посмотри на меня.

Я открываю глаза и наклоняю голову в сторону. Роман стоит рядом со мной, опираясь на трость.

— Ты должен ее отпустить. Если этого не сделаешь, то ни ты, ни она не узнаете, с тобой ли она, потому что любит тебя. Или потому что боится уйти.

— Ты не понимаешь. У меня никогда никого не было, Роман. До нее. Я уже не представляю своей жизни без нее.

— Пусть повидается с сестрой. Ей необходима ее семья. И она нужна своей семье. Но она вернется.

Я снова смотрю на стену.

— Не вернется. Если она уйдет, то не вернется.

— Почему ты так уверен?

— Потому что сейчас я ей не нужен, Роман. Я был нужен ей раньше. Теперь уже нет.

— Хочешь, чтобы она осталась с тобой только потому, что ты ей нужен? Ты заслуживаешь большего. Вы оба заслуживаете.

— Я знаю. — Бьюсь лбом об чертову стену, как будто это поможет заглушить ужас, бушующий во мне.

— Иди домой. Поговори с ней. Поговори с Артуро, он заслуживает объяснений. — Роман кладет руку мне на плечо и сжимает. — Возьми несколько дней отпуска, если тебе нужно. И, пожалуйста, перестань биться своей непробиваемой головой о мою стену. Ты ее сломаешь.

— Мою голову? — спрашиваю я.

— Стену, Павел. Если твой череп не треснул за все эти годы боев, то уж точно не получится сейчас.

Я фыркаю и качаю головой.

Стук в дверь.

Я все еще держу пальцы на клавишах рояля. Паша никогда не стучит. Он всегда звонит в звонок. Наверное, это сосед хочет попросить меня не играть так громко. Я иду через гостиную и открываю дверь. Увидев стоящего по ту сторону мужчину, быстро делаю шаг назад.

— Боже правый, — хрипит брат и заключает меня в медвежьи объятия, сжав так сильно, что невозможно пошевелить ни единым мускулом.

Я пытаюсь глубоко вздохнуть, но воздух, кажется, не поступает в легкие. Еще одна попытка. Артуро ослабляет хватку и смотрит на меня сверху вниз с немного безумным выражением в глазах. А потом снова крепко меня обнимает. Мои руки дрожат, когда

обнимаю его в ответ и прижимаюсь щекой к его груди.

— Я думал, ты умерла, — бормочет он мне в волосы. — Думал, что тебя кто-то похитил, и ждал, что кто-то позвонит и попросит выкуп. Но звонка так и не последовало.

— Мне очень жаль, — шепчу я, и слезы собираются в уголках моих глаз. Трудно поверить, что он здесь, спустя столько времени. И это приятно. — Мне очень жаль, Артуро.

— Почему, Ася? Почему ты не дала нам знать, что с тобой все в порядке? — Он берет мое лицо в свои ладони и поднимает мою голову. — Где ты была все это время?

Я смотрю на брата, а в душе зарождается тревожное чувство, которое распирает грудь.

— Мы нашли твою сумочку и очки за тем баром. И кровь. Что случилось?

Я открываю рот, но с губ не слетает ни слова.

— Господи, Ася, скажи что-нибудь, черт возьми!

— Меня изнасиловали! — кричу ему в лицо.

С лица Артуро уходит весь цвет. Он моргает. Его руки на моих щеках начинают дрожать. Я обхватываю его за спину и утыкаюсь лицом в его грудь.

А потом я рассказываю, но не все.

Когда я закончила, Артуро опускается передо мной на колени, продолжая держать меня в объятиях. Я запускаю пальцы в его волосы и прислоняюсь щекой к его голове, слушая, как он бормочет о том, что собирается распять сукина сына, который причинил мне боль, а затем о том, как сильно он меня любит.

— Я тоже люблю тебя, Артуро, — шепчу я.

Вот почему я не рассказала ему всю историю. Я пропустила самое страшное. Так будет лучше.

— Надо позвонить Сиенне, — бормочет Артуро. — Я не хотел ей ничего говорить, пока не буду уверен. Если вдруг... если вдруг это не ты, я не мог рисковать, чтобы она снова не наделала глупостей.

— Что ты имеешь в виду?

Он качает головой и крепче прижимает меня к себе.

— Что она сделала, Артуро?

Первое, что я замечаю, войдя в квартиру, — это темноволосый мужчина, сидящий на диване в гостиной. Он смотрит в пол между ног, опираясь локтями на колени, а руками сжимает волосы.

— Где Ася? — спрашиваю я.

— Принимает душ. Готовится к отъезду, — говорит он, все еще глядя в пол.

— Она тебе все рассказала?

— Да. Я также знаю, что она была здесь все это время.

Я пересекаю гостиную и сажусь в кресло слева от него.

— Мне нужно дать тебе несколько советов по поводу Аси.

Он поднимает голову, и на меня устремляются темно-карие глаза такого же оттенка, как у Аси, но полные ненависти.

— Мне не нужно, чтобы ты давал мне советы по поводу моей сестры. Я воспитывал ее с пяти лет.

Я игнорирую его враждебность.

— У нее до сих пор проблемы с принятием некоторых решений. Мы почти во всем разобрались, но время от времени ей может понадобится помощь. Постарайся не указывать ей конкретное направление, а скорее подталкивать ее к нему.

Он молча смотрит на меня.

— Никаких маргариток. Ни цветов, ни чего-либо другого, например, занавесок или чего-либо еще с их изображением, — продолжаю я. — Костюмы ее больше не пугают, но мужские галстуки все еще могут вызвать у нее стресс. Если ты находишься в общественном месте и там много незнакомых мужчин в костюмах, то должен держать ее за руку.

Он опускает взгляд на себя, сосредотачиваясь на своем шелковом сером галстуке, затем поднимает голову и окидывает взглядом мою футболку и джинсы. Когда он поднимает взгляд и наши глаза встречаются, я вижу в них отвращение.

— Черт возьми! — кричит он. — Ты в нее влюблен.

Я не отворачиваюсь, отвечая:

— Да.

— Господи, ей восемнадцать лет! Ты слишком стар для нее. Асе нужен человек ее возраста. И уж точно не бывший зек.

— Ты меня проверил?

— Конечно, я тебя проверил. Я хотел узнать человека, который скрывает от меня мою сестру. Я даже откопал видеозаписи твоих боев.

— Ну, надеюсь, они были интересными.

Артуро наклоняется вперед и впивается в меня взглядом.

— Ты пытался украсть мою младшую сестру! Над которой жестоко издевались, которую обижали. Ты скрывал ее от семьи, хотя знал, что мы ей нужны, — выплевывает он. — Я не знаю, что за большую фантазию ты создал, играя в домик с подростком, и мне все равно. Я больше не позволю тебе к ней приближаться! Никогда! Моя сестра заслуживает лучшего.

— Знаю. — Я встаю и направляюсь к стойке у входной двери, где у меня лежат ручки и бумага. — Я дам тебе свой номер. Позвони мне, если тебе понадобится помощь.

Я возвращаюсь и кладу записку на журнальный столик перед Артуро, а затем направляюсь к входной двери.

— Я вернусь через два часа. Ты уйдешь к этому времени?

— Не прощаешься? — поднимает он брови.

— Нет.

— Хорошо.

Я киваю и выхожу из квартиры.

* * *

Я сижу в своей машине через две улицы от моего дома, когда звонит мой телефон. Меня окутывает мелодия «Лунной сонаты». Я откидываю голову назад и смотрю на проезжающие по улице машины. Звонок прекращается, но тут же начинается снова. Я позволяю ему звучать дальше, звук гулко разносится по салону. Я мог бы его отключить. Каждый гребаный гудок словно нож в грудь, но я этого не делаю. Телефон звонит еще четыре раза, но я не отключаю его.

Приходит сообщение. Я снимаю телефон с приборной панели и смотрю на экран. Это голосовая почта. Я нажимаю «Воспроизвести».

— Паша? Что происходит? Артуро сказал, что ты пришел домой и ушел? Что-то случилось? — Шорох на заднем плане. — Мы едем в аэропорт. Мне нужно встретиться с

Сиенной. Она... — Шмыганье носом. — Моя сестра пыталась покончить с собой. Она думала, что в том, что со мной случилось, виновата она. Я поживу у нее несколько дней, а потом вернусь. Я позвоню тебе, когда приеду. — Ее голос дрожал. Может быть, она плачет?

Сообщение закончилось. Я снова и снова его прослушиваю.

* * *

Уже почти полночь. Я лежу на диване и сжимаю телефон, который продолжает звонить в моей руке. Мне так хочется нажать на зеленую кнопку и ответить на звонок, что схожу с ума. Но не отвечаю. В голове все время всплывает та фраза, которую сказал брат Аси.

«Ты скрывал ее от семьи, хотя знал, что мы ей нужны».

Он прав. Мне следовало связаться с ним и сообщить, что она в безопасности. Если бы я объяснил ситуацию, он, возможно, согласился бы подождать, пока Ася не будет готова встретиться с ним лицом к лицу. Но я слишком эгоистичен и чертовски боялся, что он заберет ее у меня. Я уже не мог представить свою жизнь без нее. Возможность ее ухода пугала меня до чертиков, и я был готов сделать все, что угодно, лишь бы она осталась. Поэтому сдержал данное ей обещание и молчал, как сукин сын. Я стал ее чертовым демоном. Никто не заслуживает быть с таким человеком, особенно Ася.

Я всегда считал, что любовь можно измерить тем, насколько сильно я хочу быть с человеком. А решение быть с кем-то до конца жизни казалось мне вершиной любви. Но это не так. Теперь понимаю все гораздо лучше. Зная, что Асе, женщине, которую люблю, будет лучше без меня, я должен ее отпустить. Даже если это больно. Даже если это разрывает мою душу на кусочки. Может, если бы я любил Асю чуть меньше, я бы нашел способ оставить ее с собой. Но я люблю ее слишком сильно, чтобы так с ней поступить, поэтому отпустил ее.

Мне следовало ответить на звонок. Хотя бы попрощаться. Но я не мог. Услышав ее слова о том, что она вернется, но зная, что этого не сделает, я не мог рискнуть с ней заговорить. Я бы сделал какую-нибудь глупость, например, заставил бы ее пообещать, что она вернется ко мне.

Мой взгляд упал на пианино у окна в гостиной. Почему она не забрала эту чертову штуку с собой? Я встаю с дивана и иду на кухню, где под раковиной храню ящик с инструментами. Вернувшись в гостиную, держу в руке молоток. Подойдя к инструменту, я намерен разбить его, пока от него не останутся щепки, но вместо этого целый час смотрю на клавиши. Ася любит это пианино. Молоток падает у меня из рук и с громким стуком ударяется о полированный пол. Я не могу заставить себя разрушить то, что приносило ей радость.

Звонит телефон. Хватаю его и швыряю через всю комнату.

Так будет лучше для нее. Ася не должна чувствовать себя обязанной звонить мне из какого-то неуместного чувства благодарности или чего-то еще. Возможно, первые дни дома ей будет трудно адаптироваться, но теперь рядом с ней семья. И друзья тоже. Скоро она забудет обо мне и продолжит жить своей жизнью. Возможно, я сделаю то же самое.

Телефон звонит снова. В тот вечер он звонил еще два раза.

В течение следующих пяти дней — не менее десяти раз в день.

На шестой день — только один раз, а потом звонки прекратились.

Три недели спустя

Я паркую машину в квартале от дома Аси и иду по улице.

Было бы гораздо проще прилететь. Вместо этого я ехал тринадцать часов, надеясь, что по дороге передумаю и развернусь обратно. Я трижды останавливался и почти убедил себя поступить именно так, но, вырвав на дороге, просто продолжил движение на восток. Необходимость увидеть Асю снова стала навязчивой идеей, единственным, о чем я думал на протяжении нескольких дней. Всего один краткий взгляд, и я уйду.

На щеку упало что-то мокрое, и я посмотрел на ночное небо. Пошел снег. В груди защемило от вида белых хлопьев. Мой медвежонок не любит снег. Это единственное, что мы так и не смогли преодолеть.

Я пообещал себе, что не буду больше надеяться на ее возвращение. Знал, что она не вернется, после всех звонков, на которые я не отвечал, и сообщений, которые оставлял без ответа. И все же я продолжал надеяться.

На прошлой неделе, чувствуя себя еще более несчастным, чем когда-либо, я достал из глубины шкафа коробку с набором для татуировки. Почему хранил эту вещь, понятия не имею. Я перестал делать татуировки более десяти лет назад. Но в тот вечер сел за обеденный стол в своей пустой квартире и принялся за работу над новой татуировкой. Поскольку свободных мест на груди и руках не было, я сделал ее на тыльной стороне кисти. Когда Костя увидел меня на следующий день, то спросил, временная ли она, потому что раньше я никогда не делал татуировки на видимых частях тела. Я ответил ему, что думаю о его мнении, и теперь красуюсь со свеженабитыми костяшками пальцев.

Я вижу только крышу дома в верхней части улицы. Его практически не видно за высоким забором и зеленью, но он соответствует описанию, которое удалось найти Дмитрию. Дом Аси.

Я все еще наблюдаю за домом, пытаюсь заметить свет в одном из окон, как вдруг из-за угла появляется броская машина и паркуется прямо перед воротами. Фонарь рядом, поэтому я отхожу в тень дерева. Из машины выходит молодой человек, лет двадцати пяти. Он улыбается, явно в хорошем настроении. Он открывает пассажирскую дверь, женщина берет его за руку и выходит. На ней белое пальто нараспашку, под которым виднеется кроваво-красное платье. Снег идет сильнее, и снежинки прилипают к юбке платья. Мужчина обхватывает ее за талию и прижимает к себе. Женщина смеется.

Я знаю этот смех. Хочу отвернуться и уйти, но не могу оторвать глаз от женщины, когда она целует мужчину. Не по-дружески, а страстно. Мужская рука скользит по ее спине.

Ворота отъезжают в сторону, и женщина высвобождается из объятий. За мгновение до того, как она исчезает за воротами, я успеваю разглядеть ее лицо. Она подстригла волосы. Теперь они длиной до плеч, но сомнений нет.

Это моя Ася.

В груди разливается боль. Мое сердце разбито.

Ворота закрываются, машина уезжает, а я продолжаю стоять в тени, глядя на дом за

забором.

С ней все в порядке. Не знаю, был ли тот мужчина просто свиданием или ее парнем, но это не так уж важно. Она живет дальше. Я ожидал этого, но видеть это чертовски больно. Не Ася заслуживает счастья. И я рад, что она счастлива.

Я разворачиваюсь и иду обратно к машине, снег хрустит под подошвами ботинок. После ухода Аси я не мог спать в своей постели, поэтому первые несколько ночей провел на диване, а потом перебрался в одну из пустующих спален.

Но больше я так не могу. Не могу оставаться в том месте и притворяться, что живу прежней жизнью.

Оказавшись в машине, звоню Роману.

— Павел? — раздается его голос.

Я в последний раз смотрю на дом на соседней улице.

— Я ухожу, — говорю я и обрываю связь.

Я кладу трубку и смотрю, как сестра снимает каблуки и идет к шкафу.

— Это платье ужасно, — говорю я.

— Что? — Сиенна поворачивается и покачивает бедрами. — Оно из новой коллекции.

Меня всегда поражает, как два человека могут выглядеть внешне одинаково, но иметь совершенно разные характеры и вкусы.

— У него чертовы перья, Сиенна. Как ты его вообще стираешь?

— В химчистке, — отвечает она и расстегивает молнию на красном чудовище. — Когда ты планируешь выбраться из дома? Мы можем отправиться в поход по Кэтскиллз.

— В поход? — Я вздергиваю брови. Самое высокое, на что когда-либо забиралась моя сестра, — это на табуретку, чтобы достать с полки старый фен, когда ее обычный сгорел.

— Что? Это может быть весело.

Я качаю головой и снова смотрю на свой телефон.

— Я не в настроении.

Сиенна перестает возиться с платьем и опускается на кровать рядом со мной.

— Тебе нужно забыть этого парня, Ася. Он не хочет иметь с тобой ничего общего. Ты уже должна была это понять.

— Ты этого не знаешь

— Ты звонила ему более пятидесяти раз! Я проверила историю твоих звонков, — признается она и выхватывает у меня телефон. — Только не говори, что ты снова ему звонила

— Отдай! — Я бросаюсь на нее, пытаюсь выхватить свой телефон. — Сиенна!

— Ты звонила! Не могу поверить.

— Я ему не звонила. — Забираю у нее свой телефон. — Я смотрела фотографии.

— Какие фотографии?

Я пожимаю плечами.

— Ты никогда не говорила мне, что у тебя есть его фото! — Сиенна смотрит на меня удивленно. — Дай мне посмотреть! Пожалуйста? Пожалуйста? Пожалуйста?

Я разблокирую свой телефон и неохотно передаю его ей. Она с визгом хватается его и начинает рыться в папках.

— О, я не могу дождаться... черт возьми, Ася! Это он?

Я смотрю на экран, на фотографию Паши, которую тайком сделала однажды утром, когда он еще спал. Он лежит на спине, закинув руку на лицо. Одеяло скомкано на талии, а широкая татуированная грудь полностью открыта.

— Да. — Я киваю.

Сиенна переходит к следующему изображению. Этот снимок немного размыт, он был сделан в тот день, когда Паша подарил мне телефон. Я пробовала камеру, делая селфи, но слишком быстро отвела руку. На снимке я прислонилась к Пашиной груди и гляжу в камеру. Он обхватил меня за талию и смотрит на меня сверху вниз.

— Я до сих пор не понимаю, что произошло, — говорю, глядя на экран. — Почему он отгородился от меня? Я что-то сделала? Он решил, что больше не может заниматься моими проблемами?

— Ася, остановись. — Сиенна берет меня за руку. — Ты не сделала ничего плохого. Слышишь? Он не заслуживает тебя, не после того, как себя вел.

— Я так по нему скучаю, — шепчу я и снова смотрю на телефон. Хотелось бы сделать побольше его фотографий.

— Все пройдет. Ты встретишь парня, влюбишься и забудешь о русском. — Она обхватывает меня руками и притягивает к себе. — Когда ты будешь готова, мы вместе пойдем и найдем для тебя самого красивого и милого парня. Хорошо?

Я чувствую тяжесть в груди и закрываю глаза. Я не хочу милого, красивого парня. Мне нужен Паша. От одной мысли, что ко мне может прикоснуться кто-то другой, мне становится плохо. К горлу подкатывает желчь, и я обмахиваю лицо веером, надеясь, что тошнота пройдет. Но она не проходит. Становится только хуже. Я вскакиваю с кровати и мчусь в ванную, едва успевая добраться до унитаза. Сиенна вбегает следом и убирает мои волосы с лица, пока я опорожняю содержимое желудка. Закончив, опускаюсь на пол рядом с унитазом и смотрю в потолок.

— Сиенна, я не могу даже думать о других мужчинах, чтобы меня не стошнило, — шепчу я.

Спустя месяц

Телефон звонит в тот момент, когда я в третий раз за неделю перебираю вещи в шкафу. Я обнаружила, что складывание вещей помогает мне не думать о них. Забавно, но я также начала сортировать одежду по цветам.

Достаю телефон и вижу, что это неизвестный абонент. Этот номер есть только у нескольких человек, потому что я все еще пользуюсь телефоном, который мне дал Паша. Где-то в глубине души все еще надеюсь, что он позвонит, но прошло уже почти два месяца.

— Да?

— Ася? — спрашивает смутно знакомый мужской голос. — Передай, пожалуйста, трубку этому говнюку. Он уже несколько недель игнорирует мои звонки, а у меня в «Урале» полный кавардак.

Я приподнимаю брови.

— Костя?

— Конечно, это я, милая. У кого еще такой сексуальный голос? Блин, только не говори ему, что я назвал тебя милой.

— Кому?

— Паше, конечно. Ты не могла бы его позвать? У меня два дня ушло на взламывание его электронной почты, чтобы найти твой номер. Дела здесь идут неважно.

Почему Костя решил, что Паша со мной? Я сглатываю внезапно образовавшийся в горле комок и закрываю глаза.

— Его здесь нет.

— Пожалуйста, скажи ему, чтобы он позвонил мне, когда...

— Его здесь нет, Костя. Я не видела его с тех пор, как уехала из Чикаго.

— Что? Он не с тобой? Он тебе не звонил?

— Нет. Я звонила ему, но он не отвечал. Что происходит?

На мгновение наступает тишина, прежде чем Костя отвечает:

— Паша ушел месяц назад.

— Ушел? Нельзя просто так взять и уйти из Братвы. Петров его выследит и убьет!

— Роман его не убьет, но не думаю, что Пашу это волнует. — С той стороны доносится русское ругательство, затем звук ломающегося предмета. — Никто не знает, где он. Первую неделю он отвечал на мои звонки, а потом тишина. Он не появлялся в своей квартире, и я надеялась, что он с тобой.

Меня охватывает ужас.

— А раньше он пропадал?

— Паша? — смеется он, но звучит неестественно. — С тех пор как он пришел в Братву, у него не было ни одного выходного. Ну, до тебя, я имею в виду.

— А где же он тогда? — Я хочу задать вопрос спокойно, но в итоге получается, что кричу, потому что мой голос выше обычного и дрожит.

— Понятия не имею, Ася.

Я мечусь по комнате, пытаюсь успокоиться, но в груди все сжалось, сердце гулко колотится. У меня плохое предчувствие, что сейчас произойдет что-то поистине ужасное.

— Позвони мне, как только услышишь от него что-нибудь. Пожалуйста.

— Конечно, дорогая. Я сделаю несколько звонков, чтобы узнать, не видел ли его кто-нибудь, а потом сообщу тебе.

Когда мы закончили разговор, я подхожу к окну, выходящему в сад, и смотрю в пустоту. Я пообещала себе, что больше никогда не буду ему звонить. Если он захочет поговорить, пусть позвонит мне сам.

Я опускаю взгляд на телефон и нажимаю на номер быстрого набора. Телефон звонит. И звонит. Закрыв глаза, я прислоняюсь лбом к окну и продолжаю слушать звук звонка, пока он не отключается, переходя на голосовую почту. Я звоню снова. И еще раз. После четвертой попытки приходит сообщение. Я боюсь того, что в нем может быть написано, и поэтому, прежде чем набраться смелости и открыть его, смотрю на его имя не менее десяти минут.

23:15 Паша: «Mishka, перестань звонить. Прошу».

— Да пошел ты! — кричу я в экран и бросаю телефон на кровать. А потом плачу.

Меня окружают знакомые звуки приветствия и крики. Как и вонь пота, смешанная со слабым запахом плесени. Раздается смех, затем еще больше криков. Я прислоняюсь спиной к бетонной стене и смотрю на телефон в своей руке и только что отправленное сообщение.

Она звонила. Смотреть на ее имя на экране и не отвечать на эти звонки было чертовски трудным. Если бы она продолжила звонить, я бы, наверное, сдался.

Проверяю журнал вызовов. Там сотни пропущенных звонков за последние несколько недель. Не менее пятидесяти — от Кости, но есть десятки от Романа, да и от Михаила тоже. Остальные ребята тоже звонили. Даже Сергей. Я никогда не отвечал. Не хотелось разговаривать. Да и что тут говорить?

Я нажимаю большим пальцем на имя Аси в верхней части списка, провожу пальцем в сторону и удаляю запись. Затем возвращаюсь к отправленному сообщению и удаляю его тоже. Видеть ее имя слишком больно. Надо бы удалить ее номер, но это не поможет. Я запомнил его с того момента, как купил для нее телефон.

Металлическая дверь на другом конце комнаты со скрипом открывается, и входит мужчина. В черном костюме и галстук он похож на бизнесмена. Что ж, если учесть, сколько людей приходит посмотреть на эти бои и сколько денег переходит из рук в руки каждый вечер, ему действительно нужно быть элегантным.

— Ты следующий, — говорит он за мгновение до звона колокола, за которым следуют возбужденные крики. — Постарайся не вывести противника из строя в первом раунде. Зрителям нравится смотреть на бой.

Я заканчиваю обматывать руки, встаю и иду к двери, в то время как со стороны бойцовской клетки доносятся новые возгласы.

Телефон вибрирует рядом с моей подушкой. Я приподнимаюсь в постели и нажимаю ответить на звонок.

— Ты нашел его? — шепчу я.

— Да, — отвечает Костя.

Я закрываю глаза и дышу. Прошло четыре долбанных дня.

— Значит, с ним все в порядке?

— Да. Вроде как.

Я открываю глаза.

— Что значит «вроде как»?

Костя вздыхает.

— Он опять дерется.

— Что?

— Да. Я пытался с ним поговорить. Ничего хорошего не вышло. Роман тоже ему звонил. Он даже ходил на его последний бой. Паша не хочет возвращаться.

— Но... почему? Он же сказал мне, что бросил драться десять лет назад!

— Паша очень замкнутый парень, милая. Кто знает, что творится у него в голове?

Я зарылась рукой в свои волосы и крепко сжала их в кулак.

— А эти бои опасны?

Он не отвечает.

— Это так, Костя? — кричу я в трубку.

— Ася, это подпольные бои. Чего ты ждешь?

— Я не знаю! Я никогда не была на боксерском матче!

— Это не боксерский матч, милая. В боксе есть правила. В этих боях их нет, — мрачно говорит он, и тут мой телефон пикает входящим сообщением. — Я отправил тебе ссылку на сайт клуба и пароль для доступа к нему. Набери в поисковике «бои Павла Морозова» и посмотри сама. Но последний матч пропусти.

— Почему? — хриплю я.

Он тяжело вздыхает.

— Я знаю, что он тебе нравится, милая. Пожалуйста, не смотри последнее видео.

Когда Костя заканчивает разговор, я открываю сообщение со ссылкой и перехожу по ней. На первый взгляд сайт выглядит как обычный промо-сайт тренажерного зала с изображениями тренажеров и людей, которые разминаются или поднимают тяжести. В правом верхнем углу нахожу кнопку входа. Нажимаю на нее и ввожу десятизначный пароль, который Костя прислал по ссылке. Открывается новое окно, и я сразу же обращаю внимание на таблицу. В первой колонке — имена, и я замечаю, что Паша значится вторым сверху, сразу под именем другого парня. Рядом с именами указаны рейтинг и количество побед. Паша сейчас занимает второе место. Под турнирной таблицей — расписание на этот месяц. Я прокручиваю его в самый низ и замечаю, что в этом месяце остался только один матч, назначенный на завтрашний вечер. Это матч между Пашей и парнем, занимающим первое

место. Я прокручиваю график вверх, чтобы посмотреть количество побед. Рядом с именем Паши — двенадцать. Я бросаю взгляд на номер другого участника, и у меня кровь стынет в жилах. Пятьдесят четыре.

— Господи. — Я сползаю по стене на пол, затем набираю в поиске «Павел Морозов». Выскакивает подборка видео. Самое старое из них датировано месяцем назад. Я нажимаю «Воспроизвести».

Не знаю, чего ожидала увидеть. Наверное, боксерский ринг и несколько человек, стоящих вокруг него. По крайней мере, именно так я представляла себе боксерские матчи. Но тут совсем все по-другому. Видео начинается с вида сверху, где показаны внутренние помещения какого-то заброшенного завода или склада. В центре, на возвышении, стоит восьмиугольная клетка. Вокруг клетки на мягких креслах сидят мужчины и несколько женщин. Все они безупречно одеты, как будто пришли на деловую встречу, а не на бой. У некоторых даже телохранители стоят рядом.

Металлическая дверь напротив клетки открывается, и в нее входят двое мужчин. Камера увеличивает изображение бойцов, и я почти не узнаю его. Паша сбрил волосы — все. Но почему-то это не самое главное изменение. Осанка, походка, мрачное выражение лица — все это создает впечатление, что это кто-то другой. Он заходит в клетку и занимает место с одной стороны, а его соперник идет в противоположный конец. Рефери дает сигнал к началу.

Паша и его соперник обходят друг друга. Соперник бьет Пашу в бок, но тот уворачивается, хватает его за голову и бьет коленом в лицо. Из носа парня хлещет кровь, и я отворачиваюсь от экрана. Когда набираюсь смелости и смотрю снова, Паша возвышается над своим противником, придавив лицо поверженного к полу. Я никогда не смотрела боксерские поединки, но у меня сложилось впечатление, что они длятся не менее получаса. А этот закончился менее чем за две минуты. Рефери сигнализирует о победе Паши, и видео заканчивается. Я успокаиваю себя и нажимаю на следующую запись.

На просмотр первых десяти видеороликов у меня уходит почти час. Мне приходится несколько раз делать паузу и брать себя в руки, чтобы продолжить. Столько насилия. Крови. Сломанных костей. Каждый ролик более жестокий, чем предыдущий. Меня убивает то, что мой Паша стал таким злобным. Кровожадным. Я не узнаю в этом человеке того, с кем провела три месяца. Что с ним случилось? Почему он так себя ведет? Осталось два видео, но я не могу заставить себя их смотреть. Мне слишком больно.

Иногда я жалею, что Артуро нашел меня. Я знаю, что это уничтожило бы и его, и мою сестру. Сиенна до сих пор винит себя, хотя уже сто раз объясняла ей, что именно я приняла решение остаться в баре в тот вечер. И все же иногда, когда не могу уснуть, а в последнее время это случается часто, представляю, какой была бы моя жизнь, если бы брат не приехал и я осталась в Чикаго.

Я до сих пор не понимаю, почему Паша меня оттолкнул. Я пыталась придумать причину его поведения, но не могу.

Уже почти семь утра, но сна ни в одном глазу. Не после увиденного. Подожду, пока проснутся Артуро и Сиенна, а потом попробую снова сыграть на пианино. С тех пор как вернулась домой, я так и не смогла закончить ни одной мелодии. По крайней мере, дважды в день я уходила на первый этаж и садилась перед большим черным пианино, глядя на клавиши. В большинстве случаев музыка не появлялась, и я оставалась такой же тихой. В другие разы, когда пыталась играть, каждая нота выходила неправильно.

Я снимаю кардиган со стула и выхожу из комнаты, собираясь спуститься вниз, чтобы позавтракать. Проходя мимо комнаты Артуро, слышу, как упоминается мое имя, и останавливаюсь. Он с кем-то разговаривает по телефону. Я прижимаюсь ухом к его двери.

— Она уже не та, Нино, — произносит мой брат. — Я не знаю, что делать. Она почти не выходит из своей комнаты.

На несколько мгновений воцаряется тишина, пока он, вероятно, прислушивается к тому, что говорит Нино.

— Нет! — кричит Артуро. — Я не буду звонить этому сукиному сыну. Я сказал ему, что думаю о нем и о его попытке спрятать Асю от нас. Прятать мою сестру и не давать ей возможности связаться с нами? Что за больной ублюдок так поступает?

Что?! Я хватаюсь за ручку и распахиваю дверь, сердце колотится о ребра. Брат стоит у кровати с прижатым к уху телефоном.

— Артуро, что именно ты сказал Паше? — кричу я.

— Я перезвоню тебе позже, — бормочет он и бросает телефон на кровать.

— Что? — кричу я.

— Правду, — говорит он. — Я сказал ему правду — что он скрывал тебя, чтобы удовлетворить свои эгоистические потребности. Что он использовал молодую, травмированную девушку и заставил ее остаться с ним, вместо того чтобы вернуть ее в семью. К своей жизни. Что он больной ублюдок. Вот что я ему сказал.

Я смотрю на брата, ошеломленная услышанным, затем делаю два шага и оказываюсь прямо перед ним.

— Он спас мне жизнь, Артуро.

— Любой нормальный человек помог бы женщине в беде. Но не пытался бы ее спрятать.

Я закрываю глаза. Когда Артуро пришел за мной, я рассказала ему только о том, что сделал Роберт. Он думает, что я все это время провела с Пашей. Я надеялась, что до этого не дойдет, что мне не придется рассказывать ему о том, что произошло за первые два месяца, о том, что эти люди сотворили со мной. Что они заставили меня сделать. Я должна была, но не хотела причинять ему боль.

— Садись, Артуро, — прошу я, и когда он садится, начинаю говорить.

На этот раз я рассказываю ему все.

Когда закончила, брат смотрит на меня покрасневшими глазами, схватившись руками за волосы и едва удерживаясь на краю кровати. Мне кажется, я никогда не видела, чтобы мой брат плакал, даже когда нам сообщили, что наши родители погибли.

— Почему ты мне не сказала? — хрипит он, а потом хватается за меня и прижимает к себе. — Почему, Ася? Почему? — шепчет он.

— Мне было очень плохо, когда Паша нашел меня, — бормочу ему в шею. — Что-то сломалось во мне, Артуро, и мне казалось, что я застряла в черной дыре, из которой нет выхода. Он спас меня. И не только жизнь. Он спас и мою душу. Паша помог мне собрать все мои осколки и склеить их обратно.

— Это должны были быть мы, — говорит он мне в волосы. — Мы с Сиенной должны были помочь тебе через это пройти.

— Я не могла заставить себя признаться тебе. Не хотела видеть ни тебя, ни Сиенну. Я бы скорее умерла, чем рассказала тебе.

— Почему?

— Потому что не была готова. И потому что люблю тебя и не могла вынести мысли о том, что правда может с тобой сделать. — Я поднимаю голову и беру лицо брата в свои ладони. — Я умоляла Пашу не звонить тебе. Просила его пообещать, что он не станет звонить тебе, пока я не буду готова. Это не он меня к тебе не подпускал. Это сделала я. Это было мое решение.

— Я должен был уберечь тебя, — упорствует Артуро. — Я никогда себе этого не прощу.

— Пожалуйста, не надо. Ты ни в чем не виноват.

— Я убью их всех, Ася. Всех, кто хоть как-то к этому причастен.

— Паша и Братва уже о них позаботились, — говорю я, затем шепчу ему на ухо: — а я убила того, кто меня похитил.

Артуро замирает.

— Сама, лично?

— Да. После того как Паша закончил с ним, я приставила пистолет к лицу этого ублюдка и нажала на курок. — Я улыбаюсь. — Это было незабываемое чувство.

— Хорошо. — Он крепко меня обнимает.

— Мне нужно знать, что еще ты сказал Паше. Он игнорирует меня, не отвечает на мои звонки с тех пор, как я уехала.

Артуро скрипит зубами и отводит взгляд в сторону.

— Я сказал ему, что ты заслуживаешь лучшего, и он согласился.

Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза, чувствуя, как начинает пульсировать жилка.

— Ты не имел права, — заявляю я. — Ты не имел права, Артуро. Это моя жизнь.

— Тебе восемнадцать, Ася. Он старше тебя на пятнадцать лет!

— Да. И я прошла через тяжелые испытания, которые большинство людей никогда не переживают. Думаю, я заслужила право самой принимать решения.

Да, у меня все еще иногда возникают проблемы с выбором одежды или еды, но в отношении Паши у меня нет никаких сомнений.

— И что дальше? — спрашивает он. — Ты вернешься к нему?

— Ты всегда будешь моим старшим братом, Артуро. И знаешь, что я люблю тебя безоговорочно. — Я смотрю ему в глаза. — Но я люблю Пашу. И хочу быть с ним.

— Уверена, что любишь его? Может, это просто влюбленность? Может...

Я прикладываю палец к его губам, заставляя его замолчать.

— Когда Паша нашел меня, я была в полном беспорядке, Артуро. И моя душа, и мой разум... были сломлены. Паша вернул меня к жизни. И мое сердце тоскует по нему, потому что он — клей, который держит все разбитые кусочки в целости. Пожалуйста, постарайся понять.

Артуро смотрит на меня, потирая челюсть.

— Я буду заглядывать к тебе, по крайней мере, раз в месяц. Без предупреждения. Если замечу хоть что-то, хоть самую малость, что наведет меня на мысль, что ты несчастлива, я убью этого русского и притащу тебя обратно домой.

— Этого не произойдет. — Я улыбаюсь. — Я люблю его. Со мной все будет хорошо, Артуро.

Мой брат закрывает глаза и неохотно кивает.

Я забираю свою сумку с багажной ленты и иду в зону прилета, где пассажиров ждут родные и близкие. На поиски Кости уходит меньше пяти секунд. Он прислонился к колонне, а вокруг него стоят несколько женщин и на него глазают. Увидев меня, он подходит ко мне и берет из моих рук сумку.

— Мы едем напрямиком на бой? — спрашиваю я, сосредоточившись на его лице, а не на людях.

Большинство мужчин, которых заметила в аэропорту, одеты в повседневную одежду, но есть и несколько в деловых костюмах. Я уже не пугаюсь, когда вижу мужчин в костюмах, но все равно чувствую себя рядом с ними неуютно. Слава богу, Костя одет в толстовку и джинсы.

— Да. — Он кивает и идет к выходу, я слеую за ним. — Но я все еще жду информации о месте.

— Ты не знаешь, где проводится бой?

— Они часто меняют место, чтобы избежать полицейских облав. А поскольку это последний бой в сезоне, точное место будет передано всего за два часа до начала. Я знаю только, что это будет где-то к югу от города.

— А что? Там что-то особенное?

Костя сжимает губы в тонкую линию и кивает в сторону парковки.

— Я припарковался вон там, — говорит он, избегая смотреть в глаза. — Нам надо спешить.

— Костя? Ты что-то от меня скрываешь?

— Конечно, нет, милая. — Он подходит к черному седану и открывает передо мной пассажирскую дверь.

Я жду, пока он сядет внутрь и заведет машину, затем поворачиваюсь к нему лицом.

— Что такого особенного в сегодняшнем поединке?

— Ты не смотрела последний матч на сайте?

— Ты же просил меня не делать этого. Я посмотрела первые десять, но мне было слишком плохо, чтобы продолжать. Я предположила, что последний был самым жестоким.

— Так и было. — Он кивает. — Но я не поэтому просил тебя пропустить его.

— Почему же?

Костя молчит несколько мгновений, потом глубоко вздыхает и качает головой.

— Наверное, Ася, ты должна посмотреть его до нашего приезда. Чтобы подготовиться.

— К чему?

Когда он ничего не ответил, я достала из рюкзака телефон и открыла сайт бойцовского клуба. Войдя в личный кабинет, я набираю имя Паши и прокручиваю страницу до самого низа. Выбрав видео, которое пропустила, нажимаю кнопку «Воспроизведение». Начинается все, как и в других записях, с вида с воздуха, затем увеличивается масштаб и показывают бойцов. У меня щемит в груди, когда на экране появляется лицо Паши. Левый глаз немного припух, на подбородке большой синяк. Когда камера снова увеличивает изображение,

замечаю, что у него шина от ладони до середины правого предплечья.

Я закрываю рот рукой, чтобы подавить крик.

— Как его допустили к бою, если он травмирован?

— В подпольных боях нет правил, — говорит Костя. — Пока он стоит на ногах, то может драться.

— Что случилось?

— Он вывихнул запястье в предыдущем бою.

— Паша — правша. Как он может драться с вывихнутым запястьем?

— Он импровизирует.

Я наблюдаю, как Паша и его противник занимают свои места в противоположных углах. Они более-менее подходят друг другу по габаритам, но у второго парня, похоже, нет серьезных травм. Прозвенел гонг, и Паша с другим бойцом подошли к центру клетки. Несколько мгновений они стоят на периферии, кружась, оценивая друг друга. Затем Паша неожиданно наносит удар левой рукой в бок противника. Тот уклоняется от удара и бросается на Пашу с кулаком, целясь в голову. Паша пригибается и проводит ногу чуть выше пола, и сбивает парня с ног. Пока противник лежит на полу, он наносит удар локтем в живот. Почти сразу после того, как парень падает, Паша бьет его левым кулаком в голову, затем ногой. И еще раз. Кровь брызжет на пол, несколько зубов лежат в красных пятнах.

Из зала раздаются крики и одобрительные возгласы. Паша поднимается, хватая парня за лодыжку и бросает его на другую сторону клетки. Боец приземляется на бок и остается лежать. Толпа сходит с ума. Камера фокусируется на Паше, но я все еще вижу за клеткой мужчин в хороших костюмах, которые вскакивают и хлопают в ладоши. Взгляд переключается с бойцов на большой экран, установленный над клеткой. Это анонс следующего поединка. Того самого, на который мы сейчас отправляемся. Под словами «Финал» изображен красный череп и красным цветом написаны слова «Смертельный поединок». Видео заканчивается.

Я опускаю телефон на колени и смотрю на дорогу за лобовым стеклом.

— Ты в порядке, милая? — спрашивает Костя.

— Нет, — отвечаю я и смотрю на него. — Что значит «Смертельный поединок»?

Он не отрывает взгляда от темной ленты впереди и сжимает руль.

— Это значит, что бой заканчивается только тогда, когда один из бойцов мертв.

* * *

Мне казалось, что преодолела свою неприязнь к мужчинам в костюмах.

Я ошибалась.

Как только мы переступаем порог заброшенной фабрики, где будет проходить поединок, я замираю на месте и обхватываю себя руками. Сцена с клеткой из цепей находится в центре и занимает меньше десятой части пространства. Зал заполнен практически до отказа, люди стоят группами, общаются. Стульев на этот раз нет. Наверное, не менее сотни человек, большинство из которых мужчины. Некоторые из них в джинсах, как мы с Костей, но большинство в шикарных одеждах. По коже пробегают мурашки, желание вывернуться и убежать настолько сильное, что мне приходится собрать всю свою силу воли, чтобы удержаться на ногах.

— Ася? — спрашивает Костя рядом со мной. — Ты в порядке?

Я на секунду закрываю глаза.

— Да.

— Что-то ты не в порядке, милая. Ты хочешь?.. — Он протягивает руку и собирается положить ее мне на плечо, но я быстро отступаю назад.

— Пожалуйста, не трогай меня, — бормочу я. — Я... я не могу сейчас с этим справиться. Мне очень жаль.

— Хочешь уйти?

Я поднимаю глаза и вижу, что он смотрит на меня с беспокойством.

— Я остаюсь.

— Хорошо. Мы будем стоять здесь, в заднем ряду. Если захочешь уйти, просто скажи об этом. Договорились?

Я киваю и перевожу взгляд на клетку для боев. Она стоит на приподнятой платформе, как в видеороликах. Мужчина в черных брюках и рубашке забирается внутрь и объявляет о начале матча, но я не обращаю внимания на его слова, потому что с ужасом смотрю на человека-гору, входящего в клетку. Я закрываю рот руками, чтобы подавить крик.

— Черт побери, вот дерьмо, — ругается Костя.

Мы оба глядим на соперника Паши, который вышагивает по клетке, демонстрируя зрителям свои чудовищные мышцы. Он выше всех, кого я когда-либо видела.

— Разве бойцы не должны быть равны? — шепчу я. Этот парень тяжелее Паши более чем на сто килограммов.

— Не здесь.

— Какие у Паши шансы?

— До травмы? Пятьдесят на пятьдесят.

— А сейчас?

— Плохие, Ася, — сообщает он и смотрит на меня сверху вниз. — Пойдем, подождем на улице.

Я так хочу сказать «да». Наверняка этот монстр убьет Пашу. Я услышала это в интонации Костиного голоса и не думаю, что смогу наблюдать за этим.

— Я остаюсь, — шепчу в тот самый момент, когда Паша заходит в клетку.

Как только вижу его, слезы, которые до сих пор сдерживала, текут по щекам, затуманивая зрение. Я со всей силы кусаю ладонь, впиваясь зубами в кожу, как будто физическая боль может как-то развеять чувство ужаса. Паша выходит на середину клетки и останавливается, оценивая своего противника. Я не могу не сравнить их. Мой Паша — высокий парень, мускулистый, но по сравнению с тем зверем, который стоит перед ним? Боже мой, Паша никоим образом не сможет его победить.

Рефери выходит из клетки. Раздается звон гонга. Противник Паши замахивается кулаком, целясь в голову. Паша уклоняется и бьет левой ногой в живот. Здоровяк даже не шелохнулся. Он снова замахивается, на этот раз целясь в грудь Паши. Тот отпрыгивает вправо, но недостаточно быстро, и получает удар в бок. Я затаила дыхание, глядя, как противник приближается к нему. Но прежде, чем монстр успевает нанести удар, Паша делает полный разворот, и пятка его ноги задевает парня за шею. Однако атака Паши обрывается, когда огромный кулак бьет его в подбородок.

Я вскрикиваю, а Паша падает на колени. Выплывая кровь, он пытается встать, но зверь бьет его ногой в спину. Удар такой силы, что Паша оказывается распростертым на ковре лицом вниз.

— Вставай, — шепчу я в руку.

Сердце вырывается из груди, когда смотрю, как Паша поднимается, опираясь на локти.

Он может это сделать. Я знаю, что может. Он уже почти поднялся, когда его противник снова приближается и бьет его по почкам. Паша падает, перекатываясь на бок. Его лицо повернуто к клетке с цепями, прямо перед нами. Толпа сходит с ума. Аплодисменты, скандирование и крики оглушительны. Этот чертов зверь ходит по клетке, что-то кричит зрителям, смеется.

— Добей его! — кричит кто-то из толпы.

Я смотрю на Пашу, жду, когда встанет, но он продолжает лежать, не шевелясь. Он должен встать, иначе этот парень его убьет. Я бегу к клетке.

К возгласам присоединяются еще несколько голосов.

— Убей! Убей!

Люди стоят слишком близко друг к другу, и мне приходится протискиваться между ними. Тела касаются меня со всех сторон, мне хочется вырваться, но я продолжаю пробиваться вперед.

— Убей! Убей! — хором скандируют вокруг меня.

Наконец я добираюсь до клетки и снова вижу Пашу. Он все еще лежит на полу, его лицо повернуто ко мне, но мне кажется, что он меня не видит.

— Паша! — кричу я во всю мощь своих легких и бросаюсь на клетку.

— Паша! — доносится до меня женский крик.

Я моргаю и фокусируюсь на человеке с внешней стороны клетки с цепями.

— Вставай! — кричит она, вцепившись пальцами в сетчатую конструкцию. — Пожалуйста!

Я закрываю глаза. Мало того, что она снится мне каждую ночь, так теперь еще и галлюцинации, что она здесь.

— Паша! Посмотри на меня!

Когда открываю глаза, она все еще здесь, в нескольких метрах передо мной. Если протяну руку, то смогу дотронуться до ее пальцев, которые хватаются за клетку и трясут ее.

— Пожалуйста! Вставай!

У меня перехватывает дыхание.

— Mishka?

Пока смотрю, один из охранников подходит к Асе сзади и, обхватив ее за талию, оттаскивает от клетки. Она только крепче цепляется за металлическую сетку.

— Он идет! — хнычет Ася, глядя куда-то за спину. — Вставай!

Парень продолжает ее дергать, что-то кричит. Пальцы Аси соскальзывают с клетки. Когда охранник уносит ее, ярость взрывается в моей груди. Он посмел прикоснуться к ней! Он прикоснулся к моей девочке своими грязными руками, а на нем этот гребаный костюм!

Я переворачиваюсь на живот и поднимаюсь, чтобы посмотреть в лицо своему противнику. Он стоит посреди мата и смотрит на меня, загораживая выход. Я бросаюсь к нему. От удара локтем в диафрагму воздух покидает его легкие, и он падает вперед. Схватив его за голову, я бью его коленом в лицо. Он спотыкается. Я стремительно прыгаю ему на спину. Обхватив его шею руками в удушающем приеме, одновременно прижимаю предплечье к дыхательному горлу. Парень начинает дергаться, пытаюсь сбросить меня. Продолжая удерживать его, я зажимаю его ногами и упираюсь пятками в грудную клетку,

усиливая захват. Он корчится еще несколько секунд, потом падает на колени и заваливается набок, а я все еще вишу у него на спине. Продолжаю стискивать, прислушиваясь к хрипящим звукам, вырывающимся из его горла. Каким-то образом я слышу их, несмотря на громогласный рев толпы вокруг нас. Тело моего противника замирает. И я сворачиваю ему шею. Толпа впадает в неистовство. Я вскакиваю и бегу к выходу из клетки.

Охранник несет Асю к задней стенке, где еще трое головорезов удерживают Костю. Из моего рта вырывается убийственный рык, и я бросаюсь к ним. Море людей расступается, пропуская меня. Как только добегаю до того мудака, который держит Асю, обхватываю пальцами его горло и сжимаю. Его хватка на Асе ослабевает. Как только Ася свободна, я отпускаю шею охранника, хватаю его за пиджак и отбрасываю в сторону.

— Паша, — шепчет за спиной Ася.

Я поворачиваюсь к ней лицом и просто смотрю. Я думал, что больше никогда ее не увижу, а она здесь, стоит передо мной и раздирает меня на кусочки.

— Что ты здесь делаешь? — рывкаю я. Меня убивает то, что я снова нахожусь так близко к ней.

У нее дрожит нижняя губа. Рука, которую она прижимает к своей тонкой шее, тоже дрожит. Она старается не отводить взгляд от меня, но ее глаза то и дело блуждают в сторону. Я бросаю взгляд влево, куда она постоянно смотрит, и замечаю, что некоторые люди из зала переместились ближе и стоят всего в нескольких футах от меня. Большинство из них одеты в строгие костюмы. Костюмы с чертовыми галстуками!

— Черт, детка, — бормочу я и делаю шаг вперед, обнимая ее и загораживая ей вид на толпу. — Давай выйдем на улицу. Хорошо?

Она поднимает голову и после секундного колебания кладет ладони мне на грудь. Я закрываю глаза и глубоко вдыхаю. Тяжело от того, что Ася прикасается ко мне, что она так близко, что мне придется наблюдать, как она снова уйдет и вернется в объятия того модного сукина сына, с которым целовалась. Но уже пришел к выводу, что я эгоистичный ублюдок, и воспользуюсь этой возможностью, чтобы снова почувствовать ее в своих объятиях, пусть даже ненадолго.

Я открываю глаза и смотрю на нее сверху вниз.

— Хочешь запрыгнуть?

Улыбка, которая расплывается по ее лицу, когда она проводит руками по моей груди, словно нож вонзается в мое сердце. Я подхватываю ее на руки. Ася обнимает меня за шею, как много раз до этого.

— Отпустите его, — бросаю я через плечо парням, которые все еще держат Костю, и выношу Асю на улицу.

Я не могу насытиться его запахом. Да, в нем и пот, и кровь, но под всем этим запах, который ассоциируется у меня со счастьем. Безопасностью. Любовью. Домом. С Пашей. Еще крепче обхватив его ногами и руками, я зарываюсь лицом в его шею и вдыхаю. Как же я по нему соскучилась.

За мной закрывается дверь машины, и Паша садится на заднее сиденье седана Кости. Но я не отпускаю его и плотнее прижимаюсь к его груди. Провожу рукой по его затылку, но вместо русских прядей короткая щетина щекочет мою ладонь.

— Зачем ты сбрил волосы? — спрашиваю я возле его уха и целую его шею.

— Потому что кто-то мог использовать их в драке, — холодно отвечает он.

Я убираю руки от шеи Паши и откидываюсь назад, чтобы посмотреть на него. Его левая рука лежит у меня за спиной и ласкает меня по ткани футболки.

— Почему ты здесь, Ася? Это Костя заставил тебя прийти?

— Нет, — говорю я и закрываю ладонями его лицо. — Я заставила Костю привести меня сюда.

— Почему?

Я смотрю в его грустные серые глаза и прижимаясь губами к его губам. Его рот сжался в плотную линию, и он не отвечает.

— Потому что я люблю тебя, — говорю в ответ, целуя в твердые губы.

Паши напрягается под моими губами.

— А что случилось с твоим парнем?

— С каким парнем?

— Не надо врать. Я знаю про него.

Я выпрямляюсь на его коленях и растерянно смотрю на него.

— О чем ты говоришь?

Он скрежещет зубами.

— Я приезжал к тебе в прошлом месяце. Видел, как вы целовались перед твоим домом, misha.

Что за хрень? Бред какой-то. Сегодня я впервые вышла из дома после возвращения в Нью-Йорк. У меня не было желания никого видеть или куда-то идти. Разве что...

Я качаю головой и тянусь к рюкзаку, достаю телефон.

— Это «я», которую ты видел целующейся с парнем? — спрашиваю и поворачиваю экран к нему.

Паша глядит на телефон, потом берет его из моих рук и внимательно рассматривает фотографию на экране.

— У тебя здесь волосы короче. — Он поднимает на меня глаза и берет прядь моих волос между пальцами. — И они были короче, когда я тебя видел.

— Женщину, которую ты видел, зовут Сиенна. Это моя сестра. — Я улыбаюсь. — Мы близнецы. Я, кажется, говорила об этом.

Паша отпускает мои волосы и обхватывает меня за шею.

— Это была не ты?

— Конечно, не я. У меня даже мысли не возникло, что я могу прикоснуться к кому-то, кроме тебя.

Он сжимает зубы и упирается лбом в мой лоб.

— Ты останешься, — рычит он. — Знаю, что я эгоист. И знаю, что ты заслуживаешь лучшего. Но на самом деле мне плевать, Ася. Ты останешься. И если кто-нибудь попытается тебя у меня забрать, я его на месте прикончу.

— Если ты еще хоть раз проигнорируешь мой звонок, сам не заметишь, как попадешь впросак.

Паша прижимается своим ртом к моему. Он проводит рукой по моему лицу, по щеке мозолистыми пальцами. Обняв меня другой рукой за талию, с силой сжимает. Я прикусываю его нижнюю губу, затем целую его в подбородок, в шею и снова вдыхаю его запах. Насытившись, я возвращаюсь к его рту и упиваюсь его поцелуями. Это не похоже ни на один

из наших поцелуев. Любовь. Гнев. Обида. Сожаление. Тоска. Исцеление. Многое и в то же время мало.

— Куда, голубки? — спрашивает Костя с водительского места.

— Домой, — говорит Паша мне в губы.

— Домой. — Я киваю.

* * *

— Я могу идти сама, — говорю, когда Паша несет меня в свой дом. Всю дорогу он не спускал меня с колен.

— Знаю. Но я тебя не отпущу, — говорит он и подходит к охраннику в холле, чтобы взять запасной ключ. Бедняга в шоке смотрит на Пашу, одетого лишь в бойцовские трусы, всего в крови, босого и со мной на руках.

Я крепче прижимаюсь к Паше и зарываюсь лицом в его шею, где и остаюсь до тех пор, пока мы не доходим до его квартиры. Он несет меня прямо в ванную в своей комнате и опускает рядом с раковиной.

— Мне нужно принять душ.

— Хорошо. — Я киваю, снимаю очки и начинаю раздеваться.

Паша снимает шорты и трусы-боксеры, затем начинает разматывать бинты на левой руке. Я подхожу ближе и принимаюсь за дело, обнажая окровавленные костяшки пальцев.

— Ты будешь и дальше драться? — шепчу я, проводя рукой по израненной коже. — Не думаю, что выдержу, когда ты снова окажешься в этой клетке, Паша.

Он обхватывает рукой мою щеку и поднимает мою голову вверх.

— Тогда не буду.

Я киваю и смотрю на шину на его правой руке.

— Ты с ней будешь мыться?

— Нет, — говорит он и отстегивает ее.

Когда Паша снимает шину, замечаю что-то новое на тыльной стороне его руки, но у меня нет времени детально рассмотреть, потому что он хватает меня за талию и несет в душевую кабинку.

— Дай мне посмотреть на твое лицо. — Я показываю рукой, чтобы он нагнулся. Паша включает верхний душ, но вместо того, чтобы наклониться, приседает передо мной. На него льется вода, мелкими ручейками скатываясь по ушибленному лицу. Он выглядит ужасно.

— Зачем ты это сделал? — спрашиваю, проводя кончиками пальцев по порезам и синякам на его лице. — Зачем возвращаться к боям после стольких лет?

— Я надеялся, что если мне достаточно сильно настучат по голове, то забуду о тебе. Не вышло, mishka.

— Хорошо. — Я беру с полки мыло и намыливаю руки.

Паша не двигается с места, только смотрит, запрокинув голову, как я оттираю кровь и грязь с его лица. Я стараюсь обращаться с ним как можно нежнее, особенно с синяками на подбородке и под глазом. Закончив с лицом, перехожу к его коротким волосам.

— Теперь все остальное, — говорю ему.

Он встает и позволяет мне вымыть ему грудь и спину. На боку, на животе и на спине еще больше синяков, видимых даже под татуировками.

— Господи. — Я провожу ладонью по фиолетовому пятну на животе.

Его руки в несколько лучшем состоянии. Я мою левую и перехожу к правой, начиная с бицепса и заканчивая запястьем, которое слегка опухло. Осторожно намыливаю кожу, затем

подставляю его руку под струю и смотрю, как вода смывает пену, обнажая новую татуировку — покрытую колючками ветку, выполненную черными чернилами, с острыми шипами, направленными во все стороны. Над ней — красная птица в полете, широко раскинувшая пушистые крылья. Красиво и в то же время печально. Я обвожу птицу кончиком пальца.

— Это ты, — говорит Паша и проводит тыльной стороной ладони по моей щеке.

— Птица?

— Да.

Я поднимаю взгляд от татуировки и вижу, что он наблюдает за мной.

— Тут только одна птица. Где ты?

— Меня там нет. Только ты.

— Почему?

Он наклоняет голову, чтобы прошептать мне на ухо:

— Потому что от меня ничего не осталось после того, как ты улетела, mishka.

Я зажмуриваю глаза, но слезы все равно льются. Вода из душа каскадом падает на нас, напоминая мне о том дне, когда он ворвался в кабинку полностью одетым. Я обхватываю его за шею и прижимаюсь щекой к его щеке.

— Ты не должен был меня отталкивать.

— Знаю. — Он крепко обнимает меня. — Я хотел для тебя лучшего.

Я обхватываю пальцами его твердый член. Как только начинаю поглаживать его, он набухает еще больше.

— Пойдем со мной. — Беру его за руку и вытаскиваю из душа, и он идет за мной в спальню. Когда мы доходим до кровати, я легонько надавливаю на его грудь, пока он не ложится.

— Лучше тебя, Паша, никого нет, — говорю я, забравшись на кровать и оседлав его. — Ты единственный мужчина, которого я хочу.

Я беру его член в руку и начинаю лизать головку. Паша вскидывает руку и хватается меня за волосы.

Пока я сосу — сначала медленно, потом быстрее — его хватка на моих волосах не ослабевает. Дыхание его становится затрудненным, и я перехожу к облизыванию. Мне это нравится, чувство восторга разливается по мне, когда вижу, как он теряет самообладание. Никогда бы не подумала, что мне может понравиться ласкать мужчину и как сильно это меня заведет. Но это мой Паша. И я хочу делать с ним все. Я снова беру его в рот — до упора, и он стонет, когда его теплая сперма выплескивается мне в горло. Я проглатываю ее всю.

Его грудь быстро вздымается и опускается, когда забираюсь на него сверху. Его рука все еще в моих волосах, он цепляется за них, как за спасательный круг.

— Я люблю тебя, — шепчу, — очень сильно.

Он смотрит на меня несколько мгновений, затем плотно сжимает губы.

— Ты уверена, Ася?

— Уверена. — Я прижимаюсь губами к его лбу. — Разве ты сам этого не видишь?

Он отпускает мои волосы, проводит ладонью по шее, обхватывает мое лицо и поднимает голову вверх. Я ожидала увидеть его улыбку, но выражение его лица серьезное.

— Ты еще очень молода, детка, — говорит он, поглаживая большим пальцем мою щеку. — Что, если ты встретишь кого-нибудь на своем пути и решишь, что... мы... не для тебя? Не думаю, что я переживу, если ты снова уйдешь, mishka.

Я минуту смотрю на него, изучая его поджатые губы, искривленный нос и серые со

стальным отливом глаза, которые иногда говорят больше, чем его слова.

— Что значит для тебя любовь, Паша? — спрашиваю я и провожу тыльной стороной пальцев по его лицу.

— Чувство, что ты никогда не будешь достаточно близок. — Другой рукой он проводит по моей шее, слегка сжимая ее. — Так хочется как-то впитать тебя в себя, чтобы ты всегда была со мной. В безопасности. Только моя. Навсегда.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но он заставляет меня замолчать поцелуем.

— Я люблю тебя до безумия, Ася, — шепчет он мне в губы, — и мне очень нужно, чтобы ты была уверена. Пожалуйста.

Я прикусываю его нижнюю губу, прокладывая дорожку из поцелуев по шее и ниже, пока не добираюсь до сердца. Я чувствую, как оно бешено бьется. Поцеловав его в последний раз над сердцем, слезаю с него и иду в гардеробную. Открываю ящик и провожу пальцами по аккуратно сложенным в нем галстукам, пока не добираюсь до бордового. Он не совсем красный, но достаточно близкий. Достаяю его и возвращаюсь в спальню. Паша смотрит на меня, когда подхожу к кровати, и его взгляд фокусируется на галстуке, который я держу в руках.

— Mishka? — Он садится на край кровати. — Что ты делаешь?

— Я хочу показать тебе, что такое любовь для меня.

Я встаю между его ногами и беру его руку, кладу ее себе на грудь, прямо над сердцем.

— Ты никогда не спрашивал меня, почему я боюсь галстуков. Один из первых клиентов использовал свой галстук, чтобы душил меня во время секса. В ту ночь я думала, что умру. — Поднимаю руку, в которой держу галстук, затем драпирую шелковистую ткань вокруг шеи.

— Ася, нет. — Паша тянется за галстуком, но я беру его пальцы в свои и кладу его ладонь обратно на свою грудь.

— Ты чувствуешь, как мое сердце бьется быстрее, чем обычно? — Я перемещаю его руку немного вверх и влево. — Нет. Мое дыхание становится неровным? Нет.

Свободной рукой беру один конец галстука и дважды оборачиваю его вокруг шеи, а потом вкладываю конец в Пашину ладонь.

— На прошлой неделе я попробовала помочь Артуро с галстуком. Я обожаю своего брата и знаю, что он никогда не сделает мне ничего плохого. Но у меня так тряслись руки, что я попросила его сделать это самому. — Я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с Пашей. — Ты видишь, что у меня сейчас трясутся руки?

— Нет, детка, — отвечает он придушенным голосом.

— Каждая клеточка во мне влюблена в тебя, Паша. Мое тело. Мой разум. — Я обхватываю его пальцами за конец галстука и, не отпуская его руку, тяну за него. Шелковистый материал плотно облегает мою шею. — Даже мое подсознание знает, насколько велика и безусловна эта любовь. Так что, да. Я уверена.

Я отпускаю его руку и слежу за ним взглядом, пока он снимает галстук с моей шеи. Паша делает это медленно, осторожно, чтобы не потянуть за ткань, и бросает его на пол.

— Я все равно от них избавлюсь. — Он дотягивается до меня, берет на руки и бросает на кровать.

Я дважды подпрыгиваю и смеюсь. Паша забирается на кровать, но вместо того, чтобы нависать надо мной, берет мою лодыжку и поднимает ногу к своему рту, целуя пальцы. Я хихикаю и пытаюсь выдернуть ногу, но он продолжает держать.

— Хватит! — причитаю я.

— Ни за что, — бормочет он и перемещает губы к своду стопы.

Когда находит губами сверхчувствительное место на лодыжке, я кладу вторую ногу ему на грудь и безуспешно пытаюсь его оттолкнуть.

— Я боюсь щекотки. Паша! Нет, только не там!

— Везде, mishka. Я планирую усыпать поцелуями все твое тело. Каждый день.

Он прокладывает дорожку из поцелуев по моей ноге до половых губок. Я чувствую его теплое дыхание, когда он нежно целует, а затем зарывается лицом между моих ног, посасывая клитор. Он скользит по моим ногам и проникает под попку, приподнимая ее. Я стону и хватаюсь за изголовье над головой, держась за него изо всех сил, пока Паша вводит в меня язык. Бедра и руки трясутся, как будто меня лихорадит, а сознание отключается, сосредоточившись исключительно на его языке. Вдруг его рот исчезает, а спустя мгновение он вводит член. Паша еще не вошел до конца, а я уже близка к тому, чтобы кончить.

Паша хватается меня за горло. Я открываю глаза и вижу, что он возвышается надо мной, такой большой и свирепый, весь в татуировках. Мой горный король. Самый красивый мужчина, и лицом, и душой.

Я не могу оторвать глаз от Аси. Они словно держат меня в рабстве. Мне до сих пор трудно поверить, что она моя. Я медленно выхожу из нее, чтобы снова войти, как можно глубже. С ее губ срывается слабый стон, а изящные руки напрягаются, хватаясь за изголовье кровати. Звуки, которые она издает, вызывают привыкание. Я снова выхожу из нее, обнимаю ее и поворачиваю к себе спиной.

— Хотелось бы мне найти слова, чтобы выразить, — говорю я и целую мочку уха, — как сильно я тебя люблю.

Я скольжу ладонями по ее спине и медленно целую ее вдоль позвоночника, до самой попки. Ее кожа такая мягкая, что кажется нереальной, и я испытываю легкое сожаление, когда впиваюсь зубами в ее упругую ягодицу. Затем тут же целую ее попку и, расположившись между ее ног, погружаюсь в нее, наслаждаясь каждым ее вздохом и стоном. Левую руку опускаю между ее ног и дразню клитор. Ася вся дрожит от моих прикосновений, и правой ладонью я провожу по ее спине. Как бы мне хотелось прикоснуться к ней везде и сразу. Я вхожу в нее сначала размеренно, затем увеличиваю темп. Ася опускает голову на подушку и поднимает попку выше.

— Сильнее! — кричит она и снова хватается за изголовье.

Я беру ее за бедра и вхожу в нее еще глубже. Ее мышцы спазмируют вокруг члена, и когда слышу, как она стонет мое имя, кончая, теряю самоконтроль. Изголовье бьется о стену, а я вбиваюсь в Асю, как одержимый.

— Ты моя, mishka? — выкрикиваю я между толчками. Мне безумно хочется услышать, как она это скажет.

— Всегда, — выдыхает Ася.

Есть много вещей, которые я хотел бы иметь в своей жизни, но ничто не сравнится с тем, что она моя. Пока Ася со мной, мне больше ничего не нужно.

— Моя! — Я кончаю с ревом, заливая ее своим семенем.

* * *

Я прижимаю Асю к себе и натягиваю на нее одеяло. В комнате тепло, но я всегда боюсь, что она замерзнет.

— Твоя семья знает, что ты здесь?

— Да, — бормочет она мне в шею.

— А они знают, что ты не вернешься домой?

Я с ужасом ждал этого момента. Я не хочу ссориться с ее братом, но не позволю ему больше никогда ее увезти. И если мне придется выбить из него все дерьмо, чтобы он понял, то так тому и быть. Но что, если она не выдержит разлуки с ним?

— У меня есть только один дом. — Она поднимает лицо, глядя мне в глаза, и улыбается. — Ты. Ты теперь мой дом.

В этот момент что-то происходит в моей груди. Сердце учащенно забилося, а потом я чувствую, как что-то встает на место. Неровные края, наконец-то, сошлись.

Я достаю тарелки из шкафа, когда меня целуют в шею.

— У меня для тебя кое-что есть, — говорит Паша.

Я оборачиваюсь и в замешательстве смотрю на коробки, которые он держит в руках.

— Новые виды хлопьев?

— Ага. — Он улыбается, но как-то настороженно, и кладет коробки на стол. Всего их пять.

— Хм... ладно. — Я фыркаю. — Ты хочешь выбрать?

— Нет. Я хочу, чтобы ты выбрала. — Он выстраивает коробки в идеальную линию и смотрит на меня сверху вниз. — Какую?

Я смеюсь и смотрю на упаковки с хлопьями. Сейчас у меня редко возникают проблемы с принятием решений, но Паша все равно время от времени заставляет нас тренироваться. То, как Паша продолжает мне помогать, просто удивительно. Он даже уговорил меня встретиться с психиатром, которого мне посоветовал доктор, и она тоже оказалась очень хорошей. Наши встречи проходят непросто, но я ценю ее заботу и поддержку.

Протянув руку, беру коробку с сушеной клубникой.

— Ну как, доволен? — Я приподнимаю бровь.

— Да. — Он целует меня в губы. — А теперь открывай.

Покачивая головой, я начинаю открывать коробку, недоумеваю, почему он так суетится из-за хлопьев. Я отрываю крышку и просовываю руку внутрь, чтобы достать пакет, когда мои пальцы касаются чего-то твердого и бархатистого. Сердце бьется с утроенной скоростью, когда достаю красную коробочку.

— Паша? — задыхаюсь я, глядя на шкатулку. — Что это?

— Не знаю. Давай посмотрим. — Он берет коробочку из моих рук и открывает ее.

Затем достает золотое кольцо. Желтый бриллиант сияет под светом верхнего освещения. Моя рука слегка дрожит, когда Паша поднимает ее и целует кончики моих пальцев.

— Mishka, ты выйдешь за меня замуж?

— Да, — шепчу я.

Паша улыбается и надевает мне на палец кольцо. Я шмыгаю носом и прыгаю в его объятия, зарываясь лицом в его шею.

— А что бы ты сделал, если бы я выбрала не ту коробку? — спрашиваю я.

— Ты никогда не ошибешься, детка.

— Я могла бы выбрать хрустящие хлопья

Его ладонь гладит мою спину, и он смеется.

— Ты ненавидишь хрустящие хлопья.

— Да, но что, если бы я решила попробовать еще раз?

Он просто пожимает плечами.

Я отстраняюсь и смотрю на него, пока до меня доходит смысл его слов. «Ты никогда не ошибешься».

— Что?

Я сужаю глаза.

— Опустим меня.

— Почему?

— Мне нужно кое-что проверить.

Когда мои ноги касаются пола, я поворачиваюсь к столу, где выстроились в ряд остальные четыре коробки с хлопьями. Я беру первую, ту, что с медом, и открываю. Сверху на пакете с хлопьями лежит красная бархатная коробочка. Открыв ее, обнаруживаю кольцо, такое же, как на моем пальце, вложенное в белую шелковую подушечку. Я оставляю коробочку на столе и беру следующую упаковку с хлопьями. И следующую.

Коробку с хрустящими хлопьями оставляю напоследок. Я бы никогда не выбрала хрустящие, Паша это прекрасно знает, но когда их открываю, там тоже оказывается коробочка с кольцом. Я кладу ее на стол рядом с остальными четырьмя. В каждой из них он спрятал по кольцу.

Паша обхватывает меня за талию, прижимается ко мне сзади, но я не поворачиваюсь. Я не могу оторвать глаз от четырех дополнительных коробочек, в которых лежат одинаковые кольца.

— Почему? — шепчу я.

Он крепче сжимает мои руки.

— Потому что мне нужно было, чтобы ты поняла.

— Что, Паша?

— То, что ты не можешь принять неправильное решение, детка. — Он целует меня в макушку. — Даже в таком простом выборе вкуса хлопьев.

* * *

Месяц спустя

— А что, если я сойду с ума? — спрашиваю я, и мой голос звучит придушенно.

Сиенна отрывается от туфель, которые помогает мне обуть.

— Ты не сойдешь с ума, Ася.

— Да, я знаю... — Я поднимаю руку и грызу ноготь. — Но что, если сойду? Там же... двести человек.

Сиенна выпрямляется, отводит мою руку от рта и берет меня за плечи.

— Ты не испугаешься. Ты войдешь туда, встанешь рядом с мужчиной, которого любишь и который без ума от тебя, и у тебя будет лучший день в твоей жизни.

— Конечно, но...

— Знаешь, я тут подумала, — продолжает она. — Когда вы с Пашей решите завести детей, может, ты позволишь мне выбрать им имена? Тетя позаботится о том, чтобы они были особенными.

Я в ужасе смотрю на сестру. Я ни за что не позволю ей выбирать имена для моих детей. Иначе рискую, что они будут названы в честь шоколадных батончиков или других конфет. Или еще хуже.

Сиенна поднимает на меня глаза и усмехается.

— Расслабься. — Она хихикает. — Я просто шучу. Но признай, что выходить на улицу перед всеми этими людьми теперь не так страшно.

— Ну конечно. — Я фыркаю.

— Все будет хорошо. Не волнуйся.

Я расправляю платье в тысячный раз.

— Может быть, мне следовало выбрать белое платье. Что если люди...

— Это твоя свадьба. Ты можешь надеть все, что захочешь, Ася. — Она смотрит на мое ярко-желтое кружевное платье и ухмыляется. — Мне нравится! Ты как будто принцесса из сказки.

— Думаешь, Паше понравится?

Сиенна берёт меня за лицо и наклоняется ближе.

— Этот мужчина безумно влюблен в тебя, ты могла бы прийти к нему в кухонной тряпке, и он пожирал бы тебя глазами.

Я смеюсь.

— Не могу поверить, что выхожу замуж.

— Я тоже, милая. — Она фыркает. — Пойдем. Артуро ждет. Да и мне не хочется испортить макияж раньше времени.

Сиенна крепко сжимает мою руку, когда мы выходим из номера и спешим по коридору отеля к большой деревянной двери в конце, где ждет Артуро. Оставив меня с братом, Сиенна проскальзывает в зал бракосочетаний, захлопывая за собой дверь. Через несколько мгновений до моего слуха доносятся первые звуки мелодии.

Не свадебный марш.

— Готова? — спрашивает Артуро.

Я киваю, стараясь держать дыхание под контролем.

Музыка становится громче, когда перед нами медленно открывается дверь. Это «Лунная соната». Мы выходим в коридор.

Паша стоит в конце прохода, не сводя глаз с меня, и следит за каждым нашим шагом. Когда Артуро ведет меня вперед, мне приходит в голову мысль, что что-то не так. Учítывая, что я словно сгусток нервов, неудивительно, что понимание пришло только тогда, когда мы почти достигли места назначения.

Я растерянно моргаю. Паша одет в черные джинсы и черную футболку. Он знает, что меня не смущает, когда он в костюме, так почему же пришел в джинсах? Я поворачиваю голову к брату, блуждая глазами по его джинсам и футболке «хенли», пока не дохожу до его лица.

— Твой русский установил дресс-код для свадьбы, — объясняет он, продолжая идти.

Я глубоко вздыхаю и смотрю на гостей, сидящих слева от нас. Сердце трепещет в груди. Перевожу взгляд на правую сторону. Все то же самое. Все до единого мужчины одеты в джинсы и футболки с длинными или короткими рукавами. Даже наш дон, который сидит в первом ряду со своей женой. Я никогда в жизни не видела Сальваторе Аджелло в футболке. Да и вообще, думаю, никто не видел. Кроме, может быть, его жены.

Я перевожу взгляд на Пашу, вижу, что он улыбается, и не могу больше сдерживать слезы. Поэтому позволяю им скатиться по щекам и широко улыбаюсь, когда брат передает меня на руки будущему мужу.

Паша подносит мою руку ко рту и целует мои пальцы.

— Все хорошо, misha?

— Да, — отвечаю я, — все отлично Pashenka.

* * *

Мы стоим у шведского стола, когда у Артуро звонит телефон. Я отворачиваюсь в сторону и передаю сервировочную ложку стоящему рядом со мной пожилому мужчине,

когда замечаю напряжение в голосе Артуро.

— Почему они ничего не нашли? Прошло уже несколько месяцев.

Несколько мгновений он слушает собеседника, затем разминает виски.

— Хорошо.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Никто до сих пор не знает, почему дом Рокко сгорел до основания, но в отчете будет указано, что предположительно произошла утечка газа. Останков не нашли, потому что все было выжжено до пепла, а здание рухнуло само по себе. Судя по записям с камер наблюдения, сделанным до отключения сигнала, Рокко, Равена и Алессандро находились внутри. Не имея больше никаких доказательств, власти прекращают расследование и объявляют всех троих погибшими. — Он убирает телефон в карман и оглядывается через плечо. — Мне нужно сказать боссу.

Я смотрю вслед удаляющемуся Артуро, когда слышу приглушенное хихиканье рядом с собой. Поворачиваюсь к седовласому мужчине рядом со мной. Он накладывает себе на тарелку мясо, а на его лице играет широкая улыбка. Что, черт возьми, с ним такое? Три человека погибли, а он находит это забавным?

— Черт возьми, Альберт! Ты закончил? — Здоровенный блондин, стоящий с другой стороны, подталкивает его локтем. Кажется, его зовут Сергей. — Подвинься уже, здесь и другие люди хотят поесть. И почему ты хихикаешь, как чертова гиена?

— Просто так. — Старик качает головой и уходит, тихо напевая что-то. Звучит как... «Покер фейс» Леди Гаги.

Пять лет спустя

Раз. Два. Три. Я считаю в уме, глядя на пластиковую палочку в своей руке. В окошке дисплея появляется одна красная линия. Четыре. Пять. Шесть. Только одна линия.

Я сажусь на крышку унитаза и смотрю в потолок. После окончания музыкальной консерватории я решила давать бесплатные уроки игры на фортепиано женщинам, пережившим сексуальное насилие. Я надеялась, что музыка поможет им исцелиться. Вчера, просматривая записи на прием к врачу на ближайшую неделю, поняла, что месячные задерживаются почти на месяц. Поскольку я закончила обучение на факультете, мы с Пашей решили, что мне следует прекратить прием противозачаточных таблеток, чтобы мы могли попробовать создать семью. Я знала, что после прекращения приема таблеток мой цикл станет нерегулярным, поэтому отсутствие месячных не обязательно означало, что я беременна. Возможно, это просто побочный эффект.

— Ася? — раздается голос Паши с другой стороны двери ванной.

— Результат отрицательный, — стараюсь говорить беззаботно, чтобы скрыть разочарование. Втайне надеялась, что он будет положительным. От одной мысли о том, что у меня будет ребенок от Паши, хотелось визжать от радости. Я лежала, уютно прижавшись к Паше, когда сказала ему, что мне нужно сделать тест на беременность. На миг он замер, а потом так крепко прижал меня к себе, что я едва могла дышать.

Дверь открывается, и в ванную заходит Паша.

— Все хорошо. — Он гладит меня по щеке и забирает тест из моей руки. Выражение его лица кажется спокойным, но я вижу это в его глазах — он тоже надеялся.

— Ты еще молода. Когда... — Он опускает взгляд на пластиковую палочку в своей руке и напрягается. — Mishka. Сколько должно быть полосок?

— Одна. Значит, отрицательная.

— Но их же две.

Я спрыгиваю с унитаза и выхватываю тест из его рук.

— Но ведь была только одна. Дай мне коробку!

Паша передает мне коробку, и я быстро читаю инструкцию, пока не дохожу до того места, где говорится, что нужно подождать не менее пяти минут. Когда читала это в первый раз, мне показалось, что там написано про пять секунд.

— Положительно, — выдыхаю я и гляжу на Пашу. Он пристально смотрит на меня в ответ. — У нас будет ребенок.

Медленно его взгляд скользит по моей груди к животу. Он делает глубокий вдох и опускается передо мной на колени. У него дрожат руки, когда он задирает подол моего топа вверх и целует чуть выше пупка. Затем прижимается щекой к моей груди и, обхватив меня руками, начинает напевать колыбельную.

— Я уже говорил тебе, что не провожу гинекологических осмотров, — огрызается врач.

— У нас завтра прием у гинеколога, — рывкаю я и отпихиваю его от двери, чтобы мы с Асей могли войти в его кабинет. — Но мне нужно знать, что все в порядке. Сейчас же.

— Ты слишком остро реагируешь.

— Мне плевать. — Осторожно подхватив Асю под мышки, я поднимаю ее на каталку. — Можешь начинать.

Доктор качает головой и садится, подтягивая к себе аппарат УЗИ.

Я фиксирую взгляд на происходящем, наблюдая за тем, как он намазывает живот Аси какой-то жижей и перемещает аппарат над поясом ее леггинсов. Он скользит прибором слева направо, затем немного поворачивает его, не сводя глаз с монитора и нажимая какие-то кнопки на башенном блоке.

— Я бы сказал, что у вас шестая неделя. Они оба, по-моему, в полном порядке, — говорит он, затем смотрит на Асю. — И вы, кажется, тоже в порядке.

Я моргаю в замешательстве.

— Оба? И Ася, и ребенок?

— Нет. Оба ребенка.

Я перевожу взгляд на Асю, которая смотрит на монитор с широкой улыбкой на лице.

— Вы уверены? — шепчет она.

— Да, — отвечает док одновременно с тем, как я говорю: — Нет!

Они оба поворачиваются ко мне.

— А ну-ка посмотри еще раз. — Я показываю пальцем на аппарат УЗИ, а внутри меня охватывает ужас.

— Я уверен и умею считать! — восклицает доктор и прижимает распечатку УЗИ к моей груди, указывая на нее другим пальцем. — Раз. Два.

Я хватаю его за грудки и впиваюсь ему в лицо.

— Еще раз!

— Паша? — Ася хватается меня за предплечье. — Что происходит?

Я отпускаю дока и беру ее лицо в свои ладони.

— Это опасно, *mishka*. А ты такая маленькая. Вдруг что-нибудь случится?

Ася прижимает палец к моим губам.

— Со мной все будет хорошо. В моей семье почти в каждом поколении есть близнецы, и ни у кого никогда не было никаких проблем. Не паникуй.

— Я не паникую. Я не паникую. — Я бросаю взгляд через плечо на доктора. — Может, ее надо положить в больницу? Я сразу туда поеду.

— Паша. — Ася тянет меня за рубашку.

— А ходить ей можно? — я продолжаю. — Нет, лучше я ее туда понесу.

— Твою мать, я не поеду в больницу! — Ася рычит мне в ухо, хватается меня за подбородок и поворачивает мою голову к себе. — Давай поблагодарим врача и поедem домой.

— *Mishka*...

— Я бы не советовал злить женщину, беременную двойней, Паша, — бросает доктор.

— А он и не будет. — Ася прижимается губами к моим. — Расслабься. Все будет

хорошо.

Больше книг на сайте - Knigoed.net